

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

На правах рукописи

ЧЖАН Маньци

МЕСТО И РОЛЬ АСЕАН ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КИТАЯ
(2013–2025 гг.)

Специальность 5.6.7. История международных отношений
и внешней политики

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель –
доктор политических наук, профессор
Виноградов Андрей Владимирович

Москва – 2026

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ДИПЛОМАТИЯ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ СИ ЦЗИНЬПИНА: СОДЕРЖАНИЕ И ИЕРАРХИЯ ПРИОРИТЕТОВ	35
1.1. Философия дипломатии Си Цзиньпина: формирование «Сообщества единой судьбы человечества»	36
1.2. Построение международных отношений нового типа	58
1.3. Географическая иерархия дипломатии Си Цзиньпина	72
ГЛАВА 2. АСЕАН В ПЕРИФЕРИЙНОЙ ДИПЛОМАТИИ СИ ЦЗИНЬПИНА	89
2.1. АСЕАН как приоритетное направление периферийной дипломатии Китая	90
2.2. Китайская инициатива «Одного пояса - одного пути» и страны АСЕАН	103
2.3. Реализация идеи «Сообщество единой судьбы Китая и АСЕАН»	124
ГЛАВА 3. ГЛОБАЛЬНЫЕ ИДЕИ СИ ЦЗИНЬПИНА ДЛЯ ВСЕГО МИРА И СТРАН АСЕАН	142
3.1. Содействие глобальному и региональному экономическому развитию	143
3.2. Форматирование структур глобальной и региональной безопасности	160
3.3. Формирование глобальной и региональной цивилизации	173
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	188
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	193

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования определяется тем, что на современном этапе отношения между Китаем и АСЕАН формируются в условиях глубоких изменений в системе международных отношений и характеризуются беспрецедентным уровнем экономической взаимозависимости. Статистические данные убедительно подтверждают данную тенденцию: в 2025 года АСЕАН сохранила статус главного торгового партнера Китая. Общий объём торговли достиг 1,05 трлн долл. США, увеличившись на 7,4%. Подписание в 2025 году протокола о модернизации Зоны свободной торговли Китай–АСЕАН до версии 3.0 выводит их экономическую интеграцию на качественно новый уровень.

Значение темы также обусловлено усилением геополитической конкуренции в регионе. Возвращение Д. Трампа в Белый дом и его участие в саммите АСЕАН 2025 года в Куала-Лумпуре продемонстрировали стремление США восстановить своё влияние в Юго-Восточной Азии. Одновременно формирование альтернативных механизмов регионального взаимодействия, таких как «Четырёхсторонний диалог по безопасности» (Quad) и блок AUKUS, бросают вызов центральной роли АСЕАН, что подчеркивает важность исследования позиции Китая в отношении организации.

Дополнительную актуальность исследованию придают внутренние вызовы, с которыми сталкивается сама Ассоциация. Политический кризис в Мьянме, продолжающийся с 2021 года, выявил отсутствие единой позиции членов АСЕАН по вопросам урегулирования внутренних конфликтов, а также ограниченность институциональных ресурсов организации при решении

сложных политических проблем. Различия в подходах стран-членов Ассоциации к урегулированию кризисных ситуаций свидетельствуют о сохраняющихся трудностях в поддержании внутреннего единства. Кроме того, после завершения основных этапов институционального строительства развитие АСЕАН всё чаще характеризуется так называемой проблемой «потолка возможностей», когда дальнейшее углубление регионального сотрудничества сталкивается с дефицитом новых инициатив и стратегических импульсов.

Территориальные споры в Южно-Китайском море остаются важным фактором, оказывающим влияние на характер отношений Китая с рядом государств АСЕАН и на общую архитектуру региональной безопасности. На протяжении многих лет Китай и прибрежные государства АСЕАН ведут переговоры о разработке Кодекса поведения (Code of Conduct, COC) в Южно-Китайском море. Однако из-за различий в интересах и политических позициях сторон этот процесс сопровождается существенными трудностями. При этом экономическая взаимозависимость государств и институты механизмы сотрудничества позволяют сдерживать эскалацию конфликтов.

По мере развития механизмов регионального сотрудничества значение «центральной роли» АСЕАН также постепенно меняется. Эта концепция впервые была официально закреплена в Уставе АСЕАН в 2007 году и теперь приобрела новое значение. Китай неоднократно выражал поддержку центральной роли АСЕАН в системе регионального сотрудничества и выступает за то, чтобы региональные проблемы решались методами АСЕАН. Однако в условиях ухудшения американо-китайских отношений и появления новых форматов регионального сотрудничества вопрос о том, сможет ли

АСЕАН сохранять субъектность и не превратиться в «предмет» соперничества великих держав, остаётся открытым.

Одновременно продолжается углубление гуманитарного измерения сотрудничества Китая и АСЕАН, а также расширение их взаимодействия за счет новых сфер. Период с 2024 по 2025 годы был объявлен Годом культурно-гуманитарных обменов Китая и АСЕАН. Запуск «визы АСЕАН» и введение безвизовых режимов с Сингапуром, Таиландом, Малайзией и Брунеем создали условия для широких межкультурных контактов. Активно развивается сотрудничество в таких новых сферах, как искусственный интеллект и цифровая экономика, открывая дополнительные перспективы для инновационного развития регионального сотрудничества.

Таким образом, актуальность исследования зависит от сочетания множества факторов. Среди них высокий уровень экономической интеграции, обострение геополитического соперничества, внутренние проблемы АСЕАН, территориальные споры, а также общее стремление стран к созданию «сообщества единой судьбы». В этом контексте изучение места и роли АСЕАН во внешней политике Китая имеет не только научное, но и важное политическое значение, будет способствовать пониманию перспектив региональной стабильности.

Степень научной разработанности темы. В ходе исследования был проведен анализ научной литературы на русском, китайском и английском языках, которая была разделена на следующие группы в соответствии с научной проблематикой.

Первая группа исследований посвящена эволюции современной внешней политики Китая, направлениям ее стратегической корректировки, а также

формированию и развитию дипломатической мысли Си Цзиньпина. Данная проблематика занимает значительное место в современном российском китаеведении и представлена прежде всего в исследованиях специалистов Института Китая и современной Азии РАН, Института востоковедения РАН и других ведущих российских научных центров.

Особое значение имеет коллективная монография «Современная идеология КНР. Идеи Си Цзиньпина как основа политики Китая»¹, в которой впервые в российской науке комплексно исследуется современная идеология КНР, основанная на идеях Си Цзиньпина. Авторы раскрывают логику формирования идеологической платформы КПК и ее влияние на основные направления государственной политики, включая внешнюю политику, международную безопасность и глобальные инициативы Китая.

Значительный вклад в развитие современного российского китаеведения и изучение внешней политики КНР внес А. В. Виноградов². В его работах исследуются идейно-политические основы курса Китая в новую эпоху, эволюция представлений КНР о региональном и мировом порядке и изменение ее стратегического позиционирования в условиях трансформации международной системы. Исследования А. В. Виноградова позволяют проследить связь между развитием политического курса КПК, изменением международной среды и корректировкой внешнеполитической стратегии

¹ Современная идеология КНР. Идеи Си Цзиньпина как основа политики Китая / под ред. К.В. Бабаева. М.: ИКСА РАН, 2025. – 324 с.

² Виноградов А.В. Однополярная Азия: китайский региональный порядок // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 3. С. 23–32.; Виноградов А.В. Китайский проект для большой Евразии // Международные процессы. 2021. № 19(2). С. 6–20; Виноградов А.В. Марксизм, КПК и новая эпоха Си Цзиньпина // Ориенталистика. 2022. Т. 5. С. 944–960; Виноградов А.В. Внешний мир в стратегии Китая после XX съезда КПК // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 5. С. 90–107; Виноградов А.В. Китай в современном глобальном противостоянии // Полицентричный мир. 2024. Т. 1. № 1-2. С. 77–82.

Китая.

Современная внешняя политика КНР рассматривается с различных исследовательских позиций в трудах А. В. Ломанова³, А. В. Лукина⁴, Е. Н. Грачикова⁵, И. Е. Денисова⁶, В. Я. Портякова⁷ и других российских китаеведов. В их исследованиях раскрываются идейно-политические основы курса КНР при Си Цзиньпине, эволюция китайских представлений о международном порядке и национальных интересах, а также механизмы реализации внешней политики. А. В. Ломанов уделяет особое внимание трансформации внешнеполитической стратегии Китая после XX съезда КПК, а Е. Н. Грачиков — формированию китайской модели мироустройства и эволюции системы национальных интересов. Работы А. В. Лукина, И. Е. Денисова и В. Я. Портякова расширяют исследование данной проблематики за счет анализа политико-идеологических основ курса КНР, внешнеполитического дискурса и институциональных механизмов китайской дипломатии.

³ Ломанов А.В. Современные идеологические вызовы правлению КПК // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66. № 10. С. 13–23; Ломанов А.В. Внешнеполитическая стратегия Си Цзиньпина после XX съезда КПК // *Россия и АТР*. 2024. № 3. С. 11–34.

⁴ Лукин А.В. Концепции “китаизации марксизма”, “новой формы человеческой цивилизации” и “государства-цивилизации” в современном китайском идеологическом дискурсе. *Российское китаеведение*. 2023. Т. 1. № 2. С. 71–99.

⁵ Грачиков Е.Н. Дипломатия КНР: Контекст академического дискурса // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 3. С. 33–41; Грачиков Е.Н., Сюй Хайянь. КНР и международная система: формирование собственной модели мироустройства // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2022. Т. 17. № 1. С. 7–24; Грачиков Е.Н., Чжоу Сяоюй. Национальные интересы Китая: коннотации, иерархия, балансирование // *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. Т. 67. № 7. С. 70–83.

⁶ Денисов И.Е., Зуенко И.Ю. От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологемы внешней политики КНР. М.: МГИМО-Университет, 2022. – 24 с.; Денисов И.Е. Правовое обеспечение внешней политики КНР: укрепление международного статуса и защита национальных интересов // *Мировая экономика и международные отношения*. 2025. Т. 69. № 1. С. 17–29.

⁷ Портяков В.Я. О современной внешней политике КНР // *Проблемы Дальнего Востока*. 2019. № 1. С. 13–21; Портяков В.Я. О кадровом обеспечении китайской дипломатии // *Проблемы Дальнего Востока*. 2024. № 1. С. 7–18.

Отдельные концептуальные аспекты внешнеполитического курса КНР, включая дипломатию великой державы с китайской спецификой, получили освещение в исследованиях В. Л. Нежданова⁸ и А. В. Бояркиной⁹.

Системное изложение внешнеполитической мысли Си Цзиньпина в основном отражено в официальной литературе, издаваемой Институтом истории партии и литературы ЦК КПК, Министерством иностранных дел Китая и Отделом пропаганды ЦК КПК¹⁰. Некоторые из этих работ содержат углубленный теоретический анализ дипломатической мысли Си Цзиньпина, демонстрируют его значительный вклад в формирование китайской дипломатической мысли, а также помогают углубленному изучению современной китайской дипломатической стратегии. Труды Чжан

⁸ Нежданов В.Л. К вопросу о специфике внешнеполитических концепций "Идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи" // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 3. С. 47–57.

⁹ Бояркина А.В. К вопросу о дипломатии великой державы с китайской спецификой в "новую эпоху" // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2022. № 1. С. 129–140.

¹⁰ 习近平外交思想学习纲要[Программа изучения дипломатических идей Си Цзиньпина] // Сост. отделом пропаганды ЦК КПК, МИД. 北京: 人民出版社, 学习出版社[Пекин: Народное издательство, Учебное издательство], 2021. – 217 с.; 习近平关于中国特色大国外交论述摘编[Сборник выдержек из высказываний Си Цзиньпина о дипломатии великой державы с китайской спецификой] // Сост. Институт истории партии и документации ЦК КПК. 北京: 中央文献出版社[Пекин: Центральное издательство литературы ЦК КПК], 2020. – 282 с.; 习近平[Си Цзиньпин]. 习近平总书记系列重要讲话读本[Серия важных речей Генерального секретаря Си Цзиньпина]. 北京: 中央文献出版社[Пекин: Центральное издательство литературы ЦК КПК], 2016. – 194 с.; 习近平[Си Цзиньпин]. 习近平谈“一带一路”[Си Цзиньпин: "Один пояс, один путь"]. 北京: 中央文献出版社[Пекин: Центральное издательство литературы ЦК КПК], 2018. – 359 с.

Юйяня¹¹, Вэй Чжицзяна¹², Чэнь Хэсяна¹³, Ян Цземьяня¹⁴ представляют собой глубокое и систематическое исследование логики, а также предлагают глубокий и всесторонний взгляд на сложность и богатство дипломатической мысли Си Цзиньпина.

Вторую группу работ составляют исследования, посвященных анализу практической реализации ключевых идей дипломатии Си Цзиньпина во внешней политике Китая – построения Сообщества единой судьбы человечества, формирования международных отношений нового типа и развития периферийной (сопредельной) дипломатии (peripheral diplomacy), понимаемой в настоящем исследовании как дипломатия Китая в отношении соседних стран как составных элементов дипломатии великой державы с китайской спецификой. Они раскрывают их практическое значение для международных отношений и формируют системную основу для понимания нового этапа развития китайской дипломатии.

Различные аспекты формирования и развития концепции Сообщества единой судьбы человечества получили освещение в трудах А. В. Бояркиной и

¹¹ 张宇燕[Чжан Юйянь]. 习近平新时代中国特色社会主义思想外交思想研究[Исследование внешнеполитической мысли Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху]. 北京: 中国社会科学出版社[Пекин: Издательство общественных наук Китая], 2019. – 100 с.

¹² 魏志江[Вэй Чжицзян]. 习近平外交思想的天下情怀[Мировые настроения в контексте дипломатической мысли Си Цзиньпина] // 国际问题研究[Исследования по международным проблемам]. 2023. № 6. С. 1–14.

¹³ 陈和香[Чэнь Хэсян]. 习近平外交思想的理论逻辑、历史逻辑与实践逻辑[Теоретическая логика, историческая логика и практическая логика внешнеполитической мысли Си Цзиньпина] // 延安大学学报[Вестник Яньаньского университета]. 2023. № 45(01). С. 5–10.

¹⁴ 杨洁勉[Ян Цземьянь]. 习近平外交思想指导构建大国关系新格局[Дипломатическая мысль Си Цзиньпина направляет строительство новой модели отношений между великими державами] // 国际问题研究[Международные исследования]. 2023. № 5. С. 1–18.

В. Ф. Печерицы¹⁵, А. И. Колганова¹⁶, А. С. Пятачковой¹⁷, А. Л. Верченко¹⁸, Ван Хуосюэ и Хэ Сяосяо¹⁹, Юй Ян²⁰ и других исследователей. В данных работах рассматриваются ее историко-философские и идейные истоки, теоретическое содержание, эволюция и место в современной внешнеполитической стратегии КНР. В работах А. Л. Верченко последовательно прослеживаются становление и продвижение концепции СЕСЧ во внешнеполитической практике Китая, роль дипломатии высшего руководства КНР в ее распространении, а также развитие концепции на протяжении первого десятилетия ее реализации.

Китайские ученые, Хуан Бин²¹, Сунь Чжуанчжи²², У Чжичэн и Лю

¹⁵ Бояркина А.В., Печерица В.Ф. Концепция Си Цзиньпина "Сообщество единой судьбы человечества" - вклад в творческое развитие марксизма в XXI веке // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. №4 (55). С. 105.

¹⁶ Колганов А.И., Чэнь Айжу. О философских и культурных истоках и социально-экономическом значении концепции «сообщества единой судьбы человечества» // Российский экономический журнал. 2023. № 3. С. 38–53.

¹⁷ Пятачкова А.С. Особенности реализации концепции “сообщество единой судьбы” как инструмента дискурсивной силы КНР при Си Цзиньпине // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2025. №. 1. С. 37–45.

¹⁸ Верченко А.Л. Китайская концепция «сообщества единой судьбы человечества» и дипломатия первого лица // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2022. Т. 27. №. 27. С. 71–83; Верченко А.Л. Концепция сообщества единой судьбы человечества: китайское видение нового мироустройства (десятилетие реализации) // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. Т. 7. №. 2. С. 60–74.

¹⁹ 王虎学,何潇潇[Ван Хуосюэ, Хэ Сяосяо]. “人类命运共同体”理念的历史、现实与价值 [История, реальность и ценность концепции "Сообщество единой судьбы человечества"] // 新视野 [Новые горизонты]. 2022. № 1. С. 29–34.

²⁰ 于洋[Юй Ян]. 人类命运共同体理念的建构历程及理论价值 [История создания и теоретическая ценность концепции сообщества единой судьбы человечества] // 西北师大学报[Вестник Северо-Западного педагогического университета]. 2024. № 61(02). С. 14–22.

²¹ 黄冰[Хуан Бин]. 伙伴关系:构建新型国际关系的新路径——以中国与东南亚国家的伙伴关系实践为例[Партнерство: новый путь к построению международных отношений нового типа - на примере практики партнерства Китая со странами Юго-Восточной Азии] // 外交评论[Дипломатическое обозрение]. 2023. № 40(05). С. 48–72.

²² 孙壮志 [Сунь Чжуанчжи]. 在多极化进程中构建新型国际关系 [Построение международных отношений нового типа в процессе многополярности] // 世界知识 [Мировые знания]. 2023. № (07). С. 24–26.

Пэйдун²³, Цзо Фэнжун²⁴, Сюй Бу²⁵ всесторонне раскрыли теоретические основы, практические пути и значение концепции «международных отношений нового типа». Их исследования не только анализируют теоретическую базу концепции, но и демонстрируют ее практическое применение в международном сотрудничестве на конкретных примерах взаимодействия Китая со странами Юго-Восточной Азии и с Россией. Кроме того, авторы рассматривают, как новая модель международных отношений адаптируется к глобальной многополярности и способствует формированию более справедливого и рационального мирового порядка, что вносит значительный научный вклад в понимание дипломатии великой державы с китайской спецификой.

А. А. Тушков и У. В. Федоренко²⁶, Д. В. Коробкова²⁷, С. К. Песцов²⁸, Д.

²³ 吴志成,刘培东[У Чжичэн, Лю Пэйдун]. 习近平外交思想中的新型国际关系观[О принципе международных отношений нового типа в дипломатической мысли Си Цзиньпина] // 东北亚论坛[Форум Северо-Восточной Азии]. 2022. № 31(02). С. 3–18

²⁴ 左凤荣[Цзо Фэнжун]. 习近平关于构建新型国际关系的重要论述及其重大意义[Важные рассуждения Си Цзиньпина о построении международных отношений нового типа и их значимость] // 理论视野[теоретический горизонт]. 2023. № 10. С. 17–24.

²⁵ 徐步[Сюй Бу]. 构建新型国际关系的理论内涵及时代意义[Теоретическое содержание и современное значение построения международных отношений нового типа] // 国际问题研究[Исследования по международным проблемам]. 2021. № (03). С. 1–22.

²⁶ Тушков А.А., Федоренко У.В. Периферийная дипломатия Китая как драйвер концепции "Сообщества единой судьбы человечества" // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 3(67). С. 819–825.

²⁷ Коробкова Д.В. Периферийная дипломатия как инструмент внешнеполитической коммуникации КНР // Международные коммуникации. 2019. № 2(11). С. 7.

²⁸ Песцов С.К. Регионализм и новая периферийная политика Китая // Мировая политика. 2017. № 3. С. 103–118.

Стокс²⁹, С. Н. Смит³⁰, Д. Ривз³¹, Ф. Макконнелл и Ч. Ю. Вун³² провели обширные исследования периферийной дипломатии Китая. В трудах А. А. Забеллы и Е. Ю. Катковой «Об особенностях периферийной дипломатии КНР и отношениях со странами АСЕАН»³³ глубоко анализируется концепция периферийной дипломатии Китая, с особым вниманием на изучение отношений между Китаем и странами АСЕАН мотивов и целей его политики в отношении соседних стран.

Ши Юаньхуа³⁴, Ци Хуайгао³⁵, Ван Цяожун³⁶ провели системное исследования истории, теории и практики китайской дипломатии добрососедства. В своих трудах Ли Син³⁷ изучали дипломатические стратегии и практики Китая в сопредельных регионах, всесторонне исследовали статус

²⁹ Stokes J. China's Periphery Diplomacy: Implications for Peace and Security in Asia. Washington D.C.: United States Institute of Peace, 2020. No 467. – 23p.

³⁰ Smith S.N. Harmonizing the periphery: China's neighborhood strategy under Xi Jinping // The Pacific Review. 2021. Vol. 34. No 1. Pp. 56–84.

³¹ Reeves J. Imperialism and the Middle Kingdom: The Xi Jinping administration's peripheral diplomacy with developing states // Third World Quarterly. 2018. Vol. 39. No 5. Pp. 976–998.

³² McConnell F., Woon C.Y. Mapping Chinese Diplomacy: Relational contradictions and spatial tensions // Geopolitics. 2023. Vol. 28. No 2. Pp. 593–618.

³³ Забелла А.А., Каткова Е.Ю. Об особенностях периферийной дипломатии КНР и отношениях со странами АСЕАН // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2020. Т. 1. № 1(46). С. 29–44.

³⁴ 石源华[Ши Юаньхуа]. 近代中国周边外交史论[История периферийной дипломатии современного Китая]. 上海:上海辞书出版社 [Шанхай: Шанхайское издательство "Риторика"], 2006. – 581 с.

³⁵ 祁怀高[Ци Хуайгао]. 中国崛起背景下的周边安全与周边外交[Безопасность соседства и дипломатия соседства в контексте подъема Китая]. 北京:中华书局出版社[Пекин: Чжунхуа Шунцзюй], 2014. – 398 с.

³⁶ 王巧荣[Ван Цяожун]. 新中国周边外交的历史逻辑[Историческая логика периферийной дипломатии Китая] // 中国与周边国家关系研究[Исследование взаимоотношений между Китаем и соседними странами]. 2022. №1. С. 77–104.

³⁷ 李兴[Ли Син]. 中国特色大国外交视域下的周边外交与全球治理[Периферийная дипломатия и глобальное управление с точки зрения дипломатии крупных держав с китайской спецификой] // 人民论坛[Народный форум]. 2023. № 13. С. 72–77; 李兴[Ли Синь]. 论中国睦邻外交: 理论构建与实践创新[О китайской добрососедской дипломатии: теоретические построения и практические инновации] // 国际观察[Международное наблюдение]. 2024. № 1. С. 48–66.

Китая в мире и прилегающих регионах.

Третья группа исследований посвящена взаимодействию Китая с АСЕАН и охватывает широкий спектр тем, включая развитие двусторонних отношений, формирование сообщества судьбы Китай–АСЕАН и сотрудничество в рамках инициативы «Пояс и путь».

В российской научной литературе исследование китайско-асеановского взаимодействия тесно связано с изучением развития самой Ассоциации и политических процессов в Юго-Восточной Азии. В этой связи следует выделить исследования Е. А. Канаева³⁸, в которых проблематика АСЕАН раскрывается через анализ региональной интеграции, экономического сотрудничества и асеаноцентричных многосторонних механизмов. Наряду с изучением институционального развития Ассоциации автор последовательно обращается к взаимодействию Китая со странами Юго-Восточной Азии и реализации инициативы «Пояс и путь» в регионе, рассматривая «Цифровой шелковый путь», расширение китайского делового присутствия и институционально-правовые условия предпринимательской деятельности. В работах последних лет данная проблематика получает дальнейшее развитие посредством анализа правовых инструментов и механизмов поддержки деятельности китайского бизнеса в регионе. В совокупности труды Е. А.

³⁸ Канаев Е.А., Терских М.А. Перспективы вьетнамо-китайских отношений и «цифровой шёлковый путь» в Юго-Восточной Азии // Вьетнамские исследования. 2020. № 4. С. 5–15; Канаев Е.А. Китайское деловое присутствие в Юго-Восточной Азии как фактор развития инициативы «Пояс и путь» // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. № 1 (54). С. 30–43; Канаев Е.А. Асеаноцентричные многосторонние диалоговые форматы: проблемы выработки консолидирующей повестки // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2023. № 4 (61). С. 11–23; Канаев Е.А. Китай, Юго-Восточная Азия и Инициатива «Пояс и путь»: выработка правовых инструментов предпринимательской деятельности и их правовой поддержки // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2025. №. 3(68). С. 25–37.

Канаева позволяют рассматривать китайско-асеановское взаимодействие во взаимосвязи региональных механизмов АСЕАН и практической реализации экономических инициатив КНР.

Иной аспект китайско-асеановского взаимодействия представлен в трудах Д. В. Мосякова³⁹, посвященных политическим процессам в Юго-Восточной Азии и изменению региональной среды под воздействием соперничества ведущих держав. В работе «Особенности современной ситуации в Большой Восточной Азии» автор анализирует обострение американо-китайского противостояния и его влияние на отношения между государствами АСЕАН и единство Ассоциации. Данная проблематика дополняется исследованием роли Мьянмы в инициативе «Пояс и путь», раскрывающим стратегическое значение конкретных государств Юго-Восточной Азии для реализации региональных проектов КНР.

Вопросы взаимодействия Китая с АСЕАН и государствами Юго-Восточной Азии рассматриваются в трудах Е. В. Колдуновой⁴⁰, Е. С.

³⁹ Мосяков Д.В. Новый военный блок - новые угрозы миру и безопасности в Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. №. 3(52). С. 5–17; Мосяков Д.В., Шпаковская М.А., Понька Т.И. Роль Мьянмы в китайской инициативе «Пояс и путь» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24. №. 3. С. 439–449; Мосяков Д. В. Особенности современной ситуации в Большой Восточной Азии // Азия и Африка сегодня. 2025. № 6. С. 5–13.

⁴⁰ Колдунова Е.В. Динамика отношений в треугольнике Китай-США-Россия: вызовы для АСЕАН // Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы. 2021. С.198–200; Колдунова Е.В. Юго-Восточная Азия между США, Китаем и Россией: в поисках ускользающего равновесия // Международные процессы. 2024. № 22(1). С.106–223.

Пыльциной (Буровой) ⁴¹, Н. Г. Рогожиной⁴², И. С. Виноградова⁴³ и других российских исследователей, включая проблематику политического и экономического сотрудничества, инициативы «Пояс и путь» и региональной безопасности.

Особого внимания заслуживает коллективная монография «АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дилеммы» под общей редакцией В. М. Мазырина и Е. В. Колдуновой⁴⁴, объединившая исследования Е. В. Колдуновой, Е. А. Канаева, Е. С. Пыльциной, В. В. Вершининой и других российских специалистов по Юго-Восточной Азии. В монографии комплексно рассматриваются эволюция и современное состояние АСЕАН, интеграционные процессы, экономическое сотрудничество, проблемы региональной безопасности и взаимодействие Ассоциации с внешними партнерами.

Китайские ученые также провели глубокие исследования концепции Сообщества судьбы Китай–АСЕАН. Так, Лян Юньвэнь и Цуй Сяо в работе

⁴¹ Бурова Е.С. Китай в экономике Камбоджи: выгодное или опасное партнерство? // Азия и Африка сегодня. 2021. №. 4. С. 41–47; Бурова Е.С., Мазырин В.М. Направления дискуссии о современных проблемах континентальных стран АСЕАН в ИКСА РАН // Вьетнамские исследования. 2023. №. 3. С. 84–91; Бурова Е.С. Тенденции цифровой трансформации Таиланда // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27. №. 3. С. 45–55.

⁴² Рогожина Н.Г. Лаос и Китайская инициатива пояса и пути - приобретения и потери // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2021. № 2 (51). С. 166–173; Рогожина Н.Г. Страны юго-восточной Азии и китайская инициатива "Пояс и путь": модель взаимодействия // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 10. С. 91–102.

⁴³ Виноградов И.С. Инициатива «Пояс и путь» в странах АСЕАН: особенности и успехи реализации // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2024. № 29. С.154–171; Виноградов И.С. Сотрудничество Ланьцан-Меконг и политика КНР в субрегионе Большого Меконга // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. № 2 (73). С. 147–158.

⁴⁴ АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дилеммы: Монография / Под ред. В.М.Мазырина, Е.В.Колдуновой / А.А.Байков, Д.Д.Бачило, Е.С.Бурова, В.В.Вершинина [и др.]. Предисловие академика А.В.Торкунова. 2-е изд., испр. — Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2025. –608 с.

«Исследование Сообщества судьбы Китай–АСЕАН за десять лет новой эры: контекст и виды на будущее»⁴⁵ детально рассмотрели различные точки зрения на эту проблему. Они провели глубокий анализ этой концепции по четырем направлениям и исследовательским вопросам: «Что это такое?», «Почему так?», «Как это происходит?» и «Каков прогресс?». Этим исследователи заложили значительную теоретическую базу для всестороннего понимания и оценки значения концепции Сообщества судьбы Китай–АСЕАН.

Труды Лу Гуанцзи⁴⁶, Лу Гуаншэна⁴⁷, Сян Фанцина и Ван Юйюня⁴⁸ посвящены практическим путям создания и построения Сообщества судьбы между Китаем и АСЕАН, а также исследованию его влияния на региональный порядок. Следует также отметить труд Чэнь Баньюя и Вэй Хуна⁴⁹, которые рассматривают создание сообщества судьбы между Китаем и АСЕАН как конкретный путь и долгосрочную цель периферийной дипломатии Китая в отношении АСЕАН.

⁴⁵ 梁运文, 崔潇 [Лян Юньвэнь, Цуй Сяо]. 新时代十年中国—东盟命运共同体研究: 脉络与前瞻[Исследование сообщества судьбы Китая и АСЕАН за десять лет новой эры: контекст и виды на будущее] // 广西大学学报[Журнал Гуансийского университета]. 2022. № 44(04). С. 140–147.

⁴⁶ 陆广济[Лу Гуанцзи]. 中国-东盟命运共同体构建: 基于“身份政治”理论的分析[Сообщество судьбы Китая и АСЕАН: анализ на основе теории "политики идентичности"] // 边界与海洋研究[Пограничные и морские исследования]. 2021. № 2. С. 94–112.

⁴⁷ 卢光盛[Лу Гуаншэн]. 中国—东盟命运共同体构建与区域秩序重塑[Создание сообщества судьбы Китая и АСЕАН и перестройка регионального порядка] // 当代世界[современный мир]. 2023. № 6. С. 24–29.

⁴⁸ 向芳青, 王友云[Сян Фанцин, Ван Юйюнь]. 中国-东盟构建更加紧密命运共同体路径探讨[Исследование пути создания более тесного сообщества судьбы между Китаем и АСЕАН] // 时代经贸[Таймс Экономика и торговля]. 2023. Т. 20. № 6. С. 85–88.

⁴⁹ 陈邦瑜, 韦红[Чэнь Баньюй, Вэй Хун]. 周边外交视角下构建中国-东盟命运共同体[Создание сообщества судьбы Китай-АСЕАН с точки зрения периферийной дипломатии] // 社会科学家[общественных наук]. 2016. № 4. С. 41–45.

Труды Чжоу Шисиня⁵⁰ и Синь Жуйли⁵¹ подчеркивают давние дипломатические отношения Китая с АСЕАН, влияние на них региональных экономических связей и важность усилий по построению более глубокого партнерства в новых международных условиях.

Труды следующих авторов посвящены практике и достижениям Китая в продвижении инициативы «Пояс и путь» в Юго-Восточной Азии. Так, работа Ян Юэ и Ли Чжэньяна⁵² рассматривает процесс совместного строительства ОПОП в Юго-Восточной Азии в течение последнего десятилетия и определяет направления выхода на высококачественное развитие. Хуан Лили, Лу Юнцзю и Хуан Цзе⁵³ анализируют промежуточные результаты сотрудничества в связи с десятой годовщиной строительства ОПОП и дают обзор достижений и проблем в области гуманитарных обменов между Китаем и АСЕАН; Ван Гуньбу⁵⁴ исследует влияние «Морского Шелкового пути» на отношения между Китаем и АСЕАН, подчеркивает стратегическое значение инициативы «Пояс и путь» в морском сотрудничестве.

⁵⁰ 周士新[Чжоу Шисинь]. 中国与东南亚国家外交关系70年：经验、反思及展望[Семьдесят лет дипломатических отношений между Китаем и странами Юго-Восточной Азии: опыт, размышления и перспективы] // 南洋问题研究[Исследование Южных морей]. 2020. № 1. С. 2–13.

⁵¹ 邢瑞利[Синь Жуйли]. 美国“印太经济框架”对中国—东盟关系的影响及应对[Влияние "Индо-Тихоокеанских экономических рамок" США на отношения Китая и АСЕАН и их реакция] // 和平与发展[Мир и развитие]. 2023. № 6. С. 105–133.

⁵² 杨悦, 李正阳[Ян Юэ, Ли Чжэньян]. “一带一路”在东南亚的十年共建与高质量发展的方向[Десять лет "Пояса и пути" в Юго-Восточной Азии и дальнейший путь к качественному развитию] // 国际论坛[Международные форумы]. 2023. № 25(06). С. 53–71.

⁵³ 黄李莉, 陆永玖, 黄婕 [Хуан Лили, Лу Юнцзю, Хуан Цзе]. 共建“一带一路”十周年：中国—东盟人文交流合作的成果、挑战与对策建议 [Десятая годовщина строительства "Пояса и пути": достижения, проблемы и контрмеры в области гуманитарных обменов и сотрудничества между Китаем и АСЕАН] // 南宁职业技术学院学报[Журнал Наньнинского института профессиональных и технических наук]. 2023. № 31(06). С. 79–87.

⁵⁴ 王赓武[Ван Гуньбу]. 新“海上丝绸之路”：中国与东盟[Новый "Морской шелковый путь": Китай и АСЕАН] // 南洋问题研究[Наньянские исследования]. 2022. № 2. С. 1–11.

В англоязычной литературе важное место занимают исследования китайско-асеановского взаимодействия, в том числе работы ученых из стран Юго-Восточной Азии, позволяющие учитывать региональные и национальные подходы к сотрудничеству с Китаем.

Особого внимания заслуживает коллективная монография «Китайская инициатива "Один пояс, один путь" в АСЕАН: растущее присутствие, последние успехи и будущие вызовы»⁵⁵ под редакцией С. Чиратхивата, Б. Рутчатона и А. Девендракумара. На материалах отдельных государств АСЕАН в ней анализируются реализация инициативы «Пояс и путь», ее экономические и политические последствия, достигнутые результаты и возникающие проблемы. Сопоставление страновых исследований позволяет выявить различия в восприятии и реализации китайской инициативы государствами региона.

Значительное место в англоязычной литературе занимает также изучение практической реализации инициативы «Пояс и путь» в Юго-Восточной Азии. К данной проблематике обращаются М. Ш. Бхарти и С. Кумари⁵⁶, Э. Фитриани⁵⁷, В. Чхеанг⁵⁸, М. Ферхен⁵⁹ и другие исследователи,

⁵⁵ *Chirathivat S., Rutchatorn B., Devendrakumar A.* China's Belt and Road Initiative in ASEAN: Growing Presence, Recent Progress and Future Challenges. Singapore: World Scientific, 2021. – 432p.

⁵⁶ *Bharti M. S., Kumari S.* China's Belt and Road Initiative in Southeast Asia and its implications for ASEAN-China strategic partnership // *Asian Review of Political Economy*. 2024. Vol. 3. Article 22.

⁵⁷ *Fitriani E.* Crafting “dynamic interdependence”: geopolitical implications of China's high-speed railway projects in ASEAN member countries // *Asian Journal of Political Science*. 2024. Vol. 32. No. 3. Pp. 400–420.

⁵⁸ *Chheang V.* Cambodia's Embrace of China's Belt and Road Initiative: Managing Asymmetries, Maximizing Authority // *Asian Perspective*. 2021. Vol. 45. No 2. Pp. 375–396.

⁵⁹ *Ferchen M.* The Two Faces of the China Model: The BRI in Southeast Asia // *Global Perspectives on China's Belt and Road Initiative: Asserting Agency through Regional Connectivity*. 2021. Pp. 245–264.

рассматривающие вопросы региональной связанности, экономического и инвестиционного сотрудничества, инфраструктурного развития и влияния китайских инициатив на региональные процессы.

Среди новейших исследований следует отметить работу М. Ш. Бхарти и С. Кумари, в которой инициатива «Пояс и путь» рассматривается во взаимосвязи с развитием стратегического партнерства Китая и АСЕАН, региональной связанностью и экономическим сотрудничеством. Э. Фитриани на примере китайских проектов высокоскоростных железных дорог в государствах АСЕАН анализирует геополитическое измерение инфраструктурного сотрудничества. Эти исследования позволяют рассматривать инициативу «Пояс и путь» не только как инструмент экономического взаимодействия, но и как фактор трансформации отношений Китая со странами Юго-Восточной Азии и региональной среды в целом.

Объектом исследования является внешняя политика Китая.

Предмет исследования – место и роль АСЕАН в современной внешней политике Китая.

Целью исследования является выявление вызовов внешней политике Китая в отношении стран АСЕАН, а также раскрытие ключевой роли АСЕАН в политике КНР по формированию региональной подсистемы международных отношений.

Для достижения поставленной цели сформулированы следующие **задачи**:

— рассмотреть основные принципы и концепции современной внешнеполитической стратегии Китая и уточнить ее ключевые особенности и приоритеты;

- исследовать роль АСЕАН в стратегии Китая по укреплению его международного статуса;
- проанализировать сотрудничество между Китаем и АСЕАН в экономической, политической, культурной сферах и в вопросах безопасности;
- выявить место АСЕАН в периферийной дипломатии Китая, региональной безопасности и глобальном управлении;
- изучить эволюцию дипломатических отношений между Китаем и АСЕАН в период с 2013 по 2025 год;
- рассмотреть практические шаги и политику Китая по продвижению внешнеполитических инициатив в странах АСЕАН;
- проанализировать влияние глобальных инициатив Си Цзиньпина на международную структуру.

Хронологические рамки исследования охватывают период 2013–2025 гг. Нижняя граница исследования связана со вступлением Си Цзиньпина в должность Председателя КНР и формированием нового политического курса, верхняя – с подписанием в 2025 году протокола о модернизации Зоны свободной торговли Китай–АСЕАН, открывающем новую страницу их отношений.

Источниковая база исследования. Исследование охватывает широкий круг источников на русском, английском и китайском языках. Источники, использованные для разработки темы, могут условно быть разделены по следующим категориям: нормативно-правовые, делопроизводственные, публицистические и статистические.

К первой группе относятся *нормативно-правовые документы*. Прежде

Конституция КНР⁶⁰, соответствующие статьи которой закрепляют принципы внешней политики Китая, включая курс на независимость и самостоятельность, пять принципов мирного сосуществования, а также защиту государственного суверенитета и территориальной целостности. Далее, в качестве специального закона, регулирующего внешние связи Китая, Закон КНР о внешних связях⁶¹ четко определяет основные принципы и правовую основу дипломатических отношений Китая с иностранными государствами, обеспечивая юридическую базу для анализа внешнеполитической деятельности Китая.

На международном и региональном уровнях Устав Коммунистической партии Китая⁶² и Устав АСЕАН⁶³ соответственно отражают ключевые принципы политической системы, ценностей и управления Китая и АСЕАН. Глубокое изучение этих документов способствует всестороннему пониманию их роли во внутренних и внешних делах, а также их влияния на региональное сотрудничество.

Декларация о поведении сторон в Южно-Китайском море⁶⁴, являясь

⁶⁰ 中华人民共和国宪法[Конституция КНР] // 中华人民共和国中央人民政府[Центральное народное правительство КНР]. 22.03.2018. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm (дата обращения: 24.12.2023).

⁶¹ 中华人民共和国对外关系法[Закон КНР о внешних связях] // 中华人民共和国中央人民政府[Центральное народное правительство КНР]. 28.06.2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202306/content_6888929.htm (дата обращения: 02.02.2025).

⁶² 中国共产党党章[Устав Коммунистической партии Китая] // 共产党员网 [Сайт члена Коммунистической партии]. 26.10.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.12371.cn/2022/10/26/ART11666788342244946.shtml> (дата обращения: 24.12.2023).

⁶³ The ASEAN Charter // ASEAN Secretariat. 2008. [Электронный ресурс]. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/images/archive/publications/ASEAN-Charter.pdf> (дата обращения: 13.02.2024).

⁶⁴ Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea // ASEAN Secretariat. 14.05.2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://asean.org/declaration-on-the-conduct-of-parties-in-the-south-china-sea-2/> (дата обращения: 13.02.2024).

политическим документом, подписанным Китаем и странами АСЕАН, подчеркивает необходимость поддержания мира и стабильности в регионе и предоставляет основу для управления конфликтами. Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии⁶⁵ подробно разъясняет принципы, цели и механизмы сотрудничества между государствами-членами АСЕАН, обеспечивая правовую и политическую основу для анализа политического доверия и сотрудничества Китая со странами АСЕАН. Эти документы в совокупности составляют важную правовую основу для анализа внешней политики Китая и его регионального сотрудничества.

Следующую группу источников составили *делопроизводственные документы*, посвященные основным аспектам политики, инициатив и планов Китая и АСЕАН.

«Белая книга по мирному развитию Китая», документы, относящиеся к строительству и продвижению инициативы «Пояс и путь», Экономического пояса Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути XXI века, а также Белые книги о сообществе единой судьбы человечества фиксируют стремление Китая к активному участию в глобальном управлении, укреплению мира, взаимосвязанности и развитию регионального и международного сотрудничества⁶⁶. «План действий всеобъемлющего стратегического

⁶⁵ The Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia // ASEAN Secretariat. 1976. [Электронный ресурс]. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/01/20131230235433.pdf> (дата обращения: 13.02.2024).

⁶⁶ 《中国的和平发展》白皮书 [Белая книга по мирному развитию Китая] // 中华人民共和国国务院新闻办 [Информационное бюро Государственного совета КНР]. 06.09.2011. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/jrzq/2011-09/06/content_1941204.htm (дата обращения: 14.12.2023).; 《“一带一路”建设海上合作设想》 [Сценарии морского сотрудничества в рамках строительства "ОПОП"] // 中华人民共和国国家发展改革委员会 [Национальная комиссия по развитию и реформам КНР]. 19.06.2017. [Электронный ресурс]. URL:

партнерства между Китаем и АСЕАН (2022–2025 гг.)»⁶⁷ и «Стратегическое партнерство Китая и АСЕАН: Видение 2030»⁶⁸ подчеркивают приверженность Китая углублению сотрудничества с АСЕАН в сфере безопасности, экономической и политической областях, а также стратегическую важность построения устойчивой региональной архитектуры.

Продвижение этих идей в Юго-Восточной Азии осуществляется не в институциональном вакууме, а в сопряжении с существующими институтами управления и нормами АСЕАН. Три основных плана формирования Сообщества АСЕАН⁶⁹, «Генеральный план по обеспечению

https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/tz/201711/t20171116_962592_ext.html (дата обращения: 13.02.2024).; 《推动共建丝绸之路经济带和21世纪海上丝绸之路的愿景与行动》[Видение и действия по продвижению строительства Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути 21 века] // 中华人民共和国外交部 [МИД КНР]. 28.03.2015. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/zyxw/201503/t20150328_332173.shtml (дата обращения: 13.10.2025).; 《共建“一带一路”：构建人类命运共同体的重大实践》白皮书 [Белая книга Строительство "ОПОП": основная практика построения сообщества человеческой судьбы] // 中华人民共和国国务院新闻办[Информационное бюро Государственного совета КНР]. 10.10.2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/zhengce/202310/content_6907994.htm (дата обращения: 13.02.2024).; 《携手构建人类命运共同体：中国的倡议与行动》白皮书 [Белая книга Объединение усилий для создания сообщества единой человеческой судьбы: инициативы и действия Китая] // 中华人民共和国国务院新闻办 [Информационное бюро Государственного совета КНР]. 26.09.2023. [Электронный ресурс]. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/zfbps_2279/202309/t20230926_771203.html (дата обращения: 13.02.2024).

⁶⁷ 中国—东盟全面战略伙伴关系行动计划（2022-2025）[План действий всеобъемлющего стратегического партнерства между Китаем и АСЕАН (2022-2025 гг.)] // 中华人民共和国外交部[МИД КНР]. 11.11.2022. [Электронный ресурс]. URL: http://bbs.fmprc.gov.cn/ziliao_674904/1179_674909/202211/t20221111_10972996.shtml (дата обращения: 13.02.2024).

⁶⁸ 中国—东盟战略伙伴关系2030年愿景[Стратегическое партнерство Китая и АСЕАН Видение 2030] // 中华人民共和国外交部[МИД КНР]. 15.11.2018. [Электронный ресурс]. URL:

http://switzerlandemb.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gjhdqzz_681964/lhg_682518/zywj_682530/201811/t20181115_9386085.shtml (дата обращения: 13.02.2024).

⁶⁹ ASEAN Economic Community Blueprint 2025 // ASEAN Secretariat. 2015. [Электронный ресурс]. URL: https://www.miti.gov.my/miti/resources/AEC_Blueprint_2025.pdf (дата обращения: 13.05.2025); ASEAN Political-Security Community Blueprint 2025 // ASEAN

взаимосвязанности АСЕАН до 2025 года»⁷⁰ и «Взгляд АСЕАН на Индо-Тихоокеанский регион»⁷¹ направлены на углубление интеграции, укрепление физической, институциональной и гуманитарной связности, а также сохранение центральной роли АСЕАН в формирующейся региональной архитектуре. «Видение Сообщества АСЕАН – 2045»⁷² задаёт долгосрочные ориентиры дальнейшего интеграционного развития, опираясь на существующие планы Сообщества.

Публицистические источники включают в себя выступления лидеров и произведения Си Цзиньпина.

Пять томов «Си Цзиньпин. О государственном управлении»⁷³, охватывающие важнейшие речи лидера с ноября 2012 года по декабрь 2024

Secretariat. 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.asean.org/wp-content/uploads/2012/05/ASEAN-APSC-Blueprint-2025.pdf> (дата обращения: 13.05.2025); ASEAN Socio-Cultural Community Blueprint 2025 // ASEAN Secretariat. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.asean.org/wp-content/uploads/2012/05/8.-March-2016-ASCC-Blueprint-2025.pdf> (дата обращения: 13.05.2025).

⁷⁰ Master Plan on ASEAN Connectivity 2025 // ASEAN Secretariat. 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/08/8_compressed.pdf (дата обращения: 13.05.2025).

⁷¹ ASEAN Outlook on the Indo-Pacific // ASEAN Secretariat. 2019. [Электронный ресурс]. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/01/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf (дата обращения: 13.05.2025).

⁷² ASEAN Community Vision 2045 // ASEAN Main Portal. 26.05.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.asean.org/wp-content/uploads/images/2015/November/aec-page/ASEAN-Community-Vision-2025.pdf> (дата обращения: 13.10.2025).

⁷³ 习近平[Си Цзиньпин]. 习近平谈治国理政（第 1 卷）[Си Цзиньпин. О государственном управлении (том 1)]. 北京: 外文出版社[Пекин: Издательство иностранных языков], 2014. – 544 с.; 习近平[Си Цзиньпин]. 习近平谈治国理政（第 2 卷）[Си Цзиньпин. О государственном управлении (том 2)]. 北京: 外文出版社[Пекин: Издательство иностранных языков], 2017. – 569с.; 习近平[Си Цзиньпин]. 习近平谈治国理政（第 3 卷）[Си Цзиньпин. О государственном управлении (том 3)]. 北京: 外文出版社[Пекин: Издательство иностранных языков], 2020. – 570 с.; 习近平[Си Цзиньпин]. 习近平谈治国理政（第 4 卷）[Си Цзиньпин. О государственном управлении (том 4)]. 北京: 外文出版社[Пекин: Издательство иностранных языков], 2022. – 646 с.; 习近平[Си Цзиньпин]. 习近平谈治国理政（第 5 卷）[Си Цзиньпин. О государственном управлении (том 5)]. 北京: 外文出版社[Пекин: Издательство иностранных языков], 2025. – 556 с.

года, всесторонне раскрывают ключевые идеи социализма с китайской спецификой для новой эпохи и основы его дипломатической мысли, включая концепцию Сообщества единой судьбы человечества. Особое место среди идей занимают инициативы «Пояс и путь» и «Глобальная инициатива», которые, усиливая глобальное влияние китайской внешней политики, стали важными объектами международных исследований, отразившими стремление Китая участвовать в глобальном управлении, укреплять сотрудничество и содействовать мировой безопасности.

Сборник «О настойчивом продвижении строительства сообщества единой судьбы человечества»⁷⁴, представляет важный документ для углубленного изучения концепции Си Цзиньпина о построении СЕСЧ. Эта работа содержит 85 важных документов, написанных Си Цзиньпином с января 2013 года. В ней рассматриваются такие важные вопросы, как предыстория, значение, смысл и путь реализации построения СЕСЧ, что помогает значительно углубить понимание теоретических основ и особенностей этой концепции.

Выступления Си Цзиньпина, Ли Кэцзяна, Ли Цяня и других лидеров⁷⁵

⁷⁴ 习近平 [Си Цзиньпин]. 论坚持推动构建人类命运共同体. [О настойчивом продвижении строительства сообщества единой судьбы человечества]. 北京: 中央文献出版社 [Пекин: Центральное издательство литературы ЦК КПК], 2018. – 541с.

⁷⁵ 习近平在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告 [Доклад Си Цзиньпина на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая] // 中华人民共和国中央人民政府 [Центральное народное правительство КНР]. 16.10.2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm (дата обращения: 24.12.2023); 习近平在中国共产党与世界政党领导人峰会上的主旨讲话 [Программная речь Си Цзиньпина на саммите Коммунистической партии Китая и лидеров политических партий мира] // 中华人民共和国中央人民政府 [Центральное народное правительство КНР]. 06.06.2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-07/06/content_5622851.htm?jump=false (дата обращения: 13.12.2023); 习近平在中华人民共和国恢复联合国合法席位50周年纪念会议上的讲话 [Выступление Си Цзиньпина на юбилейном заседании, посвященном 50-летию

дают представление о внешней политике Китая, политических взглядах на соседние регионы и решимости углублять сотрудничество с АСЕАН, являясь основой для понимания ключевых направлений китайской внешней политики.

Четвертая группа – *статистические источники*. Министерство коммерции КНР⁷⁶, Главное таможенное управление КНР⁷⁷, Китайская сеть ОПОП⁷⁸, Китайская база данных ОПОП⁷⁹ и Международный институт стратегических исследований⁸⁰ предоставляют подробные данные об объеме двусторонней торговли между Китаем и АСЕАН, масштабах инвестиционных

восстановления юридического места Китайской Народной Республики в Организации Объединенных Наций] // 中华人民共和国中央人民政府 [Центральное народное правительство КНР]. 25.10.2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-10/25/content_5644755.htm (дата обращения: 24.12.2023); 习近平在中国—东盟建立对话关系30周年纪念峰会上的讲话 (全文) [Выступление Си Цзиньпина на саммите, посвященном 30-летию установления диалоговых отношений между Китаем и АСЕАН (полный текст)] // 中华人民共和国外交部 [МИД КНР]. 22.11.2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/zyxw/202111/t20211122_10451226.shtml (дата обращения: 13.10.2025); 李克强在第21次中国—东盟领导人会议上的讲话 [Выступление Ли Кэцзяна на 21-й встрече лидеров Китая и стран АСЕАН] // 中华人民共和国外交部 [МИД КНР]. 14.11.2018. [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/yzs_673193/dqzz_673197/dnygjl_m_673199/zywj_673211/201811/t20181115_7492254.shtml (дата обращения: 13.02.2024); 胡锦涛在中国共产党第十八次全国代表大会上的报告 [Доклад Ху Цзиньтао на 18-м Всекитайском съезде КПК] // 人民网 [Жэньминь жибао онлайн]. 08.11.2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://theory.people.com.cn/n/2012/1109/c40531-19530534-1.html> (дата обращения: 14.12.2023).

⁷⁶ 中华人民共和国商务部 [Министерство коммерции КНР]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/> (дата обращения: 24.02.2024).

⁷⁷ 中华人民共和国海关总署 [Главное таможенное управление КНР]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/zfxxgk/2799825/302274/302275/5624373/index.html> (дата обращения: 15.12.2024).

⁷⁸ 中国一带一路网 [Портал «Пояс и путь» Китая]. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/> (дата обращения: 24.02.2024).

⁷⁹ 一带一路数据库 [База данных ОПОП]. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ydylcn.com/skwx_ydyl/sublibrary?SiteID=1&ID=8721 (дата обращения: 24.02.2024).

⁸⁰ International Institute for Strategic Studies. [Электронный ресурс]. URL: <https://chinaconnects.iiss.org/> (дата обращения: 24.02.2024).

проектов, результатах сотрудничества и фактическом влиянии Инициативы «Пояса и пути» на страны АСЕАН.

Таким образом, благодаря тщательному анализу обширной базы источников автор сумел эффективно решить поставленные задачи и достигнуть предварительно поставленной цели.

Методология исследования. Данное исследование использует *теорию неореализма* международных отношений, предложенную Кеннетом Уолтцем, в качестве основной аналитической рамки и направлено на объяснение стратегического поведения Китая в его внешней политике по отношению к АСЕАН, а также общей дипломатической практики. С точки зрения неореализма структура международной системы, распределение региональной власти и условия безопасности являются ключевыми факторами, определяющими поведение государств, при этом в условиях анархии государства ставят во главу угла максимизацию власти и безопасности. В этом диссертационном исследовании с использованием данной теоретической рамки анализируются приоритеты дипломатической стратегии Китая, геополитические соображения и региональная стратегия безопасности, особое внимание уделяется тому, как Китай в условиях роста международной напряженности реализует свои стратегические цели посредством дипломатических усилий, экономического сотрудничества и институционального участия.

При проведении исследования автор придерживался принципов научного познания, в частности историзма, научной объективности и достоверности. С применением *принципов историзма*, через тщательный анализ прошлых событий, взаимоотношений и решений, было достигнуто

полное понимание характера отношений между Китаем и АСЕАН в эпоху Си Цзиньпина. *Принцип объективности* подразумевает отсутствие предвзятости в исследованиях, стремление нейтрально проанализировать факты и события, избегая искажений и субъективных оценок. С точки зрения *принципа достоверности*, автор уделяет больше внимания использованию русских, английских и китайских документов для обеспечения достоверности и авторитетности источников данных исследования, что обеспечивает более достоверные выводы.

Методы исследования. В диссертации были использованы как общенаучные, так и специально-исторические методы исследования.

Широко применялись общенаучные методы, включая анализ и синтез. *Анализ* использовался для выявления причин формирования новых идей в современной китайской дипломатии и раскрытия глубокого значения развития отношений с АСЕАН. Этот метод также способствовал выявлению мотивации сотрудничества, сути взаимодействия и его влияния на обе стороны в контексте развития отношений между Китаем и АСЕАН.

Синтез был использован для интеграции различных точек зрения, данных и информации с целью создания комплексной исследовательской картины. Это способствовало глубокому пониманию взаимодействия между различными факторами, такими как история, экономика, культура и идеология, обеспечив более тщательную теоретическую и эмпирическую поддержку исследования.

В диссертации использовались *специально-исторические методы*, включая *проблемно-хронологический* и *историко-генетический*. *Проблемно-хронологический метод* использовался для выявления ключевых вопросов в

развитии отношений между Китаем и АСЕАН. Проводился анализ этих вопросов в хронологическом порядке с целью определения основных этапов развития отношений, с особым вниманием к событиям, оказавшим значительное влияние на отношения, в частности реализации инициативы «Пояс и путь».

Историко-генетический метод применялся для анализа таких понятий, как «международных отношений нового типа» и «Сообщество единой судьбы человечества», при этом основное внимание уделялось их происхождению и последующему развитию.

Научная новизна исследования определяется тем, что:

- доказано, что формирование современной модели сотрудничества КНР и стран АСЕАН неразрывно связано с обновлённой внешнеполитической доктриной Китая и изменением геополитического ландшафта в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

- раскрыты особенности современного этапа китайской дипломатии в отношениях с АСЕАН, изучение которых вносит вклад в понимание основ внешнеполитической стратегии Китая на глобальном уровне, источников усиления его международного влияния и механизмов участия в глобальном управлении.

- впервые на современном фактическом материале доказано, что активное развитие отношений с АСЕАН способствует не только укреплению регионального и международного авторитета КНР, но и созданию благоприятных внешних условий для решения внутренних социально-экономических задач.

- выявлена специфика современного этапа сотрудничества Китая и

АСЕАН, определены основные направления, приоритетные сферы и перспективные направления дальнейшего взаимодействия в политической, экономической и гуманитарной сферах.

- показана трансформация современных внешнеполитических инициатив Китая в отношении стран Юго-Восточной Азии, обоснована их согласованность с общепринятыми международными целями развития и формирование независимой от западных стандартов модели регионального сотрудничества.

Теоретическая значимость исследования заключается во вкладе в развитие научных представлений о современном состоянии дипломатического взаимодействия Китая и АСЕАН. Обращение к политической практике в период 2013–2025 годов позволяет углубить понимание стратегического положения и роли АСЕАН во внешнеполитические приоритеты Китая. Данное исследование может стать теоретико-методологическим фундаментом для последующего анализа использования Китаем механизмов периферийной дипломатии и регионального сотрудничества, а также продвижения национальных стратегий и регионального регулирования на платформе АСЕАН, обеспечивая дальнейшее накопление научных знаний в этой предметной области.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его материалы, выводы и рекомендации могут быть полезны при изучении внешней политики Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе и сотрудничестве Китая со странами АСЕАН в различных сферах. Материалы диссертации могут быть использованы для написания монографий, учебных пособий, разработки учебных дисциплин по истории Китая, а также его внешней политики с 2013

года, а также истории международных отношений.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. При Си Цзиньпине политика Китая в отношении АСЕАН изменилась от преимущественно двустороннего торгово-экономического сотрудничества к многоуровневой институционализированной стратегии, в рамках которой АСЕАН рассматривается как «приоритет среди приоритетов» периферийной дипломатии КНР. Её значение определяется не только масштабом двусторонних связей Китая со странами Юго-Восточной Азии, но и прежде всего способностью Ассоциации выступать институционально оформленным региональным пространством, в рамках которого Пекин соединяет задачи развития, безопасности, политической координации и долгосрочного институционального присутствия.

2. В системе периферийной дипломатии Си Цзиньпина асеановское направление занимает одно из ключевых мест благодаря географической близости и геополитической значимости Юго-Восточной Азии, её высокой экономической роли и институциональной зрелости АСЕАН. Принципы центральности, консенсуса и инклюзивности Ассоциации создают для Китая возможность продвигать свои интересы через механизмы встраивания, координации и многостороннего взаимодействия. При этом сохраняющийся конфликтный потенциал в Южно-Китайском море выявляет пределы данной модели, поскольку усиливает структурное противоречие между экономической кооперацией и доверием в сфере безопасности.

3. Инициатива «Пояс и путь» на пространстве АСЕАН выступает не только инструментом инфраструктурного и инвестиционного сотрудничества, но и механизмом закрепления китайского присутствия в регионе. Через

развитие взаимосвязанности и сопряжение с программами АСЕАН, согласование правил, производственную кооперацию и финансовые механизмы взаимодействия Китая и стран Юго-Восточной Азии постепенно переходит от совокупности отдельных проектов к более устойчивой сетевой модели регионального развития.

4. Концепция «Сообщества единой судьбы Китая и АСЕАН» представляет собой региональную форму практической реализации идеи «Сообщества единой судьбы человечества» и одновременно политико-нормативную рамку реализации китайской периферийной дипломатии в Юго-Восточной Азии. Её специфика заключается в адаптации китайской нормативной повестки к принципам асеаноцентричного регионального порядка — центральной роли АСЕАН, уважению суверенитета, консенсусности, инклюзивности и поэтапности сотрудничества. Эффективность этой адаптации ограничена сохраняющимися расхождениями в понимании суверенитета и невмешательства, а также в подходах к методам урегулирования конфликтов.

5. Реализация Глобальных инициатив Китая (развития, безопасности и цивилизационного взаимодействия) в отношениях с АСЕАН демонстрирует стратегию расширения функций региональных институтов, ориентированную не на прямую замену существующего порядка, а на инклюзивное встраивание и дополнение действующих механизмов. В пространстве АСЕАН эти инициативы получают адаптированное выражение через сотрудничество в сферах инфраструктурной модернизации, цифровой трансформации, нетрадиционной безопасности, управления рисками и гуманитарно-цивилизационного взаимодействия. Тем самым АСЕАН выступает площадкой

региональной адаптации глобальных идей Китая, а их продвижение способствует формированию «институционального плюрализма» в АТР.

6. Роль АСЕАН во внешней политике Китая имеет структурный характер, поскольку Ассоциация выступает связующим звеном между периферийной дипломатией КНР и её глобальными внешнеполитическими инициативами. Через асеановское направление Китай получает возможность соединять региональный и глобальный уровни своей дипломатии в относительно устойчивой и политически приемлемой форме. Вместе с тем устойчивость данной модели зависит от способности Пекина учитывать центральную роль АСЕАН, обеспечивать востребованные региональные общественные блага, предотвращать чрезмерную политизацию сотрудничества и адаптировать свою стратегию к условиям усиливающейся конкуренции великих держав.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования были апробированы в 4 научных статьях диссертанта, 3 из которых включены в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК.

Отдельные теоретические положения и выводы, а также предложения и рекомендации были изложены автором в докладах и тезисах на конференциях и иных научных мероприятиях, таких как: VIII Международная научно-практическая конференция «Большая студенческая конференция» (Пенза, Наука и просвещение, 2024); Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2024» (Москва, МГУ, 2024); II Международная научная конференция «Пути и страны цивилизации Востока в исторической динамике» (Екатеринбург, УГИ УрФУ, 2024); IX

Международный молодежный конвент УГИ УрФУ Конференция «Международные отношения в контексте глобальных и региональных вызовов» (Екатеринбург, УГИ УрФУ, 2025).

Структура исследования включает введение, три главы, заключение и список источников и литературы. Данная структура соответствует логике исследования, предложенной автором диссертации.

ГЛАВА 1. ДИПЛОМАТИЯ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ СИ ЦЗИНЬПИНА: СОДЕРЖАНИЕ И ИЕРАРХИЯ ПРИОРИТЕТОВ

С 2013 года, после вступления Си Цзиньпина в должность председателя КНР, китайская дипломатия вступила в новый этап, официально обозначаемый как «новая эпоха»⁸¹. В отличие от стратегии трёх десятилетий реформ и открытости, характеризовавшейся установкой «вести себя скромно (*таогуан янхуэй*, 韬光养晦)» при одновременном «стремиться к достижениям (*юсо цзовэй*, 有所作为)»⁸², внешняя политика периода Си Цзиньпина приобрела более проактивный, концептуализированный и институционализированный характер. Китай всё в большей степени переходит от роли рядового участника международной системы к роли активного субъекта, участвующего в формировании норм и правил глобального порядка.

Одновременно произошёл структурный сдвиг от экономоцентричной модели и приоритета отношений с великими державами к многомерной стратегии. Она ориентирована на управленческие концепции, формирование международного порядка в соседних регионах и продвижение глобальных инициатив. Этот процесс оказывает долговременное воздействие на восточноазиатский региональный порядок и эволюцию международной системы. В такой макротрансформации формирование, развитие и институционализация дипломатической мысли Си Цзиньпина имеют

⁸¹ 徐进 [Сюй Цзинь]. 新时代中国特色大国外交与习近平外交思想的相互成就 [Взаимное достижение великодержавной дипломатии с китайской спецификой и дипломатической мысли Си Цзиньпина в новую эпоху] // 东方学刊 [Вестник востоковедения]. 2023. № 4. С. 3.

⁸² Грачиков Е.Н. Дипломатия КНР: Контекст академического дискурса // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 3. С. 35.

ключевое значение для понимания дипломатических приоритетов Китая в период с 2013 по 2025 год. Начиная с идеи «китайской мечты», китайский лидер сформировал систему взглядов на глобальное управление, включающую концепцию «Сообщества единой судьбы человечества» (СЕСЧ), идею «международных отношений нового типа» и комплекс глобальных инициатив. Эти элементы задают нормативно-ценностный каркас китайской дипломатии и закрепляют роль Китая как поставщика глобальных общественных благ и со-формирователя международного порядка.

1.1. Философия дипломатии Си Цзиньпина: формирование «Сообщества единой судьбы человечества»

С начала реформ и открытости китайская дипломатия опиралась на приоритет развития и необходимость поддержания стабильной внешней среды. На уровне принципов это выражалось в Пяти принципах мирного сосуществования, суверенном равенстве и невмешательстве. На уровне стратегии основное внимание уделялось экономическому строительству, созданию длительной мирной международной обстановки и расширению сотрудничества через двусторонние и многосторонние каналы⁸³. Данная модель долгое время оставалась эффективной. Однако по мере роста международных контактов, расширения географии интересов и углубления институционального участия повестка постепенно расширялась. Важно было

⁸³ 中国倡导和平共处五项原则 [Китай выступает за пять принципов мирного сосуществования] // 中华人民共和国外交部 [МИД КНР]. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/wjs_674919/2159_674923/200011/t20001107_7950050.shtml (дата обращения: 12.02.2025).

не только защищать интересы развития в рамках существующего международного порядка, но и отвечать на внешние сомнения по поводу намерений Китая и его позиции в вопросах международных правил. Это требовало предложения решений, которые могли бы быть обсуждены и согласованы, особенно в контексте слабых звеньев в глобальном управлении. В этом смысле китайская дипломатия всё больше ориентируется на вопросы международного порядка. Она фокусируется не только на межгосударственных отношениях, но и на вопросах международных общественных благ, справедливости правил и устойчивости институтов⁸⁴.

В этих условиях концепция СЕСЧ стала одним из ключевых концептов современной внешнеполитической мысли Китая⁸⁵. Она не только активно используется для описания общего видения, но и выполняет рамочную функцию при объяснении внешнеполитического курса Китая и его подходов к глобальному управлению.

Следует отметить, что в международных научных и политических дискуссиях концепция СЕСЧ не получила широкого признания как целостная и бесспорная система; напротив, она вызывает разнообразные интерпретации и критику. Во-первых, некоторые ученые считают, что данная концепция носит явно инструментальный характер, выступая в качестве стратегического

⁸⁴ 《携手构建人类命运共同体：中国的倡议与行动》白皮书 [Белая книга Объединение усилий для создания сообщества единой человеческой судьбы: инициативы и действия Китая] // 中华人民共和国国务院新闻办 [Информационное бюро Государственного совета КНР]. 26.09.2023. [Электронный ресурс]. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/zfbps_2279/202309/t20230926_771203.html (дата обращения: 13.02.2024).

⁸⁵ 人类命运共同体 [Сообщества единой судьбы человечества] // 习近平外交思想和新时代中国外交 [Дипломатическая мысль Си Цзиньпина и дипломатия Китая в новую эпоху]. [Электронный ресурс]. URL: https://cn.chinadiplomacy.org.cn/2022-09/27/content_78440497.shtml (дата обращения: 12.02.2025).

нарратива или инструмента «мягкой силы». С помощью таких понятий, как сотрудничество, взаимная выгода и ответственность, она придаёт легитимность всё более активным внешнеэкономическим и институциональным действиям Китая, особенно в сфере финансирования инфраструктуры и продвижения региональных институциональных инициатив, что дополнительно укрепляет позицию Китая как поставщика международных общественных благ⁸⁶.

Во-вторых, ряд исследователей отмечает, что применение концепции СЕСЧ в политической практике лишено чёткого определения и иногда даже критикуется как политический лозунг ⁸⁷ . Её содержание нередко интерпретируется по-разному в различных контекстах, что затрудняет превращение этой идеи в конкретную и действенную политическую рамку и тем самым снижает её международную значимость.

Особенно в нынешних условиях усиления геополитической конкуренции и учащения региональных конфликтов принципы инклюзивности, многосторонности и сотрудничества в сфере безопасности, провозглашаемые данной концепцией, часто сталкиваются с трудностями при практической реализации. В условиях конкретных споров и расхождения интересов реализация этих идей нередко сталкивается с многочисленными препятствиями⁸⁸.

⁸⁶ Smith S.N. Community of common destiny: China's "new assertiveness" and the changing Asian order // International Journal. 2018. Vol. 73. No 3. P. 454.

⁸⁷ Zeng J. Slogan of "community of shared future for mankind" // Slogan Politics: Understanding Chinese Foreign Policy Concepts. Singapore: Springer Singapore, 2020. P. 111.

⁸⁸ Raditio K.H. Xi Jinping's Community of Shared Future and China's Behaviour: A View from Indonesia // Rajaratnam School of International Studies. 25.03.2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rsis.edu.sg/rsis-publication/idss/ip24034-xi-jinpings-community-of-shared-future-and-chinas-behaviour-a-view-from-indonesia/> (дата обращения: 02.03.2026).

Некоторые исследователи отмечают наличие внутренних противоречий в китайском дипломатическом дискурсе. С одной стороны, подчёркивается принцип международного равенства, с другой, в отдельных случаях прослеживаются элементы иерархичности; утверждается, что Китай обладает определёнными преимуществами в некоторых сферах, но одновременно подчёркивает уважение к независимости и выбору других государств. В связи с этим ряд авторов считает, что некоторые дипломатические высказывания могут рассматриваться как инструменты защиты национальных интересов Китая⁸⁹.

Исходя из вышесказанного, в настоящем исследовании не делается однозначного вывода о том, что «идея сообщества» является либо исключительно «прогрессивной», либо исключительно «экспансионистской». Чтобы избежать восприятия данной концепции как простого политического лозунга, в данном параграфе она рассматривается как нормативная философская рамка внешней политики. Её суть заключается не в описании того, какова международная реальность, а в ответе на вопросы о том, «как должна функционировать» международная система, «как должны взаимодействовать» государства и «какую ответственность» должны нести великие державы.

В этом контексте концепция СЕСЧ выполняет три взаимосвязанные функции: во-первых, она задаёт рамки для понимания структуры глобальной взаимозависимости; во-вторых, обеспечивает ценностное основание международной роли Китая и легитимности его действий; в-третьих,

⁸⁹ Nathan A.J., Zhang B. 'A shared future for mankind': Rhetoric and reality in Chinese foreign policy under Xi Jinping // Journal of Contemporary China. 2022. No 31(133). P. 59.

формирует принципиальный язык, посредством которого Китай участвует в дискуссиях о глобальном управлении и международных правилах.

Параграф ставит целью системно рассмотреть идейные истоки концепции СЕСЧ, её концептуальную эволюцию, нормативное содержание и логику практического применения, а также определить её место и роль в общей внешнеполитической стратегии Китая в новую эпоху. Такой подход позволяет показать, почему СЕСЧ стала важной основой для продвижения Китаем идеи «международных отношений нового типа». Она также рассматривается как инструмент формирования новой архитектуры глобального управления и развития сотрудничества между Китаем и странами АСЕАН.

Понятие «Сообщества единой судьбы человечества» включает три ключевых элемента — «человечество» (жэньлэй, 人类), «судьба» (минъюнь, 命运) и «сообщество» (гунтунти, 共同体)⁹⁰. Эти элементы обозначают соответственно круг субъектов, характер взаимосвязей и форму международного порядка. Данное понятие нельзя понимать как простое соединение нескольких слов, оно отражает общее китайское представление о структуре и ценностных ориентирах современных международных отношений. Впервые оно было выдвинуто Си Цзиньпином в 2013 году в выступлении в Московском государственном институте международных отношений (МГИМО). Позднее данная идея постепенно сформировалась как важная концептуальная рамка китайской дипломатии⁹¹.

Термин «человечество» отражает целостный взгляд на субъект

⁹⁰ Семенов А.В., Цвык А.В. К вопросу о понятии и интерпретации концепции "сообщества единой судьбы человечества" // Общество и государство в Китае. 2019. Т. 49. № 1. С. 548.

⁹¹ 习近平 [Си Цзиньпин]. 论坚持推动构建人类命运共同体. [О настойчивом продвижении строительства сообщества единой судьбы человечества]. 北京: 中央文献出版社 [Пекин: Центральное издательство литературы ЦК КПК], 2018. С. 5.

международных отношений. Он подчёркивает, что вопросы безопасности, развития, экологии и технологий всё чаще выходят за рамки отдельных государств. В результате международная политика становится всё более взаимосвязанной. Понятие «судьба» не означает фатализм, а указывает на неделимость безопасности и развития государств в условиях глубокой глобализации. Так, политические решения одной страны могут иметь последствия для других государств. Понятие «сообщество» отражает представление о международном порядке, основанном на сотрудничестве. В такой системе суверенные государства решают общие проблемы через институциональное взаимодействие, а не через конфронтацию и логику нулевой суммы.

Таким образом, СЕСЧ не является описанием реального состояния международных отношений – это нормативная дипломатическая рамка. Она исходит из признания глобальной взаимозависимости и используется для осмысления международной роли Китая и обоснования легитимности его внешнеполитических действий.

Данная концепция возникла не случайно и имеет развитую теоретическую основу. Это результат длительного взаимодействия трёх взаимосвязанных традиций: марксистской теории международных отношений, эволюции внешнеполитической мысли Китайской Народной Республики и философско-культурного наследия китайской цивилизации. Анализ этих истоков позволяет лучше понять внутреннюю логику дипломатической концепции Си Цзиньпина. Он также помогает выявить её особенности и противоречия по сравнению с западными подходами к глобальному управлению.

С идеологической точки зрения концепция СЕСЧ соотносится с марксистским пониманием сообщества⁹². У Маркса «истинное сообщество» предполагало преодоление отчуждения и создание условий для свободного развития личности, при которых индивидуальное и общее существуют не в противоречии, а во взаимосвязи⁹³.

В сфере международных отношений данная логика получает новое измерение. Современный мировой порядок по-прежнему основан на неравномерном распределении ресурсов, возможностей и выгод развития. Это проявляется не только в экономическом разрыве между государствами, но и в неравном доступе к механизмам глобального управления. В результате часть стран оказывается в заведомо менее выгодном положении и фактически ограничена в участии в принятии ключевых международных решений.

В этом контексте идея «общего процветания», заложенная в концепции СЕСЧ, может рассматриваться как попытка пересмотра оснований глобального развития. Развитие в данном случае трактуется как общая задача всех государств. Это предполагает формирование инклюзивной глобальной экономической системы и ограничение концентрации преимуществ у узкого круга акторов.

Важно отметить, что речь не идёт о прямом продолжении марксистской теории. Скорее марксизм выступает источником ценностных ориентиров,

⁹² Бояркина А.В., Печерица В.Ф. Концепция Си Цзиньпина "Сообщество единой судьбы человечества" - вклад в творческое развитие марксизма в XXI веке // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. №4 (55). С. 105.

⁹³ 于洋 [Юй Ян]. 人类命运共同体理念的建构历程及理论价值 [История создания и теоретическая ценность концепции сообщества единой судьбы человечества] // 西北师大学报 [Вестник Северо-Западного педагогического университета]. 2024. № 61(02). С. 16.

связанных с идеями взаимозависимости и справедливого развития ⁹⁴ . Концепция СЕСЧ переносит эти идеи в контекст современных проблем глобального управления и использует их для формирования нормативного языка международного сотрудничества.

С исторической точки зрения СЕСЧ также не является внезапным нововведением – она стала результатом постепенной эволюции китайской дипломатической мысли. Начиная с Мао Цзэдуна китайское руководство постепенно формировало представление об альтернативной конфигурации международного порядка. Мао выдвинул теорию «трёх миров» (1974 г.), подчёркивая необходимость солидарности развивающихся стран Юга против гегемонии великих держав⁹⁵. Дэн Сяопин на этой основе развил концепцию «мир и развитие» (1985 г.), выделив экономическое сотрудничество и взаимную выгоду в качестве условия глобальной стабильности ⁹⁶ . Цзян Цзэминь выдвинул идею «нового международного политического и экономического порядка» (2000 г.), основанного на равенстве и взаимном уважении ⁹⁷ . Ху Цзиньтао, в свою очередь, сформулировал концепцию «гармоничного мира» (2005 г.), в рамках которой международные отношения

⁹⁴ Виноградов А.В. Марксизм, КПК и новая эпоха Си Цзиньпина // Ориенталистика. 2022. Т. 5. С. 955–958.

⁹⁵ 毛泽东主席关于三个世界的理论和“一条线”战略 [Теория трёх миров и стратегия «одной линии» председателя Мао Цзэдуна] // 中华人民共和国外交部 [МИД КНР]. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/wjs_674919/2159_674923/200011/t20001107_10250994.shtml (дата обращения: 12.02.2025).

⁹⁶ 邓小平的和平思想及其时代意义 [Мирные идеи Дэн Сяопина и их современное значение] // 中华人民共和国国史网 [Официальный сайт История КНР]. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hprc.org.cn/gsyj/gsrwyj/202508/t20250804_5908918.html (дата обращения: 12.02.2025).

⁹⁷ 江泽民在联合国千年首脑会议上发表讲话 (全文) [Выступление Председателя КНР Цзян Цзэминя на Саммите тысячелетия ООН (Полный текст)] // 央视网 [Центральное телевидение Китая]. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.cctv.cn/news/special/zt1/qingnian/61.html> (дата обращения: 12.02.2025).

должны строиться на принципах толерантности и сотрудничества⁹⁸.

Опираясь на уже накопленные концептуальные идеи, Си Цзиньпин постепенно развивал существующие подходы. Он объединил такие темы, как мир, безопасность и развитие, в общую концептуальную рамку и использовал идею СЕСЧ для описания желаемого будущего мирового порядка. Министерство иностранных дел КНР рассматривает СЕСЧ как одну из ключевых концепций дипломатической мысли Си Цзиньпина. Подчеркивается, что эта идея отвечает на вопросы о том, «какой мир строить и как его строить»⁹⁹. Это отражает постепенное изменение китайской дипломатической философии. Ранее основное внимание уделялось обеспечению национальной безопасности и созданию благоприятной внешней среды для развития; сегодня же дипломатический дискурс всё чаще выходит на уровень обсуждения принципов и правил мирового порядка.

С философской точки зрения концепция СЕСЧ связана с традиционной китайской политической культурой. В частности, она соотносится с представлениями о «Поднебесной» (тянься, 天下) и идеалом «Великого единения» (датун, 大同)¹⁰⁰.

⁹⁸ 胡锦涛在联合国成立60周年首脑会议上的讲话(全文) [Выступление Ху Цзиньтао на саммите, посвященном 60-летию Организации Объединенных Наций (полный текст)] // 中华人民共和国外交部 [МИД КНР]. 16.09.2005. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.cn/ziliao_674904/zyjh_674906/200509/t20050916_7944415.shtml (дата обращения: 12.02.2025).

⁹⁹ 中共中央政治局委员、外交部长王毅就中国外交政策和对外关系回答中外记者提问 [Член Политбюро ЦК КПК, министр иностранных дел КНР Ван И ответил на вопросы китайских и зарубежных журналистов по вопросам внешней политики и международных отношений Китая] // 中华人民共和国外交部 [МИД КНР]. 07.03.2024. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.cn/wjzbzd/202403/t20240307_11255225.shtml (дата обращения: 12.02.2025).

¹⁰⁰ Бояркина А.В., Печерица В. Ф., Мефодьева С. А. Традиционная культура Китая в контексте концепции «сообщества единой судьбы для человечества» // Вестник ЗабГУ. 2018. Т. 24. № 8. С. 58.

Концепция «Поднебесной» в древнем Китае служила всеобъемлющей рамкой для осмысления мирового порядка. Она включала нормативные требования, касающиеся легитимности порядка и этики ответственности. Эта концепция подчеркивала необходимость достижения широкого признания через политическую легитимность и нравственный пример, что позволяло поддерживать представление о порядке, который выходит за рамки границ отдельных сообществ. Важным принципом здесь была идея «единства в различии» (хэ эр бу тун, 和而不同)¹⁰¹, которая не предполагает унификации ценностей или институтов, а, напротив, допускает разнообразие и подчеркивает гармоничное сосуществование¹⁰².

В трактате «Ли цзи. Ли юнь» используется формула «Поднебесная принадлежит всем» (тянься вэй гун, 天下为公), описывающая идеал «Великого единения». Смысл этой идеи состоит не в устранении различий между обществами, а в поиске таких принципов порядка, которые позволяли бы разным сообществам сосуществовать и сотрудничать¹⁰³.

В определённом смысле концепция «Сообщества единой судьбы человечества» продолжает логику приоритета общих интересов и

¹⁰¹ 赵汀阳 [Чжао Тинъян]. 天下体系：世界制度哲学导论 [Система «Поднебесная»: Введение в философию мироустройства]. 南京：江苏教育出版社 [Нанкин: Издательство образования провинции Цзянсу], 2005. С. 15–16.

¹⁰² 秦琦玮, 韩鹏杰 [Цинь Цивэй, Хань Пэнцзе]. “以天下观天下”：构建人类命运共同体的价值意蕴和实践理路 [«Взгляд на мир с вселенской перспективы Поднебесной»: ценностный смысл и практический путь построения сообщества с единой судьбой для человечества] // 广西民族大学学报(哲学社会科学版) [Вестник Гуансийского университета национальностей (философские и общественные науки)]. 2025. № 47(03). С. 151.

¹⁰³ 赵敏俐 [Чжао Миньли]. 《礼记·礼运》：先秦儒家礼学思想的理论奠基 [«Ли цзи·Ли юнь»]: теоретическая основа учения о ритуале конфуцианства раннего периода Цинь] // 北京师范大学学报(社会科学版) [Вестник Пекинского педагогического университета (социальные науки)]. 2024. № (04). С. 70.

долгосрочного порядка. Однако её следует рассматривать не как простое продолжение традиционного представления о «Поднебесной», а как селективное конструирование традиции, где используются определённые философские идеи для легитимации современных политических и экономических интересов.

С одной стороны, концепция сохраняет идеал поддержания порядка на основе нравственного авторитета и примера, а не исключительно посредством силы; с другой, в рамках современного международного права и многостороннего управления она неизбежно учитывает такие реалии, как суверенное равенство, множественность акторов и институционализированные переговорные механизмы. В этом смысле СЕСЧ представляет собой не столько прямое продолжение традиционного китайского взгляда на порядок, сколько его адаптацию и трансформацию, отвечающую современным вызовам международных отношений.

Процесс формирования концепции СЕСЧ прослеживается с 2011 года. В сентябре 2011 года в Белой книге Пресс-канцелярии Госсовета КНР «Мирное развитие Китая» была зафиксирована идея взаимозависимости государств и их переплетающихся интересов, обозначенная как «сообщество судьбы»¹⁰⁴. Через четырнадцать месяцев, в ноябре 2012 года, на XVIII съезде КПК продвижение концепции СЕСЧ было официально включено в повестку партии, что стало первым закреплением данной идеи в ключевом партийном документе¹⁰⁵.

¹⁰⁴ 《中国的和平发展》白皮书 [Белая книга «Мирное развитие Китая»] // 中华人民共和国国务院新闻办公室 [Информационное бюро Государственного совета КНР]. 06.09.2011. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/jrzq/2011-09/06/content_1941204.htm (дата обращения: 14.12.2023).

¹⁰⁵ 胡锦涛在中国共产党第十八次全国代表大会上的报告 [Доклад Ху Цзиньтао на 18-м Всекитайском съезде КПК] // 人民网 [Жэньминь жибао онлайн]. 08.11.2012. [Электронный

На международном уровне концепция была впервые артикулирована Си Цзиньпином 23 марта 2013 года на выступлении в МГИМО, где была представлена как отражение усиления глобальной взаимосвязанности¹⁰⁶. 21 мая 2014 года на Совещании по взаимодействию и мерам доверия в Азии Си Цзиньпин подтвердил значимость СЕСЧ и увязал её с формированием «международных отношений нового типа», основанных на взаимовыгодном сотрудничестве¹⁰⁷. Параллельно такие инициативы, как совместное строительство «Пояса и пути» и создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), сформировали практическую основу для институционализации и операционализации данной концепции.

Согласно данным газеты «Жэньминь жибао», по состоянию на май 2015 года председатель КНР Си Цзиньпин не менее 62 раз упоминал идею «сообщества судьбы» в публичных выступлениях в стране и за рубежом¹⁰⁸. Важным этапом стало выступление Си Цзиньпина в ООН (Женева) 18 января 2017 года, где была представлена развёрнутая интерпретация целей и механизмов реализации СЕСЧ¹⁰⁹. 10 февраля 2017 года данная концепция впервые была включена в резолюцию ООН, что свидетельствует о её выходе

ресурс]. URL: <http://theory.people.com.cn/n/2012/1109/c40531-19530534-1.html> (дата обращения: 14.12.2023).

¹⁰⁶ 习近平 [Си Цзиньпин]. 论坚持推动构建人类命运共同体. [О настойчивом продвижении строительства сообщества единой судьбы человечества]. Указ. соч. С. 5.

¹⁰⁷ Там же. С. 112.

¹⁰⁸ 国纪平 [Го Цзипин]. 为世界许诺一个更好的未来—论迈向人类命运共同体 [Обещание лучшего будущего для мира - О движении к сообществу человеческой судьбы] // 新华网 [Синьхуа Новости]. 18.05.2015. [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2015-05/17/c_1115310552.htm (дата обращения: 14.12.2023).

¹⁰⁹ 习近平 [Си Цзиньпин]. 习近平谈治国理政（第2卷）[Си Цзиньпин. О государственном управлении (том 2)]. 北京：外文出版社 [Пекин: Издательство иностранных языков], 2017. С. 537.

на уровень международного нормативного признания¹¹⁰.

В октябре 2017 года в докладе XIX съезда КПК содействие построению СЕСЧ было определено как одно из базовых направлений стратегии новой эпохи¹¹¹ и закреплено в Уставе КПК¹¹². 11 марта 2018 года соответствующее положение было внесено в преамбулу Конституции КНР. Таким образом СЕСЧ получила институциональное закрепление как нормативный ориентир внешней политики Китая¹¹³ и окончательно оформилась как государственная дипломатическая доктрина.

Концепция СЕСЧ стала ключевой идеей внешней политики Китая в новую эпоху не столько благодаря новизне формулировки, сколько вследствие наличия у неё чётко выстроенной и иерархически структурированной нормативной системы. Под нормативностью в данном контексте понимается то, что концепция не ограничивается описанием реальности или объяснением международных отношений. Она также формулирует представления о том, как следует действовать. В интерпретации Си Цзиньпина эта концепция постепенно переросла в пять основных норм, предоставив Китаю ценностные

¹¹⁰ 构建人类命运共同体首次写入联合国决议 [Создание сообщества единой судьбы человечества в резолюциях Организации Объединенных Наций]. 人民网 [Жэньминь жибао онлайн]. 12.02.2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2017/0212/c1002-29074838.html> (дата обращения: 24.12.2023).

¹¹¹ 习近平 [Си Цзиньпин]. 习近平谈治国理政（第3卷）[Си Цзиньпин. О государственном управлении (том 3)]. 北京：外文出版社 [Пекин: Издательство иностранных языков], 2020. С. 46.

¹¹² 中国共产党党章 [Конституция Коммунистической партии Китая] // 共产党员网 [Сайт члена Коммунистической партии]. 26.10.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.12371.cn/2022/10/26/ARTI1666788342244946.shtml> (дата обращения: 24.12.2023).

¹¹³ 马俊峰, 马乔恩 [Ма Цзюньфэн, Ма Цзяоэнь]. 构建人类命运共同体的历史性研究 [Историческое исследование создания сообщества единой судьбы человечества]. 北京：人民出版社 [Пекин: Народное издательство], 2019. С. 89.

ориентиры и принципы поведения для участия в глобальном управлении¹¹⁴.

Во-первых, «прочный мир» является исходной и центральной нормой СЕСЧ. Она основана на представлении о безопасности как структурной взаимозависимости: ни одно государство не может обеспечивать собственную безопасность за счёт подрыва безопасности других. В этой логике отвергаются конфронтационные модели (холодная война, логика нулевой суммы), предпочтение отдаётся стабилизации международных отношений посредством диалога, взаимного доверия и институционализированного сотрудничества.

В выступлении на встрече, посвящённой 50-й годовщине восстановления места Китая в ООН, Си Цзиньпин подчеркнул, что Китай выступает решительно против всякой формы гегемонизма и силовой политики, а также против односторонности и протекционизма¹¹⁵. Эта позиция подчеркивает ответственность Китая за поддержание международного мира и стабильности, призывает международное сообщество совместно защищать справедливость и правду, а также способствовать достижению глобального устойчивого мира. На региональном уровне Китай в приоритетном порядке продвигает свои политические установки, направленные на достижение «прочного мира», через региональные механизмы сотрудничества под эгидой АСЕАН, поддерживая строительство Сообщества АСЕАН и участвуя в

¹¹⁴ 习近平 [Си Цзиньпин]. 习近平谈治国理政（第2卷）[Си Цзиньпин. О государственном управлении (том 2)]. Указ. соч. С. 542–544.

¹¹⁵ 习近平在中华人民共和国恢复联合国合法席位50周年纪念会议上的讲话 [Выступление Си Цзиньпина на юбилейном заседании, посвящённом 50-летию восстановления юридического места Китайской Народной Республики в Организации Объединённых Наций] // 中华人民共和国中央人民政府 [Центральное народное правительство КНР]. 25.10.2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-10/25/content_5644755.htm (дата обращения: 24.12.2023).

формате сотрудничества АСЕАН — Китай, Япония и Республика Корея (АСЕАН+3), а также в Восточноазиатском саммите (АСЕАН+8). Китай стремится найти баланс между существованием территориальных споров в Южно-Китайском море и строительством региональных норм.

Во-вторых, «всеобщая безопасность» подчеркивает кооперативный и неделимый характер безопасности, исключая её построение в изоляции или за счёт других стран. Нормативное содержание этой идеи включает отказ от логики блоков и идеологической борьбы, приоритет сотрудничества над конфронтацией, укрепление доверия и предотвращение угроз безопасности через механизмы коллективных консультаций. В своей речи на ежегодной встрече Форума Боао в 2015 году Си Цзиньпин подчеркнул: «В современном мире ни одно государство не может обеспечить свою безопасность в отрыве от глобальной безопасности, и никакая безопасность не может быть построена на основе незащищенности других государств. Мы должны избавиться от холодной войны, инновационно подходить к концепции безопасности и стремиться к созданию пути безопасности в Азии, основанного на совместном строительстве, общем использовании и взаимовыгодных результатах»¹¹⁶.

В рамках этой концепции государства должны усилить международное сотрудничество, сбалансировав традиционную и нетрадиционную безопасность, особенно уделяя внимание новым вызовам, таким как биологическая безопасность, кибербезопасность и безопасность в космосе, вызванные новой технологической революцией. Для этого необходимо продвигать инновации в области безопасности, механизмов и системы

¹¹⁶ 习近平 [Си Цзиньпин]. 论坚持推动构建人类命运共同体. [О настойчивом продвижении строительства сообщества единой судьбы человечества]. Указ. соч. С. 208.

управления, а также стремиться к созданию глобальной системы универсальной безопасности. Укрепление многосторонних механизмов сотрудничества в области безопасности является не только неотложной необходимостью для поддержания международного мира и развития, но и ключевым элементом в решении глобальных кризисов безопасности. Особенно в контексте Восточной и Юго-Восточной Азии Китай пытается интегрировать концепцию «общей, кооперативной и устойчивой» безопасности в существующие рамки, через сотрудничество с механизмами безопасности и обороны, возглавляемыми АСЕАН. Таким образом, Китай стремится повысить свое влияние в повестке безопасности региона, не вступая в прямое противостояние с системой союзов США.

В-третьих, «общее процветание» фиксирует экономико-нормативное измерение концепции и ориентировано на преодоление глобального неравенства в развитии. Развитие здесь трактуется как фундаментальное право государств и человека, а воспроизводство неравенства через технологическую монополию, финансовую гегемонию и несправедливые торговые практики подвергается критике. В этом процессе любая модель развития, пытающаяся замкнуться и выйти из глобальной системы разделения труда, столкнется с серьезными вызовами. В то же время, в условиях глобальной разбалансированности развития отсутствие инклюзивного роста будет затруднять обеспечение долгосрочного стабильного экономического процветания. В этой связи Китай утверждает, что международное сотрудничество в интересах развития должно строиться на принципах совместного участия и распределения выгод без политической обусловленности, обеспечивая расширение возможностей прежде всего для

стран Глобального Юга.

В этом контексте Китай подчеркивает важность сотрудничества с государствами АСЕАН, считая их неотъемлемой частью глобальной стратегии развития, которая может оказать значительную поддержку в продвижении совместного процветания и интересов Глобального Юга. Китай выступает за углубление экономической интеграции в рамках АСЕАН, дальнейшую либерализацию торговли, облегчение инвестиций и улучшение региональной взаимосвязанности. В рамках инициативы «Один пояс, один путь» сотрудничество Китая с АСЕАН достигло значительных успехов в таких сферах как инфраструктурное строительство, цифровая экономика, «зеленая» энергетика и технологические инновации, что способствовало росту и процветанию региональной экономики.

В отношениях с АСЕАН Китай развивает форматы междивизиационного обмена — культурные проекты, образовательные программы, туристические контакты. Они не сводятся к символическим жестам: такие механизмы помогают сгладить различия в восприятии, которые возникают в более чувствительных сферах, прежде всего в вопросах безопасности и экономики.

Наконец, «чистота и красота» отражают ценностную направленность концепции СЕСЧ в экологической сфере, выводя экологическую справедливость и устойчивое развитие на центральное место в системе долгосрочных общих интересов человечества. В рамках такого подхода развитие уже не сводится только к экономическому росту, а всё больше ориентируется на «зелёную» модель, расширение климатического сотрудничества и постепенное совершенствование механизмов

международного экологического управления. В этой логике экология рассматривается как глобальное общественное благо, а Китай позиционирует себя как участник и поставщик соответствующих институтов и практик в сфере глобального экологического сотрудничества.

Китай активно продвигает экологическую устойчивость через практические шаги в рамках сотрудничества с АСЕАН. В частности, Китай и государства АСЕАН прилагают совместные усилия по снижению углеродных выбросов, укреплению климатической устойчивости и продвижению «зеленых» технологий. Китай инициировал и поддерживает различные проекты, направленные на улучшение экологии в регионе, включая строительство экологически чистых инфраструктурных проектов и сотрудничество в области возобновляемых источников энергии.

Эти пять основ составляют нормативный каркас концепции сообщества, что позволяет применять её к различным вопросам и переводить в политические формулировки и повестки сотрудничества.

Если нормативная система СЕСЧ отвечает на вопрос о том, какие ценности должно преследовать международное сообщество и каким образом следует выстраивать взаимные отношения, то её практическая логика показывает, каким образом Китай в дипломатической стратегии новой эпохи конкретизирует, институционализирует и переводит эти нормы в действия.

В практическом плане концепция СЕСЧ предполагает переосмысление целей международного поведения. В отличие от реалистической традиции, которая исходит из приоритета национальных интересов и рассматривает межгосударственные отношения как конкуренцию за власть и безопасность в

условиях анархии¹¹⁷, концепция сообщества подчеркивает необходимость расширения пространства общих интересов в условиях глубокой глобальной взаимозависимости. Китай выдвигает идею «максимизации общих интересов» как важную цель международного сотрудничества, реализуемую через предоставление глобальных общественных благ, повышение справедливости международных правил и усиление механизмов совместного развития. Таким образом, СЕСЧ выступает одновременно внешнеполитической идеей и ценностным ориентиром государственной политики.

В практической реализации концепции СЕСЧ важную роль играет принцип «совместного обсуждения, совместного строительства и совместного использования» (гуншан гунцзянь гунсян, 共商共建共享). На Центральном совещании по вопросам внешней политике в конце 2023 года «продвижение глобального управления на основе совместного обсуждения, совместного строительства и совместного использования» было закреплено как один из основных путей построения «СЕСЧ»¹¹⁸.

Основной смысл этого принципа заключается в том, что решение глобальных проблем и международных дел не должно в одностороннем порядке определяться несколькими странами, а должно основываться на равноправных консультациях между всеми странами, содействовать процессу сотрудничества посредством совместного участия и более справедливому

¹¹⁷ Korab-Karpowicz W.J. Political realism in international relations // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2023 Edition). 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://philpapers.org/archive/KORPRI-4.pdf> (дата обращения: 12.02.2025).

¹¹⁸ 中央外事工作会议在北京举行 习近平发表重要讲话 [Центральное совещание по внешней политике прошло в Пекине; Си Цзиньпин выступил с важной речью] // 中华人民共和国外交部 [МИД КНР]. 28.12.2023 [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202312/t20231228_11214409.shtml (дата обращения: 12.02.2025).

распределению результатов сотрудничества. Он принципиально отличается от односторонних и конфронтационных моделей, поскольку исходит не из доминирования, а из координации интересов и совместной ответственности. Этот принцип выступает не только ценностным выражением концепции, но и практическим подходом к участию Китая в глобальном управлении.

Реализация идеи СЕСЧ происходит на разных уровнях и не ограничивается одной инициативой. На внутреннем уровне Китай, улучшая свои способности в области управления, качество экономического развития, научных инноваций и социальной стабильности, создает базу для предоставления международных публичных товаров и услуг, превращая свое развитие в реальную поддержку международного сотрудничества.

На региональном уровне Китай рассматривает сопредельные территории как приоритетные зоны для практики идеи сообщества, особенно в отношении АСЕАН. Идея сообщества подчеркивает открытость, инклюзивность и взаимовыгодное сотрудничество, что хорошо согласуется с долгосрочной позицией АСЕАН в отношении её центральной роли, консенсусного и инклюзивного регионализма. Это делает механизмы АСЕАН одной из региональных платформ, поддерживающих идею сообщества.

На глобальном уровне Китай использует многосторонние платформы, такие как ООН, «Группа двадцати» (G20), БРИКС и АТЭС, чтобы продвигать идею сообщества в международной системе управления, что постепенно ведет к ее международному признанию.

В то же время СЕСЧ конкретизируется через систему институциональных механизмов и платформ. Три инициативы, выдвинутые Си Цзиньпином, — Инициатива глобального развития (ИГР, 全球发展倡议)

(сентябрь 2021 года)¹¹⁹, Инициатива глобальной безопасности (ИГБ, 全球安全倡议) (апрель 2022 года)¹²⁰ и Глобальная цивилизационная инициатива (ГЦИ, 全球文明倡议) (март 2023 года)¹²¹ — предлагали направления действий и рамки сотрудничества в ключевых областях, таких как развитие и сотрудничество, обеспечение безопасности и цивилизационные обмены, тем самым предоставляя четкие практические пути и политические интерфейсы для идеи сообщества. 1 сентября 2025 г. в Тяньцзине на саммите ШОС Си Цзиньпин впервые озвучил «Инициативу глобального управления» (ИГУ, 全球治理倡议), продолжившую линию трёх предыдущих глобальных инициатив, встраивая их в более широкую повестку реформы архитектуры глобального управления¹²².

Вне этих инициатив совместное строительство «Пояса и пути» является материализацией и практической платформой идеи сообщества. Через

¹¹⁹ 习近平在第七十六届联合国大会一般性辩论上的讲话（全文）[Выступление Си Цзиньпина на общих прениях 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (полный текст)] // 中华人民共和国外交部 [МИД КНР]. 22.09.2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/zyxw/202109/t20210922_9584017.shtml (дата обращения: 12.02.2025).

¹²⁰ 习近平在博鳌亚洲论坛2022年年会开幕式上的主旨演讲（全文）[Основной доклад Си Цзиньпина на церемонии открытия ежегодной конференции Боаоского азиатского форума 2022 года (полный текст)] // 中华人民共和国外交部 [МИД КНР]. 21.04.2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zyjh_674906/202204/t20220421_10671052.shtml (дата обращения: 12.02.2025).

¹²¹ 习近平在中国共产党与世界政党高层对话会上的主旨讲话（全文）[Основное выступление Си Цзиньпина на Диалоге Коммунистической партии Китая с политическими партиями мира на высоком уровне (полный текст)] // 中华人民共和国外交部 [МИД КНР]. 15.03.2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202303/t20230315_11042301.shtml (дата обращения: 12.02.2025).

¹²² 习近平在“上海合作组织+”会议上的讲话（全文）[Выступление Си Цзиньпина на заседании «Шанхайская организация сотрудничества+» (полный текст)] // 中华人民共和国外交部 [МИД КНР]. 01.09.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202509/t20250901_11699539.shtml (дата обращения: 12.02.2025).

сотрудничество в таких областях, как инфраструктурное строительство, промышленное сотрудничество, упрощение торговли, энергетическая взаимосвязанность и цифровая экономика, «Пояс и путь» превращает абстрактную идею в конкретные результаты. Китайско-лаосская железная дорога — один из показательных примеров. Она заметно улучшила инфраструктуру Лаоса, страны без выхода к морю, и помогла решить давние транспортные проблемы. В то же время проект вызвал дискуссии, связанные с долговой устойчивостью, распределением выгод, а также экологическими и социальными последствиями.

С этой точки зрения, китайско-лаосская железная дорога является не только типичным примером прагматичного сотрудничества и совместного развития двух стран, но и реальной проверкой того, можно ли реализовать концепции взаимной выгоды, взаимовыгодных результатов и устойчивого развития.

Итак, СЕСЧ как основная концепция внешней политики Китая в новую эпоху не только отражает ответ Китая на трансформацию глобального порядка, но и предоставляет целостную систему ценностей, принципов и практических путей для участия Китая в глобальном управлении. Однако для того, чтобы идея сообщества общей судьбы стала применимой в реальной международной системе, необходимо разработать набор принципов поведения, которые смогут регулировать взаимодействие между государствами и поддерживать структуру международного сотрудничества.

В этом контексте и была предложена идея построения «международных отношений нового типа» как ключевого звена, которое соединяет ценности сообщества и превращает их в нормы взаимодействия между государствами.

1.2. Построение международных отношений нового типа

После выдвижения концепции «СЕСЧ» как цели внешней политики Китая в новую эпоху Си Цзиньпин предложил концепцию «международных отношений нового типа». Она направлена на решение вопроса о том, как в системе суверенных государств следует регулировать их поведение, а также каким образом выстраивать межгосударственные взаимодействия и снижать институциональную неопределённость. Если СЕСЧ преимущественно отвечает на вопрос о том, «каким должен быть мир», то «международных отношений нового типа» сосредоточен на проблеме того, «как государства должны сосуществовать и по каким принципам строить взаимодействие». Иными словами, первая из концепций задаёт ценностную цель и общее видение международного порядка, тогда как вторая формирует систему принципов и институциональные пути их реализации. Вместе они образуют последовательную логику «ценностная цель — принципы взаимодействия» и составляют важную часть дипломатической мысли Си Цзиньпина.

В этой логике «международных отношений нового типа» не является простой переформулировкой идеи сообщества, а выступает важным инструментом её практической реализации. Данная концепция переводит общее ценностное видение в систему принципов межгосударственного взаимодействия, которые отражаются в двусторонних и многосторонних документах, а также в институциональных форматах диалога и соглашениях о сотрудничестве. В результате они постепенно получают институциональное выражение в практике современной дипломатии.

Цель данного параграфа состоит в том, чтобы системно рассмотреть

предпосылки появления концепции «международных отношений нового типа», её развитие, нормативное содержание и механизмы реализации. Кроме того, анализируется её функциональная роль как связующего элемента между ценностной целью СЕСЧ и практикой внешней политики Китая. Эта концепция превращает общие дипломатические идеи в конкретные нормы международного взаимодействия и служит рамкой для участия Китая в реформе глобального управления, формирования благоприятной региональной среды и развития взаимодействия между Китаем и АСЕАН.

Выдвижение концепции международных отношений нового типа укоренено в структурном фоне глубоких изменений современной международной системы. Современный международный порядок основан на суверенном государстве как базовой единице, а его нормативная структура после окончания холодной войны претерпела существенные изменения. В постбиполярный период США на определённом этапе закрепили однополярное преимущество и посредством расширения либеральных норм и институциональной архитектуры укрепляли своё глобальное лидерство¹²³.

С начала XXI века внутренние противоречия существующего международного порядка стали проявляться всё более остро. С одной стороны, действия некоторых великих держав, основанные на односторонних мерах и вмешательстве во внутренние дела других стран, ослабляют доверие к механизмам многостороннего управления и снижают их эффективность¹²⁴. С другой стороны, система глобального управления сталкивается с заметными

¹²³ Богданов А.Н. «Американская однополярность» и системный баланс сил в начале XXI в // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2015. № 2. С. 100.

¹²⁴ Brooks S.G., Wohlforth W.C. International Relations Theory and the Case against Unilateralism // Perspectives on Politics. 2005. No 3(3). P. 515.

проблемами представительности, справедливости и эффективности, что вызывает вопросы о её легитимности и обоснованности¹²⁵. Таким образом, современный международный порядок сталкивается не только с изменением понятия силы, но и с вызовами, связанными с легитимностью норм и институтов.

Одновременно рост Китая, Индии, АСЕАН и других экономических центров способствовал постепенному смещению глобального распределения сил от одного центра к многополярности. Экономическая глобализация и политическая многополярность углублялись, а традиционная западноцентричная архитектура международного порядка сталкивалась с нарастающими вызовами. Изменения в распределении силы сопровождались появлением дефицита глобального управления. После международного финансового кризиса 2008 года всё чаще проявляются и переплетаются различные вызовы: региональные конфликты, изменение климата, транснациональный терроризм, кибербезопасность и кризисы в сфере общественного здравоохранения. Это показывает, что ключевая проблема современной международной системы заключается уже не только в риске войны между великими державами, но и в недостаточной способности государств совместно управлять транснациональными рисками и координировать институциональные механизмы.

Хотя многосторонние механизмы, такие как ООН, первоначально предназначались для обеспечения глобального мира и безопасности, а также для содействия международному сотрудничеству и развитию, с нарастанием

¹²⁵ Tallberg J., Zürn M. The legitimacy and legitimation of international organizations: Introduction and framework // The review of international organizations. 2019. No 14(4). P. 582.

глобализации существующие международные механизмы управления в значительной степени стали защищать интересы стабильности нескольких развитых стран, что затрудняло эффективное реагирование на потребности развития и обеспечение безопасности подавляющего большинства развивающихся стран¹²⁶.

В этой ситуации вопрос о том, «куда движутся международные отношения», перестал быть сугубо теоретическим и стал практической проблемой глобального масштаба. Особенно на фоне быстрого роста совокупной мощи и международного влияния Китая в западной академической среде получила распространение дискуссия о том, приведёт ли «подъём Китая» к так называемой «ловушке Фукидида»¹²⁷. Подобные обсуждения не только демонстрируют инерцию мышления в логике силовой политики, но и отражают уровень неопределённости и сложности, присущих текущей фазе трансформации международной системы.

По этой причине Китай больше не может быть просто пассивным участником существующего международного порядка, ему необходимо заново определить свою роль в процессе изменения международной системы¹²⁸. Это проявляется не только в постоянном углублении участия в глобальном управлении, но и в том, как добиться более активного пространства в формировании правил и распределении выгод, чтобы защитить свои основные

¹²⁶ 郭秀清[Го Сюэцин]. 全球治理倡议引领全球治理体系改革[Инициатива по глобальному управлению направляет реформу системы глобального управления] // 当代世界[Современный мир]. 2025. № (10). С.19.

¹²⁷ Allison G. The Thucydides trap: are the US and China headed for war? // The Atlantic. 24.09.2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2015/09/united-states-china-war-thucydides-trap/406756/> (дата обращения: 14.12.2024).

¹²⁸ Виноградов А.В. Внешний мир в стратегии Китая после XX съезда КПК // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 5. С. 92–95.

интересы в процессе глобализации.

Концепция «международных отношений нового типа» возникала как ответ на эти изменения. Её суть заключается в критическом переосмыслении логики силовой политики и нулевой суммы, характерной для традиционных международных отношений. В её основе представление о международных отношениях как взаимодействии, построенном на взаимном уважении и равной выгоде, с отказом от практик доминирования великих держав и жёсткого идеологического разграничения.

Важно подчеркнуть, что концепция развивалась поэтапно — от относительно узкого определения к более комплексной и институционально оформленной идейной системе.

23 марта 2013 года Си Цзиньпин, выступая в МГИМО, отметил: «Перед лицом глубоких изменений в международной обстановке и объективной необходимости совместных усилий всех стран мира, государства должны сообща продвигать формирование международных отношений нового типа, ядром которых является взаимовыгодное сотрудничество. Народы всех стран должны вместе защищать мир во всем мире и содействовать совместному развитию»¹²⁹. Это стало первым публичным обращением Си Цзиньпина к идее международных отношений нового типа в международном двустороннем контексте и закрепило взаимовыгодное сотрудничество как центральный элемент концепции. В тот период Китай уже являлся второй экономикой мира, однако доминирующие дискурсы международных отношений по-прежнему во многом определялись западными категориями «нулевой суммы», «баланса

¹²⁹ 习近平[Си Цзиньпин]. 论坚持推动构建人类命运共同体. [О настойчивом продвижении строительства сообщества единой судьбы человечества]. Указ. соч. С. 6.

сил» и «соперничества великих держав». В этом контексте подчёркивание взаимовыгодного сотрудничества было направлено на преодоление логики «неизбежности конфликта сильных держав», поскольку в условиях глобализации государства оказываются структурно взаимозависимыми в интересах и вопросах безопасности и не могут обеспечивать долгосрочные выгоды путём конфронтации.

В июне того же года в ходе встречи с Б. Обамой Си Цзиньпин сформулировал три ключевых элемента «нового типа отношений между великими державами»: (1) отсутствие конфликтов и конфронтации — урегулирование разногласий посредством диалога и сотрудничества; (2) взаимное уважение — уважение общественных систем, путей развития и ключевых интересов друг друга при сохранении возможности «искать общее при наличии различий» (цю тун цунь и, 求同存异); (3) взаимовыгодное сотрудничество — отказ от логики нулевой суммы и содействие совместному развитию с учётом интересов обеих сторон¹³⁰. На данном этапе, хотя принцип взаимного уважения уже был обозначен, взаимовыгодное сотрудничество сохраняло статус центральной идеи концепции. Необходимо уточнить: новый тип отношений между великими державами является частным случаем международных отношений нового типа и не исчерпывает её нормативного содержания. Нормативная направленность концепции же обладает более широким универсальным характером и применима к отношениям «великая держава — великая держава», «великая держава — средние и малые

¹³⁰ 中美元首明晰新型大国关系内涵及构建路径 [Главы государств Китая и США проясняют смысл и пути построения новых отношений между великими державами] // 新华网 [Синьхуа Новости]. 09.06.2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2013-06/09/c_116107044.htm (дата обращения: 14.12.2024).

государства», а также к многосторонним форматам.

В ноябре 2014 года в речи на Центральном совещании по вопросам внешней политике Си Цзиньпин упомянул формирование международных отношений нового типа, основанных на взаимовыгодном сотрудничестве¹³¹. Это был первый случай, когда данная концепция получила внимание на ключевом китайском внешнеполитическом форуме. На этом же совещании китайский лидер также поставил задачу защиты международной справедливости, хотя на тот момент она ещё не была формально включена в концепцию международных отношений нового типа, а её появление рядом с идеей взаимовыгодного сотрудничества указывало на последующее развитие концепта¹³². В дальнейшем Си неоднократно подтверждал значимость взаимовыгодного сотрудничества и постепенно расширял теоретическую базу концепции.

Наконец, 18 октября 2017 года в докладе на XIX съезде КПК Си Цзиньпин официально обозначил задачу продвижения международных отношений нового типа, основанных на принципах «взаимного уважения, справедливости и взаимовыгодного сотрудничества»¹³³. Это определение знаменовало формальное расширение концепции: от единственного ядра «взаимовыгодного сотрудничества» к триединой системе принципов. Одновременно концепция была включена в ключевой партийный документ,

¹³¹ 习近平 [Си Цзиньпин]. 论坚持推动构建人类命运共同体. [О настойчивом продвижении строительства сообщества единой судьбы человечества]. Указ. соч. С. 198.

¹³² 朱中博 [Чжу Чжунбо]. 推动构建新型国际关系：理念发展、历史动因与理论地位 [Содействие строительству международных отношений нового типа: развитие концепции, исторические причины и теоретическое положение] //国际观察 [Международные наблюдения]. 2022. № (05). С. 3.

¹³³ 习近平 [Си Цзиньпин]. 论坚持推动构建人类命运共同体. [О настойчивом продвижении строительства сообщества единой судьбы человечества]. Указ. соч. С. 490.

что закрепило её как нормативно значимый и институционально ориентированный принцип внешнеполитического поведения.

Таким образом, международных отношений нового типа представляет собой динамическую концепцию, сформировавшуюся в результате теоретического обогащения дипломатической мысли Си Цзиньпина в ходе развития практики. Три принципа — взаимное уважение, справедливость и взаимовыгодное сотрудничество — совместно образуют нормативный каркас внешнеполитического поведения КНР и обеспечивают дискурс участия Китая в международном порядке и повестке глобального управления.

Взаимное уважение является важной частью пяти принципов мирного сосуществования. Оно также рассматривается как основа для преодоления политики силы и создания условий для равноправного диалога между государствами¹³⁴.

Содержание этого принципа включает как минимум два основных аспекта. Во-первых, принципы суверенного равенства и территориальной целостности должны применяться последовательно. Независимо от размера, уровня развития или политической силы государства должны иметь равное положение и равные права в международных делах¹³⁵. Во-вторых, выбор общественного строя, пути развития и модели управления имеет исторические и национальные особенности. Такие решения должны приниматься народами самих государств и не должны становиться объектом внешнего давления или вмешательства.

¹³⁴ 左凤荣 [Цзо Фэнжун]. 习近平关于构建新型国际关系的重要论述及其重大意义 [Важные рассуждения Си Цзиньпина о построении международных отношений нового типа и их значимость] // 理论视野 [теоретический горизонт]. 2023. № 10. С. 19.

¹³⁵ 习近平 [Си Цзиньпин]. 论坚持推动构建人类命运共同体. [О настойчивом продвижении строительства сообщества единой судьбы человечества]. Указ. соч. С. 371.

При этом принцип равенства распространяется не только на сферу суверенитета, но и на участие в выработке международных правил и реформировании системы глобального управления. Взаимное уважение включает также признание цивилизационного многообразия: различия между цивилизациями не должны становиться барьером или источником конфликтов, а должны служить основой для взаимного обучения и укрепления доверия посредством обменов и обоюдного заимствования.

Справедливость является основным принципом международных отношений нового типа, отражающим моральные ценности глобального сотрудничества и развития, а также высокой целью, которую народы всех стран стремятся достичь в области международных отношений¹³⁶. Она подчеркивает не только разумное распределение международной власти и ресурсов, но и призывает защищать равные права и интересы всех стран в глобальных делах.

Во-первых, справедливость означает демократизацию международных отношений: ни одно государство или группа государств не должны монополизировать управление глобальными делами, а международные вопросы должны решаться путём равноправных консультаций. Во-вторых, справедливость предполагает реформирование и правовую институционализацию глобального управления: необходимо поддерживать международный порядок, основанный на международном праве, укреплять авторитет международной законности и обеспечивать единообразное применение международного права, избегая двойных стандартов и практики «использовать — когда выгодно, и отказываться — когда невыгодно (хэ цзэ юн,

¹³⁶ Там же. С. 133.

бу хэ цзэ ци,合则用,不合则弃)»¹³⁷. В-третьих, справедливость предполагает максимизацию общих интересов и совместные действия международного сообщества в ответ на глобальные вызовы — от социального неравенства и экологических кризисов до транснациональных угроз безопасности.

Взаимовыгодное сотрудничество является одним из ключевых ориентиров современного международного взаимодействия и выражает общий запрос государств на совместное развитие в эпоху глобализации. 28 июня 2014 года, выступая на мероприятии, посвящённом 60-летию Пяти принципов мирного сосуществования, Си Цзиньпин подчеркнул, что взаимовыгодное сотрудничество должно стать базовой установкой государств в международных делах¹³⁸. Это требует от всех стран придерживаться принципа взаимной выгоды и взаимовыгодных результатов в международных делах, заменяя конфронтацию сотрудничеством и продвигая международные отношения в более справедливом, разумном и инклюзивном направлении.

В условиях глобализации и взаимозависимости конкуренция между странами не исчезла, но изменилась ее структура, особенно в цепочках поставок, финансовых системах, энергетике и технологий, где негативные внешние эффекты эксклюзивных политик значительно возросли. Поэтому сотрудничество на взаимовыгодной основе подчеркивает необходимость расширения пространства общих интересов через сотрудничество, снижение

¹³⁷ 《携手构建人类命运共同体：中国的倡议与行动》白皮书[Белая книга Объединение усилий для создания сообщества единой человеческой судьбы: инициативы и действия Китая] // 中华人民共和国国务院新闻办[Информационное бюро Государственного совета КНР]. 26.09.2023. [Электронный ресурс]. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/zfbps_2279/202309/t20230926_771203.html (дата обращения: 13.02.2024).

¹³⁸ 习近平 [Си Цзиньпин]. 论坚持推动构建人类命运共同体. [О настойчивом продвижении строительства сообщества единой судьбы человечества]. С. 132.

неопределенности посредством институционализированных договоренностей и укрепления отношений через сотрудничество, чтобы конкуренция могла вестись в контролируемых рамках и не переросла в противостояние. Суть заключается в том, что конкуренция существует, но остается управляемой, за счет создания эффективных правил и механизмов сотрудничества разногласия должны сохраняться в разумных пределах.

В целом концепция международных отношений нового типа не отвергает реалистский тезис о значимости национальных интересов и наличии конкурентного измерения мировой политики, но осуществляет его нормативную корректировку. В отличие от традиционного реализма, основанного на балансе сил и логике сдерживания, она подчёркивает снижение вероятности конфликта через институционализированное сотрудничество и взаимозависимость, а также управление конкуренцией посредством правил и механизмов, предотвращая её неизбежное перерастание в конфронтацию¹³⁹. Данная концепция представляет собой не абстрактный идеал, а модель отношений, ориентированную на управляемые риски и стабильность взаимодействия в условиях структурных ограничений.

Однако следует отметить, что в реальной дипломатической практике применение этих принципов в разных регионах и политических сферах нередко сопровождается различиями в их понимании и спорами. С точки зрения теории международных отношений, нормативные идеи, переходя в практическую политику, неизбежно сталкиваются с влиянием различных факторов. К ним относятся вопросы национальной безопасности,

¹³⁹ 徐步 [Сюй Бу]. 构建新型国际关系的理论内涵及时代意义 [Теоретическое содержание и современное значение построения международных отношений нового типа] // 国际问题研究 [Международные исследования]. 2021. № (03). С. 4.

экономические интересы государств и особенности региональной структуры международных отношений. Поэтому напряжение между провозглашёнными принципами и их практической реализацией является обычным явлением в международной политике.

Прежде всего, на уровне практического применения принципа взаимного уважения важным вопросом для ряда государств Юго-Восточной Азии остаётся ситуация в Южно-Китайском море. Китай в своей позиции по этому вопросу подчёркивает исторические права, государственный суверенитет и необходимость урегулирования споров путём переговоров между непосредственно заинтересованными сторонами. В то же время некоторые страны АСЕАН предпочитают рассматривать подобные вопросы в рамках многосторонних механизмов или международного права ¹⁴⁰. В результате часть государств воспринимает политику Китая в Южно-Китайском море как фактор давления на региональную безопасность. Это в определённой степени влияет на восприятие принципа взаимного уважения суверенитета на региональном уровне. Различные оценки этой ситуации отражают различия в представлениях о безопасности и подходах к разрешению международных споров.

Кроме того, на уровне реализации принципов справедливости и взаимовыгодного сотрудничества различные оценки вызывает модель инфраструктурного финансирования в рамках инициативы «Пояс и Путь». С одной стороны, эта инициатива предоставляет многим развивающимся странам важные возможности для получения финансовых ресурсов и

¹⁴⁰ Peng N., Ngeow C.B. Managing the South China Sea dispute: Multilateral and bilateral approaches // Ocean Development & International Law. 2022. No 53(1). P. 38.

способствует развитию инфраструктуры, взаимосвязанности и регионального экономического сотрудничества. С другой стороны, некоторые исследователи и представители политических кругов высказывают сомнения относительно долговой устойчивости отдельных проектов и связывают их с концепцией так называемой «долговой ловушки»¹⁴¹. Несмотря на то, что в научной среде вокруг этой оценки продолжаются дискуссии и многие исследования указывают на связь долговых проблем с внутренней экономической структурой и качеством управления в принимающих странах, сам характер этих обсуждений показывает, что в сфере глобального финансирования развития сохраняются различия в понимании моделей сотрудничества, распределения рисков и правил взаимодействия между государствами и международными институтами.

Указанные споры не обязательно отрицают саму идею международных отношений нового типа, а скорее отражают сложные условия практического применения нормативных концепций в разных регионах и политических сферах. При переводе любой нормативной дипломатической идеи в конкретные политические меры неизбежно требуется постоянное согласование между принципиальными целями и реальными интересами. Следовательно, внедрение идеи международных отношений нового типа в различных вопросах и регионах должно постепенно продвигаться в рамках постоянного дипломатического взаимодействия и институционального сотрудничества.

Исходя из этого, важно более детально рассмотреть дипломатическую

¹⁴¹ Бучкина А.А. Риски инициативы "Один пояс - Один путь"// Горизонты гуманитарного знания. 2020. № 1. С. 89.

практику Китая на двустороннем, региональном, многостороннем и глобальном уровнях и проанализировать, как она способствует реализации концепции международных отношений нового типа через различные институциональные механизмы.

В двусторонних отношениях Китай подчёркивает формирование системы партнёрств различного типа и продвигает модель «партнёрства» как альтернативу традиционной союзнической логике. В настоящее время Китай установил партнёрские отношения разных уровней с множеством стран, например, стратегическое партнёрство с Россией и всепогодное партнёрство с Пакистаном¹⁴². Такой подход в определённой степени ослабляет блоковое противостояние и снижает вероятность военной конфронтации, делая взаимодействие между государствами более гибким и открытым.

На региональном уровне Китай продвигает такие форматы, как концепция «сообщества судьбы Азии», механизмы сотрудничества в рамках «Глобального Юга», а также взаимодействие с АСЕАН и другими региональными структурами. Эти направления постепенно выходят за рамки экономического сотрудничества и распространяются на вопросы безопасности, развития и управления, формируя комплексные механизмы координации. Одновременно они создают более инклюзивную платформу для взаимодействия стран с разным уровнем развития.

На многостороннем уровне Китай активно участвует в таких платформах, как G20, АТЭС, ШОС и БРИКС, используя их для участия в формировании повестки глобального экономического управления и региональной

¹⁴² Zhang Ketian. Alliances with Chinese characteristics? The contents and rationale of China's strategic partnerships // International Politics. 2025. P. 6–7.

безопасности. В этих рамках Китай выступает не только как участник, но и всё более активно продвигает собственные инициативы, постепенно усиливая своё институциональное влияние.

На глобальном уровне Китай выдвигает ряд инициатив, объединяющих вопросы развития, безопасности и управления. Это способствует тому, что международных отношений нового типа постепенно выходит за рамки декларативного уровня и приобретает устойчивые институциональные формы, оказывая влияние на функционирование всей системы глобального управления.

Тем самым международных отношений нового типа выступает не как абстрактная дипломатическая формула, а как нормативная рамка, через которую общие внешнеполитические установки переводятся в более конкретные принципы и механизмы взаимодействия. При этом речь не идёт о замене реальной политики идеальной моделью: напротив, данный подход исходит из сохраняющихся различий в силе, интересах и позициях государств и направлен на то, чтобы за счёт принципов и институтов снизить степень неопределённости и конфликтности в международных отношениях, тем самым демонстрируя ориентацию на практику.

1.3. Географическая иерархия дипломатии Си Цзиньпина

В первых двух параграфах ядро дипломатической мысли Си Цзиньпина было проанализировано на двух уровнях — ценностных целей и нормативных принципов взаимодействия. С одной стороны, концепция сообщества единой судьбы человечества задаёт общую ценностную ориентацию китайской

дипломатии; с другой — построение международных отношений нового типа формулирует нормативные принципы межгосударственного общения. Однако одних лишь ценностных целей и поведенческих норм недостаточно. Они не объясняют, каким образом Китай в условиях сложной международной среды распределяет дипломатические ресурсы и принимает стратегические решения. Внешнеполитические возможности государства неизбежно ограничены: ресурсы конечны, а риски неоднородны. Поэтому любая дипломатическая стратегия предполагает выделение приоритетов.

Именно в этом контексте в дипломатической мысли Си Цзиньпина постепенно формируется практическая структура. Её отличают чёткая иерархия приоритетов и разграничение задач. Эта структура не сводится к набору ситуативных политических установок, напротив, речь идёт о сравнительно устойчивой конфигурации внешнеполитического развёртывания, складывающейся во взаимодействии государственных возможностей, внешних рисков и интенсивности интересов. На практике она проявляется в дифференцированном распределении целей и ресурсов, а также в различной степени институционализации политики применительно к разным географическим направлениям. В настоящем исследовании данная особенность обозначается как «географическая иерархия» китайской дипломатии¹⁴³.

Следует подчеркнуть, что используемая в настоящем исследовании «географическая иерархия» не является официальной классификацией внешних связей Китая. Это аналитическая категория, позволяющая

¹⁴³ Чжан Маньци. От регионального сотрудничества к глобальному управлению: географическая иерархия и приоритеты дипломатии Си Цзиньпина // Общество: философия, история, культура. 2025. № 6. С. 153.

зафиксировать устойчивую структуру приоритетов в дипломатической практике. Она не предполагает ценностного или идеологического ранжирования партнёров. Речь идёт о системных различиях в политических приоритетах и темпах продвижения политики по отношению к различным географическим направлениям в условиях ограниченности ресурсов и высокой неопределённости международной среды.

Логика данной иерархии следующая: чем ближе регион, тем выше концентрация интересов и вероятность трансграничных рисков, тем сильнее его влияние на безопасность и развитие Китая. Поэтому такие направления чаще получают приоритетное дипломатическое сопровождение. Напротив, более удалённые регионы, связанные главным образом функциональным сотрудничеством, обычно интегрируются через инициативы, партнёрства и многосторонние механизмы. В результате иерархия носит латентный характер и выявляется, прежде всего, в накопительных эффектах длительной практики.

В этом смысле географическая иерархия дипломатии Си Цзиньпина не является статичной, рост совокупной мощи Китая расширяет его возможности для внешнеполитических действий и повышает пространственный охват дипломатии. Одновременно усиление неопределённости внешней среды требует более чёткого определения приоритетов и ориентации на внешнеполитическую повестку. Это связано, в первую очередь, с обострением конкуренции великих держав и распространением рисков региональных конфликтов.

В целом, данная иерархия включает три взаимосвязанных, но функционально различающихся уровня: региональный, трансрегиональный и глобальный. Эти уровни не являются равноположенными. Они образуют

поступательную связку — от ближнего к дальнему и от стабилизации к формированию.

Важно подчеркнуть, что данная географическая иерархия не реализуется посредством какого-либо одного внешнеполитического инструмента. Напротив, на каждом уровне Китай, как правило, сочетает двусторонние форматы, многосторонние механизмы и сотрудничество в рамках инициатив. Тем самым иерархически заданные приоритеты закрепляются в устойчивых практиках, договорённостях и форматах взаимодействия. При этом многосторонняя дипломатия выполняет сквозную координирующую роль и не образует самостоятельного географического уровня.

В данной структуре соседние страны занимают центральное место в системе внешнеполитических приоритетов Китая. Их приоритетность определяется не абстрактной геополитикой, а сочетанием трёх факторов: трансграничным характером рисков безопасности, высокой плотностью экономических связей и интенсивностью политических взаимодействий. Как правило, длительная нестабильность в сопредельных регионах порождает цепь последствий для безопасности Китая, темпов его развития и реализации внешнеполитической стратегии¹⁴⁴.

Поэтому Си Цзиньпин неоднократно подчёркивал, что соседние с Китаем страны относятся к сфере жизненно важных интересов Китая¹⁴⁵. Данная установка отражает рациональный расчёт, основанный на управлении

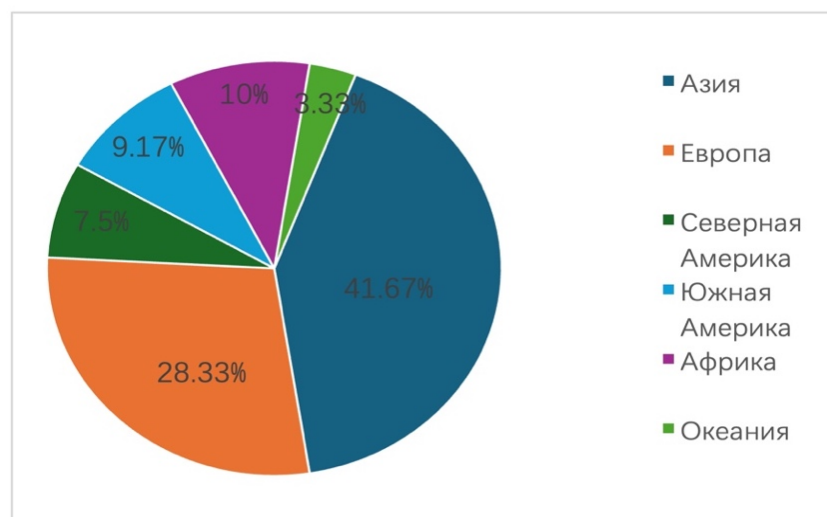
¹⁴⁴ 新时代中国的周边外交政策展望[Периферийные внешнеполитические перспективы Китая в новую эпоху] // 中华人民共和国外交部[МИД КНР]. 24.10.2023. [Электронный ресурс]. URL: http://switzerlandemb.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/202310/t20231024_11167069.shtml (дата обращения: 13.02.2024).

¹⁴⁵ 习近平[Си Цзиньпин]. 论坚持推动构建人类命运共同体. [О настойчивом продвижении строительства сообщества единой судьбы человечества]. Указ. соч. С. 157.

рисками и стратегической эффективности, и не умаляет значения глобальной дипломатии. В этой конфигурации периферийная дипломатия выступает ключевым буфером между внутренним развитием и внешней средой.

В период с 2013 по 2025 год Си Цзиньпин совершил в общей сложности 120 зарубежных визитов, при этом более 40% из них пришлось на Азию, что делает данный регион наиболее часто посещаемым среди всех континентов (см. рис. 1). Среди азиатских государств особое место занимают пять стран Центральной Азии и государства АСЕАН, которые Си Цзиньпин неоднократно посещал, что свидетельствует о твёрдой приверженности Китая поддержанию стабильности в сопредельных регионах и продвижению регионального сотрудничества¹⁴⁶.

Рисунок 1. Распределение дипломатических визитов Си Цзиньпина (2013–2025 гг.)

Источник: составлено автором с использованием данных: 习近平外交

¹⁴⁶ Зуенко И.Ю., Осокин А.С. «Дипломатическая география» Си Цзиньпина: о чём говорит статистика зарубежных визитов китайского лидера // Вестник МГИМО-Университета. 2024. № 17(3). С. 111.

足迹 [Дипломатический след Си Цзиньпина] // 习近平外交思想和新时代中国外交 [Дипломатическая мысль Си Цзиньпина и дипломатия Китая в новую эпоху]. [Электронный ресурс]. URL: http://cn.chinadiplomacy.org.cn/node_8013835.shtml (дата обращения: 12.02.2025).

На рабочем совещании по китайской периферийной дипломатии, состоявшемся в октябре 2013 года, было подчеркнуто, что соседние с Китаем страны имеют для него «исключительно важное стратегическое значение», а также системно сформулирован принцип развития отношений с соседними странами на основе подхода: «доброжелательность» (цинъ, 亲), «искренность» (чэн, 诚), «взаимовыгодность» (хуэй, 惠) и «инклюзивность» (жун, 容)¹⁴⁷.

В частности, «доброжелательность» означает выстраивание добрососедских отношений на основе взаимопомощи, равноправного диалога и регулярных контактов. Её цель — формирование дружественного окружения, расширение внешней поддержки Китая и укрепление его влияния. «Искренность» предполагает открытость и уважительное отношение к сопредельным государствам, ориентированное на расширение круга друзей и партнёров. «Взаимовыгодность» выражается в развитии сотрудничества и углублении взаимозависимости интересов, что позволяет получать выгоды как соседям, так и самому Китаю. Наконец, «инклюзивность» подразумевает приверженность толерантности и продвижение регионального сотрудничества

¹⁴⁷ 习近平 [Си Цзиньпин]. 论坚持推动构建人类命运共同体. [О настойчивом продвижении строительства сообщества единой судьбы человечества]. Указ. соч. С. 65.

на основе совместного развития в рамках Азиатско-Тихоокеанского региона¹⁴⁸.

В практическом плане политика Китая в отношении соседних стран характеризуется тесной взаимосвязью безопасности и развития. Продвижение инициативы «Пояс и путь» в регионе отражает эту логику: экономическое сотрудничество выступает не только как фактор развития, но и как механизм поддержания стабильности. Китай расширяет своё геоэкономическое присутствие через торгово-экономические связи, инфраструктурную взаимосвязанность и региональные форматы сотрудничества, тем самым усиливая экономическую взаимозависимость с соседними странами¹⁴⁹. Эти связи обеспечивают рост и одновременно повышают издержки, связанные с ухудшением отношений: при их обострении все стороны несут ощутимые потери. В результате экономическая взаимозависимость выполняет сдерживающую функцию, побуждая государства решать разногласия через сотрудничество, а не конфронтацию, что повышает устойчивость отношений и снижает риски дестабилизации в регионе.

Следует учитывать, что пространство соседних с Китаем стран неоднородно. Северо-Восточная Азия, Южная Азия, Центральная Азия и Юго-Восточная Азия различаются по геополитической конфигурации, степени оформленности региональных механизмов и уровню внешнего вмешательства. Это побуждает Китай использовать разные политические комбинации в каждом субрегионе¹⁵⁰. При этом Юго-Восточная Азия постепенно стала одним

¹⁴⁸ Забелла А.А., Каткова Е.Ю. Об особенностях периферийной дипломатии КНР и отношениях со странами АСЕАН // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2020. Т. 1. № 1(46). С. 32.

¹⁴⁹ Грачиков Е.Н., Сюй Хайянь. КНР и международная система: формирование собственной модели мироустройства // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 1. С. 7.

¹⁵⁰ 李开盛,蔡亮,刘宗义,周士新& 封帅 [Ли Кайшэн, Цай Лян, Лю Цзунъи, Чжоу Шисинь и

из наиболее значимых направлений периферийной дипломатии. Регион расположен на пересечении сухопутных и морских маршрутов, располагает развитой региональной договорной и организационной основой и одновременно глубоко вовлечён во взаимодействие великих держав. В результате Китай вынужден уделять этому направлению больше внимания и активнее опираться на правила, механизмы и многосторонние рамки.

Вместе с тем периферийная дипломатия в большей степени, чем другие уровни, подвержена воздействию внешних факторов, поскольку сохраняются исторические проблемы и текущие противоречия интересов. Одновременно с этим вмешательство внешних сил, включая «Индо-Тихоокеанскую стратегию» США, усиливает структурную напряжённость. Ряд сопредельных государств опирается на США в сфере безопасности, сохраняя при этом тесные экономические связи с Китаем¹⁵¹. В таких условиях задача Китая состоит не в устранении всех разногласий, а в недопущении доминирования конфронтационной логики в отношениях с соседними странами. Этого предполагается достигать через экономическое взаимодействие и регулярный политический диалог, сохраняя тем самым пространство манёвра для общей внешнеполитической стратегии.

Именно в этом смысле периферийная дипломатия выполняет функцию базового стабилизирующего элемента в географической иерархии внешней политики Китая. Её эффективность не только влияет на формирование относительно устойчивой ближней внешней среды, но и непосредственно

Фэн Шуай]. 新时代中国与周边国家关系发展态势评估 [Оценка тенденций развития отношений между Китаем и соседними странами в новую эпоху] // 国际展望 [Международные перспективы]. 2025. № 17(06). С. 1.

¹⁵¹ 张建 [Чжан Цзянь]. 中国周边外交再思考 [Новое осмысление периферийной дипломатии Китая] // 世界纵横 [Аспекты мира]. 2013. № 6. С. 41.

определяет наличие условий для расширения дипломатической повестки на более широкие пространства. Тем самым подтверждается фундаментальное значение периферийной дипломатии в данной иерархии.

На этой основе в период Си Цзиньпина китайская дипломатия получила дальнейшее развитие в трансрегиональном направлении, ориентированном, прежде всего, на широкий круг развивающихся стран. В отличие от регионального, данный уровень характеризуется большей географической дистанцией, меньшей плотностью непосредственных интересов и иными условиями распространения трансграничных рисков, поэтому не занимает первоочередного места в иерархии приоритетов. Тем не менее, его значение для общей дипломатической конфигурации остаётся существенным. Дипломатия в отношении развивающихся стран выполняет функцию расширения пространства сотрудничества и наращивания международной поддержки, формируя более устойчивую внешнюю среду для участия Китая в глобальном управлении и взаимодействии великих держав.

На уровне идей Си Цзиньпин неоднократно подчёркивал особое место развивающихся стран в китайской дипломатии, рассматривая их как важную силу продвижения более справедливого и рационального международного порядка. Такая оценка опирается, с одной стороны, на общность стадий развития и исторического опыта. С другой стороны, она обусловлена объективной конфигурацией глобального управления: развивающиеся страны составляют численное большинство, во многом разделяют международную повестку, а их коллективные позиции заметно влияют на эволюцию международных правил и реформирование глобальных механизмов. На Центральном совещании по внешней политике 2018 года Си Цзиньпин

отметил, что развивающиеся страны являются для Китая «естественными союзниками» в международных делах¹⁵², поэтому сотрудничество с ними имеет не только экономическое, но и выраженное политическое значение.

В практической политике дипломатия в отношении развивающихся стран в большей степени реализуется через инициативные форматы сотрудничества и трансрегиональные механизмы, а не через географическую близость и повестку безопасности, характерные для периферийной дипломатии. Инициатива «Пояс и путь» и сотрудничество Юг—Юг выступают ключевыми инструментами данного уровня. Они соединяют промышленный потенциал Китая, его инфраструктурный опыт и реальные потребности развивающихся стран, в результате формируя комплексную модель взаимодействия, в которой экономическое сотрудничество дополняется финансовой поддержкой, технической помощью и программами наращивания потенциала. Данная траектория отличается относительно высокой легитимностью и сравнительно низким порогом участия, что облегчает её воспроизводимость в различных регионах.

Успех этой модели взаимодействия можно объяснить производственными преимуществами Китая в глобальной цепочке поставок и его уникальным опытом в крупномасштабном строительстве инфраструктуры. Благодаря инвестициям Пекин постепенно создает межрегиональную экономическую сеть, усиливая взаимосвязанность со странами Азии, Африки и Латинской Америки, которые выступают основными направлениями с точки

¹⁵² 习近平:努力开创中国特色大国外交新局面 [Си Цзиньпин: Прилагаем усилия для создания нового этапа дипломатии Китая как великой державы с китайской спецификой] // 中华人民共和国中央人民政府 [Центральное народное правительство КНР]. 23.06.2018. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2018-06/23/content_5300807.htm (дата обращения: 13.10.2024).

зрения регионального распределения. Через инфраструктурные проекты, энергетическое сотрудничество, торговлю, инвестиции и создание промышленных парков Китай постепенно формирует трансрегиональную сеть экономических связей. Эта сеть, с одной стороны, открывает для китайских компаний практические возможности выхода на внешние рынки. С другой стороны, развитие транспортной и инфраструктурной взаимосвязанности способствует улучшению условий развития и повышению мобильности ресурсов в странах-партнёрах, создавая тем самым структурный эффект трансрегиональной связанности.

По сравнению с политикой в отношении соседних стран, взаимодействие с развивающимися государствами сопровождается более сложными ограничениями. Проекты, как правило, реализуются на больших расстояниях, имеют более длительные сроки и связаны с высокой степенью неопределённости, что увеличивает вероятность их корректировки или приостановки и, соответственно, повышает требования к финансовым механизмам, качеству управления и оценке рисков¹⁵³. Ситуация осложняется различиями в политических системах и экономических структурах, из-за чего такие проекты оказываются более чувствительными к внутренним изменениям и внешним шокам. К этому добавляются вопросы долговой устойчивости, прозрачности и механизмов реализации, которые нередко становятся предметом споров¹⁵⁴. В результате в период Си Цзиньпина дипломатия в отношении развивающихся стран постепенно смещается от наращивания масштабов к повышению качества и устойчивости. При этом

¹⁵³ Lu Y., Springer C., Steffen B. Cofinancing and infrastructure project outcomes in Chinese lending and overseas development finance // *World Development*. 2024. Vol. 175. P. 3.

¹⁵⁴ Бучкина А.А. Риски Инициативы "Один Пояс - Один Путь". Указ. соч. С. 89.

больше внимания уделяется управлению рисками, долгосрочным проектам и локальным эффектам их развития.

В географической иерархии внешней политики Китая данное направление выполняет преимущественно поддерживающую функцию. Оно расширяет международную сеть партнёрств и укрепляет внешнюю опору китайской дипломатии, тем самым увеличивая пространство для манёвра в глобальных делах. Стабильность этого уровня частично снижает давление великих держав и укрепляет позиции Китая на многосторонних площадках при продвижении повестки развития и реформ глобального управления.

Таким образом, хотя дипломатия в отношении развивающихся стран в данной иерархии следует за периферийной дипломатией, её инструменты, результаты и накопленный опыт взаимодействия расширяют возможности для реализации задач как периферийной дипломатии, так и дипломатии великих держав.

Именно такое многоуровневое взаимодействие обеспечивает согласованность географической иерархии китайской внешней политики и задаёт структурный контекст для дальнейшего анализа комплексной роли АСЕАН в дипломатической стратегии Китая.

В географической иерархии китайской дипломатии дипломатия великих держав образует уровень, обладающий высокой структурной влиятельностью, но не предполагающий постоянных приоритетных вложений. В отличие от периферийной дипломатии и дипломатии в отношении развивающихся государств, она не ставит непосредственной целью стабилизацию отдельных регионов или расширение сетей сотрудничества. Её функция иная: через управление стратегической конкуренцией она задаёт общие рамки

внешнеполитических действий Китая и влияет на условия их реализации, включая правила и нормы международной среды. Поэтому дипломатию великих держав уместно рассматривать как ключевой системный фактор: изменения на этом уровне часто имеют мультипликативный эффект для других уровней, но быстро скорректировать их с помощью одного инструмента, как правило, невозможно.

Формирование данной функции тесно связано с международной конфигурацией, в которой оказался Китай по мере роста своей совокупной мощи. С 1990-х годов, на фоне расширения экономического масштаба, технологического потенциала и международного влияния, Китай постепенно трансформировался из участника существующего международного порядка в одного из ключевых акторов, реально влияющих на способы его функционирования¹⁵⁵. В этих условиях центральный вызов китайской дипломатии заключается уже не только в интеграции в систему: не менее важно то, как в среде, где конкуренция сочетается с сотрудничеством, избежать закрепления Китая в конфронтационной роли и расширить пространство для влияния на эволюцию глобального управления и международных правил. В этом контексте концепция Си Цзиньпина о «дипломатии великих держав с китайской спецификой» отражает переосмысление внешнеполитической роли Китая.

С практической точки зрения дипломатия великих держав отличается высокой структурированностью и долгосрочным характером, что можно заметить на примере китайско-американских отношений. Взаимодействие

¹⁵⁵ 杨洁勉 [Ян Цземьянь]. 习近平外交思想指导构建大国关系新格局 [Дипломатическая мысль Си Цзиньпина направляет строительство новой модели отношений между великими державами] // 国际问题研究 [Международные исследования]. 2023. № 5. С. 4.

двух стран в экономике, технологиях, безопасности и глобальном управлении формирует широкую повестку, в которой конкуренция и сотрудничество сосуществуют. С одной стороны, в последние годы США усиливают системное давление на Китай в сферах технологий, цепочках поставок и безопасности, а тенденции «разъединения» (decoupling) придают конкуренции выраженно структурный характер¹⁵⁶. С другой стороны, по вопросам климата, общественного здравоохранения и макроэкономической стабильности сохраняется потребность хотя бы в минимальных каналах сотрудничества¹⁵⁷. Такая двойственная структура — «доминирование конкуренции при ограниченном сотрудничестве» — делает китайско-американские отношения ключевой переменной для порядка в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в мире. Одновременно это означает, что устойчивость отношений трудно обеспечить краткосрочными двусторонними корректировками.

В отличие от высокой конфронтационности китайско-американских отношений, китайско-российские отношения в рамках дипломатии великих держав в большей степени выступают как измерение стратегической координации. Через энергетическое сотрудничество, торгово-экономические связи и согласование позиций на многосторонних площадках Китай и Россия сформировали сравнительно устойчивую рамку взаимодействия. Она ориентирована на реагирование на внешнее давление и сохранение

¹⁵⁶ 赵明昊[Чжао Минхао]. 中美竞合 —“拼经济”是中美博弈的关键[Конкуренция и сотрудничество Китая и США в экономике — ключевой аспект их противостояния] // 澎湃新闻[Пэн Пай Новости]. 13.06.2024. [Электронный ресурс]. URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_27706772 (дата обращения: 13.10.2024).

¹⁵⁷ Jiwon Nam. Cooperation or Competition: US-China Dynamics on Climate Change // E-International Relations. 01.08.2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e-ir.info/2024/08/01/cooperation-or-competition-us-china-dynamics-on-climate-change/> (дата обращения: 13.10.2024).

собственного стратегического пространства. При этом такое сотрудничество не означает полного совпадения целей: скорее, это прагматический выбор, складывающийся под воздействием конкретных повесток и структурных ограничений. Его значимость состоит в том, что сопряжение многосторонних платформ и региональных механизмов в определённой степени создаёт для Китая стратегический резерв в конфигурации конкуренции великих держав¹⁵⁸.

Китайско-европейские отношения демонстрируют иную, не менее сложную конфигурацию. Высокая экономическая взаимодополняемость здесь сочетается с нарастанием нормативных разногласий. С одной стороны, Китай и ЕС сохраняют широкую базу сотрудничества в торговле, инвестициях и «зелёной» трансформации. С другой стороны, по мере роста международного влияния Китая в ЕС усиливается настороженность по вопросам технологической безопасности, правил и стандартов, а также ценностной повестки¹⁵⁹. Такое параллельное сосуществование сотрудничества и сдерживания придаёт взаимодействию Китая и Европы повышенную неопределённость в дипломатии великих держав. Это, в свою очередь, подчеркивает ориентацию Китая в дипломатической архитектуре на управляемость, а не на стабильность.

Поскольку дипломатия в отношениях с великими державами отличается высокой структурированностью и долгосрочным характером, её функция в географической иерархии внешней политики Китая заключается не в обеспечении ближней стабильности, а в установлении общих границ внешней среды. В отличие от периферийной дипломатии и дипломатии в отношении

¹⁵⁸ Чжан Маньци. От регионального сотрудничества к глобальному управлению: географическая иерархия и приоритеты дипломатии Си Цзиньпина. Указ. соч. С. 157.

¹⁵⁹ Там же.

развивающихся стран, отношения с ведущими державами сильнее воздействуют на международную нормативную повестку, конфигурации стратегической безопасности и условия движения капитала и технологий. Тем самым они определяют общий «коридор» внешнеполитического действия Китая.

Следует отметить, что многосторонняя дипломатия не представляет собой отдельный географический уровень, а скорее служит межуровневым инструментом для координации приоритетов. На региональном уровне многосторонние механизмы позволяют встраивать чувствительные двусторонние взаимодействия в регулярные процедуры, а вопросы безопасности и развития — в режим правил и управляемости. На уровне сотрудничества с развивающимися странами многосторонние платформы связывают разрозненные проекты в более широкие трансрегиональные сети, что повышает воспроизводимость моделей взаимодействия и частично распределяет риски. На уровне дипломатии великих держав многосторонние рамки сохраняют необходимые каналы коммуникации и процедурные интерфейсы, ограничивая «перетекание» конкуренции на другие направления дипломатии.

Таким образом, внешняя политика Китая в период председательства Си Цзиньпина постепенно оформилась как географическая иерархия с функциональным разделением. Периферийная дипломатия обеспечивает основу ближней устойчивости; дипломатия в отношении развивающихся стран расширяет пространство сотрудничества и внешнюю поддержку; дипломатия великих держав задаёт границы внешней среды и стратегическое пространство манёвра; многосторонние механизмы поддерживают

устойчивость всей конструкции. Согласно этой логике, отдельные сопредельные с Китаем регионы, обладающие выгодным географическим положением, высокой степенью институциональной зрелости и развитой многосторонней инфраструктурой, постепенно приобретают стратегический вес, что создаёт логическую основу для перехода к анализу ключевых направлений периферийной дипломатии в последующих главах.

ГЛАВА 2. АСЕАН В ПЕРИФЕРИЙНОЙ ДИПЛОМАТИИ

СИ ЦЗИНЬПИНА

Начиная с 2013 года стратегический вес периферийной дипломатии в дипломатической стратегии Си Цзиньпина в «новую эпоху» заметно возрос. В отличие от периода реформ и открытости, когда политика в отношении сопредельных регионов была в основном ориентирована на обеспечение стабильности в соседних с Китаем странах и содействие развитию¹⁶⁰, в «новую эпоху» периферийная дипломатия приобретает более проактивный характер, ориентируясь на формирование регионального порядка и закрепление устойчивых форм сотрудничества.

Центральное совещание по периферийной дипломатии 2013 года обозначило переход к новому этапу¹⁶¹. Теперь стратегия Китая в отношении соседних стран перестаёт строиться исключительно вокруг логики безопасности или экономического взаимодействия и оформляется как комплексный региональный курс, сочетающий нормативные установки и практические инструменты реализации. Тем самым Китай стремится обеспечить более предсказуемую внешнюю среду, благоприятную для собственной безопасности и долгосрочного развития.

Настоящая глава посвящена анализу идейных оснований, практических мер и ключевых механизмов периферийной дипломатии в период Си

¹⁶⁰ 王巧荣 [Ван Цяожун]. 新中国周边外交的历史逻辑 [Историческая логика периферийной дипломатии Китая] // 中国与周边国家关系研究 [Исследование взаимоотношений между Китаем и соседними странами]. 2022. № 1. С. 84.

¹⁶¹ 习近平：让命运共同体意识在周边国家落地生根 [Си Цзиньпин: пусть сознание сообщества единой судьбы укоренится в сопредельных странах] // 中华人民共和国外交部 [МИД КНР]. 25.10.2013. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/dnzt_674981/qtzt/ydy1_675049/zyxw_675051/201310/t20131025_9279206.shtml (дата обращения: 13.10.2025).

Цзиньпина. Её цель — объяснить, почему АСЕАН превратилась в приоритетное направление китайской внешней политики и каким образом Китай через стратегическое планирование и развитие форматов сотрудничества закрепляет за ней центральное место в периферийной стратегии.

2.1. АСЕАН как приоритетное направление периферийной дипломатии Китая

В общей системе внешнеполитической стратегии Китая периферийная дипломатия на протяжении длительного времени определяется как «приоритетное направление»¹⁶². Данная установка неоднократно воспроизводилась в политических документах различных периодов и в выступлениях руководства, формируя важный элемент внешнеполитического консенсуса в новую эпоху. Однако периферийная дипломатия не является однородным пространством. Она включает несколько направлений — Северо-Восточную Азию, Юго-Восточную Азию, Южную Азию и Центральную Азию, — каждое из которых обладает собственной значимостью с точки зрения безопасности, экономической структуры и региональной архитектуры. В этом контексте возникает вопрос, требующий уточнения: существует ли при наличии нескольких направлений политики Китая в отношении соседних

¹⁶² 习近平在中国—东盟建立对话关系30周年纪念峰会上的讲话（全文）[Выступление Си Цзиньпина на саммите, посвященном 30-летию установления диалоговых отношений между Китаем и АСЕАН (полный текст)] // 中华人民共和国外交部[МИД КНР]. 22.11.2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/zyxw/202111/t20211122_10451226.shtml (дата обращения: 13.10.2025).

стран устойчивый и распознаваемый порядок внешнеполитических приоритетов? Если да, то как эта приоритетность проявляется в политической практике и за счёт чего воспроизводится во времени? Ответ на этот вопрос служит логической отправной точкой для понимания места и роли АСЕАН в структуре периферийной дипломатии Китая.

На уровне политического дискурса АСЕАН на протяжении длительного времени занимала заметное место в периферийной дипломатии Китая и неоднократно прямо обозначалась как одно из приоритетных ее направлений. Однако если оценивать статус ассоциации лишь по формулировкам вроде «придаётся большое значение», «приоритет» или «ключевой», то возникает описательный круг: положение АСЕАН объясняется тем, что оно провозглашается важным. Такой подход трудно проверить аналитически, и он не позволяет сопоставить АСЕАН с другими направлениями политики Китая в отношении соседних стран. Поэтому категорию приоритетного направления необходимо вывести за пределы риторики и превратить в структурное понятие, которое можно наблюдать и анализировать в дипломатической практике.

Исходя из этого, настоящее исследование не рассматривает приоритетные направления как простую меру субъективного внимания во внешнеполитических заявлениях. Напротив, они понимаются как устойчивое структурное оформление внешней политики, формирующееся на протяжении длительного периода и постоянно воспроизводимое в практике. Если «приоритетность» существует как структурный феномен, она должна проявляться через стабильность и воспроизводимость, а не возникать эпизодически — лишь в отдельные периоды или по отдельным вопросам.

В операциональном плане, если рассматривать приоритетное

направление как верифицируемую структуру, а не как риторическую декларацию, оно должно обладать рядом устойчивых характеристик, отличающих его от других направлений политики Китая в отношении соседних стран. Обобщая практику периферийной дипломатии Китая, дипломатическую приоритетность можно идентифицировать по трём взаимосвязанным измерениям: (1) плотность и уровень политических контактов и формирования повестки; (2) глубина и широта встраивания через механизмы, правила и процедуры; (3) степень концентрации политических ресурсов и стратегической нагрузки. Эти показатели не исчерпывают всех возможных критериев, однако задают базовую аналитическую рамку для оценки того, является ли то или иное направление устойчивой зоной внешнеполитического приоритета.

Во-первых, на уровне политических контактов и формирования повестки приоритетные направления, как правило, проявляются в более частых, более высокоуровневых и более устойчивых взаимодействиях. В отличие от разовых, тематически обусловленных или кризисных контактов, такие направления включаются в постоянную дипломатическую повестку и поддерживаются через регулярные и процедурно закреплённые форматы взаимодействия. С этой точки зрения специфика направления АСЕАН в периферийной дипломатии Китая проявляется особенно отчётливо.

По состоянию на 2025 год китайские лидеры на протяжении 28 лет подряд участвовали в саммитах Китай—АСЕАН и АСЕАН+3 (АСЕАН—Китай—Япония—Республика Корея) ¹⁶³, а также 20 лет подряд — в

¹⁶³ 李强在第28次东盟与中日韩领导人会议上的讲话（全文）[Выступление Ли Цяна на 28-й встрече лидеров АСЕАН-Китая, Японии и Южной Кореи] // 中华人民共和国外交部[МИД]

Восточноазиатском саммите¹⁶⁴. Такая длительная и ежегодно воспроизводимая вовлечённость на высшем уровне означает, что направление АСЕАН рассматривается не как факультативный элемент внешней политики, а как устойчивая политическая платформа, требующая постоянного и системного внимания в рамках периферийной дипломатии.

Более того, взаимодействие на высшем уровне не ограничивается символическим измерением. Оно последовательно распространяется на другие уровни через разветвлённую систему форматов — встречи министров иностранных дел, диалог по вопросам обороны диалог, сотрудничество правоохранительных органов и механизмы взаимодействия по вопросам нетрадиционной безопасности. Тем самым формируется устойчивая вертикаль повестки работы. Стратегические договорённости, достигнутые на уровне лидеров, через регулярные контакты министров и высших должностных лиц трансформируются в конкретные направления сотрудничества и практические решения. Это повышает их реализуемость и долговременную устойчивость. В ряде других направлений дипломатии Китая в отношении соседних стран, напротив, высокоуровневые контакты в большей степени зависят от колебаний двусторонних отношений, кризисных событий или внешних структурных ограничений, что затрудняет поддержание сопоставимого уровня процедурной

КНР]. 28.10.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zyjh_674906/202510/t20251028_11742093.shtml (дата обращения: 13.10.2025).; 中国—东盟关系 [Отношения между Китаем и АСЕАН] // 中华人民共和国外交部[МИД КНР]. 08.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gjhdqzz_681964/lhg_682518/zghgzz_682522/ (дата обращения: 13.11.2025).

¹⁶⁴ 李强在第20届东亚峰会上的讲话（全文）[Выступление Ли Цяна на 20-м Восточноазиатском саммите (полный текст)] // 中华人民共和国外交部[МИД КНР]. 28.10.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/wjb_673085/zzjg_673183/yzs_673193/dqzz_673197/dyfh_673241/xgxw_673247/202510/t20251028_11742099.shtml (дата обращения: 13.10.2025).

стабильности¹⁶⁵.

Во-вторых, приоритетные направления заметны на уровне механизмов и организационной среды. В отличие от направлений, где взаимодействие в значительной степени строится на двусторонних связях, АСЕАН предоставляет Китаю структурированную и процедурно оформленную платформу участия в региональных делах, что позволяет ему действовать в предсказуемых и политически приемлемых рамках¹⁶⁶. С момента получения статуса партнёра по диалогу Китай и АСЕАН постепенно выстроили многоуровневую и многоаспектную сеть взаимодействия в сферах политической безопасности, экономического сотрудничества и культурных обменов. Через планы действий, совместные заявления и рабочие программы общие цели сотрудничества переводятся в согласованные обязательства с чёткими временными параметрами и практическими траекториями реализации.

Следует подчеркнуть, что Китай располагает и альтернативными инструментами участия в региональных процессах. Теоретически он мог бы усиливать двусторонние форматы, формировать параллельные рамки сотрудничества или активнее опираться на иные многосторонние площадки. Однако на направлении АСЕАН на протяжении длительного периода Китай предпочитает действовать в рамках существующих правил и процедур, а не

¹⁶⁵ Wacker G. Security cooperation in East Asia: Structures, trends and limitations // Stiftung Wissenschaft und Politik German Institute for International and Security Affairs. 2015. [Электронный ресурс]. URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2015_RP04_wkr.pdf (дата обращения: 13.12.2025).

¹⁶⁶ Cheng-Chwee K. Multilateralism in China's ASEAN policy: Its evolution, characteristics, and aspiration // Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs. 2005. No 27(1). P. 107.

выстраивать альтернативную архитектуру взаимодействия. Этот выбор не является случайным – он сформировался как устойчивая практика. С одной стороны, такой подход снижает вероятность процедурных трений и политической чувствительности, связанных с асимметрией сил. С другой стороны, он переводит сотрудничество из плоскости краткосрочных политических предпочтений в более устойчивый режим воспроизводства, формируя элементы зависимости от ранее выбранного курса.

В-третьих, на уровне распределения политических ресурсов и стратегической нагрузки приоритетность направления АСЕАН в периферийной дипломатии Китая также проявляется достаточно отчётливо. Любая иерархия внешнеполитических приоритетов в конечном счёте отражается в конкретных формах ресурсных вложений — включая последовательность реализации крупных инициатив, степень концентрации финансовой и организационной поддержки, а также уровень политической реакции на вопросы регионального управления. С этой точки зрения АСЕАН выступает не только направлением с высокой плотностью регулярно воспроизводимого взаимодействия, но и одним из тех региональных пространств, которые сравнительно рано и в относительно системном виде начали выполнять роль ключевой площадки реализации внешнеполитической стратегии Китая¹⁶⁷. Создание зоны свободной торговли (ЗСТ) Китай—АСЕАН, развитие взаимосвязанности в рамках инициативы «Пояс и путь», а также сопряжение региональных экономических правил и стандартов — все эти

¹⁶⁷ Overview of ASEAN-China comprehensive strategic partnership // ASEAN Secretariat. 14.11.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2025/11/Overview-ASEAN-China-Comprehensive-Strategic-Partnership-as-of-14-November-2025.pdf> (дата обращения: 13.12.2025).

направления демонстрируют на асеановском треке выраженную приоритетность и устойчивость во времени.

После проведённого выше концептуального уточнения и операционализации анализа приоритетное положение АСЕАН в периферийной дипломатии Китая перестаёт быть лишь элементом политической риторики или нормативной оценки и становится предметом объяснения, опирающегося на историческую динамику.

С точки зрения процесса формирования приоритетность АСЕАН не возникла одномоментно. Она формировалась и закреплялась постепенно — по мере перехода китайско-асеановских отношений после окончания холодной войны от взаимного противостояния к контактам, а затем к более строго оформленному сотрудничеству. В период холодной войны отношения сторон ограничивались существенными разногласиями в идеологии и восприятии безопасности, что делало основу взаимодействия сравнительно слабой. После её окончания изменения международной обстановки создали условия для трансформации отношений. Государства АСЕАН начали корректировать свои стратегии в отношении Китая, а Китай, со своей стороны, перешёл к более прагматичному внешнеполитическому курсу, ориентированному на стабилизацию периферии и обеспечение развития. Это заложило основу для последующего сближения и расширения сотрудничества¹⁶⁸.

В 1990-е годы, на фоне подъёма региональных многосторонних форматов, Китай впервые принял участие во встрече министров иностранных

¹⁶⁸ Чжан Маньци. Место Китая во внешней политике АСЕАН // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 6–2. С. 34.

дел АСЕАН в качестве диалогового партнёра¹⁶⁹. Это стало важным символом перехода к более активному участию и постепенной интеграции в региональный процесс взаимодействия под эгидой АСЕАН. В период азиатского финансового кризиса Китай, стабилизировав курс юаня и предоставив государствам АСЕАН финансово-экономическую поддержку, продемонстрировал ответственное поведение и готовность к сотрудничеству. Тем самым он укрепил доверие АСЕАН к роли Китая в региональном управлении¹⁷⁰. В 2003 году Китай присоединился к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (Treaty of Amity and Cooperation, TAC), став первой крупной державой за пределами региона, подписавшей данный документ¹⁷¹.

Поскольку TAC является одним из ключевых нормативных документов регионального порядка АСЕАН, его значение определяется не столько юридической жёсткостью, сколько тем, что он закрепляет признанный в регионе набор принципов поведения и границы допустимого взаимодействия¹⁷². Решение Китая присоединиться к данной рамке в статусе государства-участника означает его готовность участвовать в региональных делах в пределах процедур и правил, сформированных АСЕАН, а не обходить их и не продвигать альтернативные нормативные конструкции, опираясь на

¹⁶⁹ 郭志奔[Го Чжибэнь].中国—东盟关系30年与中国周边外交发展[30 лет отношений между Китаем и АСЕАН и развитие периферийной дипломатии Китая] // 中国周边外交研究[Исследование периферийной дипломатии Китая]. 2021. № 7(02). С. 207.

¹⁷⁰ Чжан Маньци. Место Китая во внешней политике АСЕАН. Указ. соч. С. 35.

¹⁷¹ 李晨阳,杨祥章[Ли Чэньян, Ян Сянчжан]. 论21世纪以来中国与周边发展中国家的合作[О сотрудничестве Китая с соседними развивающимися странами начиная с 21 века] // 国际展望[Международные перспективы]. 2017. № 9(02). С. 5.

¹⁷² The Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia // ASEAN Secretariat. 1976. [Электронный ресурс]. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/01/20131230235433.pdf> (дата обращения: 13.02.2024).

статус крупной державы.

Именно на этой основе в том же году Китай и АСЕАН установили отношения стратегического партнёрства ¹⁷³, а спектр взаимодействия постепенно расширился от преимущественно торгово-экономической повестки к вопросам обеспечения безопасности. Тем самым отношения Китай—АСЕАН начали переход от функционального взаимодействия к нормативно оформленному сотрудничеству. Одновременно АСЕАН из важного партнёра превратился в ключевую опору, обеспечивающую долгосрочные ожидания и предсказуемость в китайской периферийной дипломатии.

В 2010 году было завершено создание ЗСТ Китай—АСЕАН, что ознаменовало переход двустороннего экономического сотрудничества от проектной логики к фазе, основанной на правилах и обязательствах. ЗСТ не только снизила барьеры для торговли и инвестиций, но и закрепила предсказуемую рамку региональных экономических правил, обеспечив устойчивость взаимосвязи Китая и АСЕАН.

После выдвижения инициативы «Пояс и путь» в 2013 году АСЕАН был чётко обозначен как ключевой регион «Морского шелкового пути XXI века»¹⁷⁴. Однако это стало не началом, а продолжением уже сформированного доверия и отработанных механизмов взаимодействия, теперь перенесённых в сферу развития. Продвигая в странах АСЕАН проекты взаимосвязанности,

¹⁷³ 中国—东盟关系 [Отношения между Китаем и АСЕАН]. Указ. соч.; 习近平在中国—东盟建立对话关系30周年纪念峰会上的讲话（全文） [Выступление Си Цзиньпина на саммите, посвященном 30—летию установления диалоговых отношений между Китаем и АСЕАН (полный текст)]. Указ. соч.

¹⁷⁴ 习近平[Си Цзиньпин]. 论坚持推动构建人类命运共同体. [О настойчивом продвижении строительства сообщества единой судьбы человечества]. Указ. соч. С. 51.

производственного сотрудничества и региональной интеграции, Китай смог трансформировать повестку развития в более прочные структурные связи, дополнительно укрепив приоритетный статус АСЕАН в периферийной дипломатии.

В 2020-е годы, на фоне роста внешней неопределённости и обострения конкуренции великих держав, отношения Китай—АСЕАН вновь получили повысили свой уровень: в 2021 году стороны объявили о создании всеобъемлющего стратегического партнёрства и одновременно закрепили АСЕАН в политическом дискурсе как одно из приоритетных направлений периферийной дипломатии Китая¹⁷⁵. Эта корректировка отражала не просто изменение формулировок, а накопленную глубину сотрудничества и зрелость взаимодействия по ключевым направлениям.

Описанная эволюция показывает, что приоритетность АСЕАН не является случайной. Однако этого недостаточно для объяснения того, почему она устойчиво воспроизводится при параллельном существовании нескольких направлений дипломатии Китая в отношении соседних стран. Для понимания этой устойчивости необходимо обратиться к структурным условиям — геополитике безопасности, региональной организационной архитектуре и экономической конфигурации — и оценить, насколько АСЕАН соответствует логике китайской периферийной стратегии. В настоящем исследовании утверждается, что устойчивый подъём АСЕАН до уровня «приоритетного направления» объясняется не тем, что регион несёт меньшие риски или гарантирует большие выгоды, а тем, что он одновременно отвечает ключевым потребностям Китая по трём направлениям: (1) управляемости внешних

¹⁷⁵ 中国—东盟关系 [Отношения между Китаем и АСЕАН]. Указ. соч.

рисков в области геополитики и безопасности, (2) высокой включенностью в региональные правила и процедуры, (3) его роли экономико-нормативного узла.

Во-первых, в геополитическом и военном измерении Юго-Восточная Азия имеет выраженное стратегическое значение для Китая. Регион расположен в ключевой зоне сопряжения суши и моря на южных рубежах КНР: он связан с выходом к Индийскому океану через морские коммуникации и непосредственно сопряжён с Южно-Китайским морем как высокочувствительным пространством безопасности. Длительная нестабильность в регионе способна распространить риски на всё пространство соседних с Китаем стран, затронув энергетические маршруты, торговые каналы, реализацию инициативы «Пояс и путь» и сферу морских интересов Китая. Поэтому внимание Китая к Юго-Восточной Азии объясняется не только географической близостью, но прежде всего задачей управляемости внешних рисков.

В отличие от Центральной Азии, чья ценность во многом определяется сухопутными коммуникациями, асеановское направление напрямую связано с морскими путями и конфликтными линиями в Южно-Китайском море, обладающими большей внешней и глобальной связанностью. Одновременно, в отличие от Северо-Восточной Азии, где доминирует блоковая архитектура безопасности и двусторонняя логика сдерживания¹⁷⁶, в Юго-Восточной Азии, несмотря на наличие споров и внешнего вмешательства, региональная безопасность чаще регулируется через консультационные форматы под эгидой

¹⁷⁶ Cha V.D. Powerplay: Origins of the U.S. Alliance System in Asia // *International Security*. 2010. No 34(3). P. 158.

АСЕАН и практики постепенного управления конфликтами. Это повышает вероятность того, что риски будут встроены в устойчивые рамки диалога и регулярной коммуникации, снижая угрозу неконтролируемой эскалации.

Во-вторых, среди направлений дипломатии Китая в отношении соседних стран именно АСЕАН обладает наиболее выраженным организационным потенциалом, что является важным фактором устойчивого закрепления её приоритетного статуса. В отличие от регионов, где взаимодействие преимущественно строится на двусторонних отношениях, в Юго-Восточной Азии Китай взаимодействует с относительно целостным региональным сообществом, обладающим собственными правилами и практиками согласования. В рамках АСЕАН закрепились нормы «консенсуса», «неконфронтационности» и «постепенности», на основе которых сформирована многоуровневая система механизмов в сфере политики и безопасности, экономики и культурного сотрудничества¹⁷⁷. Такая процедурная оформленность снижает издержки, связанные с асимметрией сил, и повышает приемственность политики Китая в регионе, усиливая долгосрочные ожидания и устойчивость сотрудничества.

В-третьих, роль АСЕАН как узлового элемента региональной экономической структуры и эволюции правил выступает третьей опорой её приоритетного статуса. Будучи одним из наиболее динамичных кластеров развивающихся экономик мира, АСЕАН укрепляет позиции в региональных цепочках стоимости, производственных и логистических сетях, а также в процессах интеграции рынков. В двусторонних заявлениях сотрудничество

¹⁷⁷ Колдунова Е.В. АСЕАН на современном этапе и проблемы региональной стабильности // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2015. № 28. С. 15.

Китая и АСЕАН нередко описывается как переход от «золотого десятилетия» к более энергичному «бриллиантовому десятилетию»¹⁷⁸. Для Китая АСЕАН является не только крупным торговым партнёром, но и важной площадкой согласования региональных экономических правил и апробации практических решений в области регулирования.

Создание ЗСТ Китай—АСЕАН обеспечило нормативную основу двусторонним экономическим связям, а вступление в силу Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства (ВРЭП) усилило этот эффект, встроив взаимодействие Китая и АСЕАН в единый многосторонний торговый режим и повысив предсказуемость экономических правил. В рамках этой взаимозависимости значимость АСЕАН определяется сочетанием трёх характеристик — рынка, производственной базы и узла регионального экономического регулирования. В отличие от Южной Азии, где политическая волатильность и слабая процедурная оформленность затрудняют закрепление правил, более зрелая система экономического управления АСЕАН облегчает превращение взаимозависимости в устойчивые связи, повышая устойчивость сотрудничества и снижая разрушительное воздействие политических потрясений.

Таким образом, приоритетное положение АСЕАН в периферийной дипломатии Китая является результатом постепенного накопления и неоднократной практической проверки в условиях взаимодействия структурных факторов и политического выбора. Оно не означает исключительного характера данного направления и не умаляет значимости

¹⁷⁸ Забелла А.А., Каткова Е.Ю. Об особенностях периферийной дипломатии КНР и отношениях со странами АСЕАН // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2020. Т. 1. № 1(46). С. 35.

других периферийных зон, а отражает высокую структурную пригодность АСЕАН для реализации комплексных целей китайской периферийной стратегии. Именно эта база создала предпосылки для последующего продвижения региональной практики инициативы «Пояс и путь» на асеановском направлении, а также для закрепления концепции сообщества общей судьбы в рамках регионального порядка.

2.2. Китайская инициатива «Одного пояса - одного пути» и страны АСЕАН

Выдвижение инициативы «Пояс и путь» стало ключевым политическим механизмом, благодаря которому периферийная дипломатия Китая в эпоху Си Цзиньпина сместилась от преимущественного управления двусторонними отношениями к более целенаправленному формированию региональных связей и контуров сотрудничества. В отличие от прежней практики, ориентированной главным образом на торгово-экономическое взаимодействие в двустороннем формате, «Пояс и путь» представляет собой не просто набор инфраструктурных проектов – это рамка региональной кооперации, основанная на принципе взаимосвязанности и предполагающая сопряжение правил, процедур и механизмов. В этом смысле инициатива стала концентрированным выражением перехода периферийной дипломатии к более устойчивым форматам: через развитие и сотрудничество она снижает неопределённость в сопредельных регионах, а через процедуры и механизмы переводит взаимодействие от проектной логики к воспроизводимому процессу регионального управления.

Официальное оформление инициативы связано с двумя дипломатическими заявлениями председателя КНР Си Цзиньпина, сделанными осенью 2013 года в ключевых государствах Евразии. 7 сентября 2013 года, выступая в Университете Назарбаева в Казахстане, он впервые предложил совместное строительство «Экономического пояса Шёлкового пути», подчеркнув необходимость усиления трансрегиональной связанности и углубления торгово-экономического взаимодействия Китая со странами Центральной Азии и Европы¹⁷⁹. 3 октября 2013 года, выступая в парламенте Индонезии, Си Цзиньпин выдвинул инициативу «Морского Шёлкового пути XXI века», ориентированную на укрепление морских связей и развитие партнёрств Китая со странами Юго-Восточной и Южной Азии, Ближнего Востока, Африки и Европы¹⁸⁰ (см. Рисунок 2). В совокупности эти предложения сформировали концептуальный каркас инициативы «Пояс и путь» и обозначили её запуск как транснациональной модели сотрудничества и развития, ориентированной прежде всего на евразийско-африканское пространство. Тем самым региональная политика Китая получила более выраженное проектно-организационное измерение и была включена в более широкую повестку глобального развития.

Рисунок 2. Запланированные маршруты в рамках инициативы «Один пояс, один путь»

¹⁷⁹ 习近平[Си Цзиньпин]. 论坚持推动构建人类命运共同体. [О настойчивом продвижении строительства сообщества единой судьбы человечества]. Указ. соч. С. 42.

¹⁸⁰ Там же. С. 51.

Источник: Документалка: Как Великий Шелковый путь создал мир (3 серии) // Живой Журнал. [Электронный ресурс]. URL: <https://masterok.livejournal.com/11909999.html> (дата обращения: 12.12.2025).

Дальнейшее институциональное оформление инициативы произошло в 2015 году. Тогда Китай опубликовал документ «Видение и действия по продвижению строительства Экономического пояса Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути XXI века». Это означало переход от политической декларации к этапу стратегического планирования и практической реализации¹⁸¹. В условиях ослабления координационного потенциала традиционных многосторонних механизмов и роста вызовов глобализации инициатива «Пояс и путь», опираясь на принцип «совместного обсуждения, совместного строительства и совместного использования», была направлена на реагирование на инфраструктурный дефицит и асимметрию развития через

¹⁸¹ «推动共建丝绸之路经济带和21世纪海上丝绸之路的愿景与行动» [Видение и действия по продвижению строительства Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути 21 века]. Указ. соч.

продвижение взаимосвязанности и кооперации в сфере развития. В прикладном плане это оформилось в виде модели «пяти взаимосвязей» (五通): координация политики, инфраструктурная взаимосвязанность, свободная торговля, финансовая интеграция и гуманитарные обмены¹⁸².

Для настоящего исследования важно не воспроизводить макронарратив о «Поясе и пути» как о глобальной инициативе, а объяснить, почему именно АСЕАН стала для неё наиболее приоритетной и эмпирически наблюдаемой площадкой регионализации. Во-первых, это связано с геоструктурными факторами. Юго-Восточная Азия находится на пересечении Тихого и Индийского океанов и выступает узловым звеном морских маршрутов, связывающих Китай с Южной Азией, Ближним Востоком, Африкой и Европой¹⁸³. Из шести основных экономических коридоров «Пояса и пути» два непосредственно охватывают государства АСЕАН (см. табл. 1). Их устойчивое функционирование важно не только для непрерывности региональных торгово-экономических связей, но и для предсказуемости ближайшей внешней среды безопасности Китая.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ Мосяков Д.В., Шпаковская М.А., Понька Т.И. Роль Мьянмы в китайской инициативе «Пояс и путь» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24. №. 3. С. 442.

Таблица 1. Шесть экономических коридоров «ОПОП».

Название экономического коридора	Маршрут экономического коридора
Новый экономический коридор Евразийский континентальный мост	Восточное побережье Китая → Северо-Западный Китай → Центральная Азия → Россия → Центральная и Восточная Европа
Экономический коридор Китай-Монголия-Россия	Китай→Монголия→Россия
Экономический коридор Китай - Центральная Азия - Западная Азия	Северо-Западный Китай → Центральная Азия→Персидский залив→Аравийский полуостров →Средиземноморское побережье
Экономический коридор Китай - Индокитайский полуостров	Юго-Западный Китай → страны Центрального и Южно-Китайского полуостровов
Китайско-пакистанский экономический коридор	Северо-Западный Китай → Пакистан
Экономический коридор Бангладеш-Китай-Индия-Мьянма	Соединяет Восточную, Южную и Юго-Восточную Азию, а также соединяет Тихий и Индийский океаны.

Источник: составлено автором с использованием данных: 一帶一路六大经济走廊[Шесть крупных экономических коридоров в рамках инициативы

«Пояс и путь»] // 中国—带一路网[Портал «Пояс и путь» Китая]. 20.07.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/60644.html> (дата обращения: 13.10.2025).

Во-вторых, значимость АСЕАН задаётся институциональной архитектурой региона. Организация располагает одной из самых плотных сетей регионального сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском пространстве и опирается на принцип «центральности АСЕАН»¹⁸⁴. Поэтому внешние акторы, заинтересованные в устойчивом развитии сотрудничества, как правило, используют форматы и площадки, сформированные АСЕАН. Это позволяет обеспечить процедурную легитимность и снизить политическую чувствительность взаимодействия.

В-третьих, важны экономические и нормативные условия: высокая динамика экономического роста и степень региональной интеграции АСЕАН обеспечивают одновременно масштабируемый рынок и пространство для кооперации в цепочках создания стоимости, а также создают возможность переводить сотрудничество от проектного формата к более устойчивой, нормативной структуре через институциональную стыковку.

Таким образом, АСЕАН целесообразнее рассматривать не как «естественное продолжение» инициативы «Пояс и путь», а как ключевую экспериментальную зону. Именно здесь проверяется способность инициативы переходить от политического замысла к механизмам, а от отдельных проектов — к формированию региональных общественных благ. Участие АСЕАН

¹⁸⁴ The ASEAN Charter. Op. cit.

определяет не только масштабы сотрудничества, но и то, сможет ли «Пояс и путь» на региональном уровне обрести устойчивую встроенность в региональные институты и перейти к логике управления.

В процессе продвижения инициативы в пространстве АСЕАН Китай постепенно выработал подход, более соответствующий региональной институциональной экосистеме: не подменять существующие региональные рамки точечными проектами, а через логику «пяти взаимосвязей» встроить сотрудничество в действующую сеть региональных механизмов, согласовав его с программами взаимосвязанности и интеграции АСЕАН, тем самым повышая устойчивость и предсказуемость взаимодействия.

В практике реализации инициативы «Пояс и путь» в пространстве АСЕАН координация политики не сводится к обмену информацией. Она выступает необходимым условием институционального закрепления сотрудничества и его устойчивого продвижения. В отличие от традиционных двусторонних торгово-экономических проектов, «Пояс и путь» включает трансграничную инфраструктуру, долгосрочные финансовые схемы и межведомственную координацию. При отсутствии стабильного согласования политических установок и стратегической сопряжённости взаимодействие легко прерывается — вследствие внутривнутриполитических изменений, колебаний внешней среды или роста издержек реализации. Именно поэтому на направлении АСЕАН Китай одним из первых придал координации политики статус регулярной и закреплённой повестки, обозначив её исходным элементом логики «пяти взаимосвязей».

В частности, координация политики между Китаем и АСЕАН имеет отчётливо выраженную многоуровневую и институционально оформленную

структуру. На высшем уровне такие механизмы как саммиты «Китай—АСЕАН», встречи министров иностранных дел и министров экономики обеспечивают общее политическое руководство в рамках инициативы «Пояс и путь». Благодаря этому сотрудничество постоянно остается в русле ключевой повестки двусторонних и региональных отношений. На исполнительском уровне такие платформы, как Китайско-АСЕАНовская выставка, Фонд сотрудничества Китай—АСЕАН, а также тематические форумы в рамках «Пояса и пути», выполняют функцию преобразования стратегического консенсуса в конкретные направления взаимодействия и перечни проектов. Подобная взаимосвязанная структура взаимодействия сверху вниз обеспечивает продвижение инициативы в регионе не за счёт усилий отдельного ведомства, а благодаря её интеграции в относительно устойчивую сеть скоординированной политики.

Особое значение имеет то, что координация политики в рамках взаимодействия с АСЕАН не ограничилась двусторонним уровнем, а приобрела региональное измерение за счёт сопряжения с собственными программами развития организации. Публикация в 2019 г. «Совместного заявления Китая и АСЕАН о сотрудничестве по сопряжению инициативы “Пояс и путь” с Генеральным планом АСЕАН по взаимосвязанности до 2025 года» стала первым случаем, когда стороны на официальном уровне закрепили связь между инициативой «Пояс и путь» и процессом региональной интеграции АСЕАН¹⁸⁵. В отличие от прежней проектно-ориентированной

¹⁸⁵中国—东盟关于“一带一路”倡议与《东盟互联互通总体规划2025》对接合作的联合声明 [Совместное заявление Китая и АСЕАН о сотрудничестве по сопряжению инициативы «Пояс и путь» с «Генеральным планом АСЕАН по взаимосвязанности до 2025 года»] // 中华人民共和国外交部[МИД КНР]. 04.11.2019. [Электронный ресурс]. URL:

логики, данная модель сопряжения предполагала включение инфраструктурного строительства, цифровых инноваций, логистических коридоров и нормативной стыковки в уже существующую рамку региональной взаимосвязанности АСЕАН.

Постоянная поддержка Китаем центральной роли АСЕАН выступает важным политическим условием успешной координации. После объявления о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве Пекин последовательно подчёркивал уважение к единству АСЕАН и её ведущей роли в региональной архитектуре сотрудничества¹⁸⁶. Это заметно и в практической траектории «Пояса и пути»: в инфраструктуре, цифровой экономике и устойчивом развитии Китай, как правило, действует через механизмы и процедуры, признанные АСЕАН, избегая параллельных или исключаящих форматов. В результате снижается геополитическая чувствительность инициативы и повышается вероятность её восприятия региональными игроками как инструмента развития.

Координация политики важна и потому, что создаёт организационную «точку входа» с относительно низкими издержками для последующих направлений сотрудничества. По сравнению с запуском масштабных проектов или инициатив в сфере безопасности согласование политических установок позволяет быстрее сформировать минимальный консенсус и подготовить условия для продвижения инфраструктурной взаимосвязанности, торгового и финансового взаимодействия. По этой логике «Пояс и путь» в АСЕАН проходит путь от политической координации — к проектной реализации, и

https://www.mfa.gov.cn/gjhdq_676201/gjhdqzz_681964/lhg_682518/zywj_682530/201911/t20191104_9386088.shtml (дата обращения: 13.10.2025).

¹⁸⁶ Чжан Маньци. Место Китая во внешней политике АСЕАН. Указ. соч. С. 35.

далее — к устойчивому встраиванию в региональные рамки. Следовательно, координация политики является не одним из равноправных элементов «пяти взаимосвязей», а ключевым каналом, который задаёт рамочные условия, правила и повестку для более ресурсоёмких и политически чувствительных форм сотрудничества.

После того как координация политики сформировала необходимую политико-организационную основу, инфраструктурная взаимосвязанность стала наиболее заметным и одновременно структурно значимым направлением реализации инициативы «Пояс и путь» в АСЕАН. В отличие от ряда регионов, где сотрудничество сосредоточено на добыче ресурсов или на отдельных транспортных линиях, в случае АСЕАН ключевой вопрос заключается не в наличии проектов как таковых, а в их способности формировать сквозные трансграничные и межрегиональные сети. Именно такие сети меняют логику экономического и пространственного функционирования региона.

С точки зрения условий развития АСЕАН инфраструктурный дефицит долгое время рассматривался как один из главных барьеров региональной интеграции и реализации экономического потенциала. По оценке Азиатского банка развития, совокупные потребности АСЕАН в инфраструктурных инвестициях в 2016–2030 гг. составляют от 2,8 трлн долл. (базовая оценка) до 3,1 трлн долл. (с учётом климатической адаптации)¹⁸⁷. Хотя регион в целом демонстрирует высокие темпы экономического роста, значительный разрыв в

¹⁸⁷ Park S. C. The roles and strategies of ASEAN in the Belt and Road Initiative (BRI) // Cuadernos Europeos de Deusto. 2022. No 03. P. 121–122.

уровнях развития между государствами-членами ¹⁸⁸, слабая связность сухопутных и морских транспортных коридоров, а также высокие логистические издержки по-прежнему ограничивают свободное движение факторов производства внутри региона ¹⁸⁹. Особенно в странах Индокитайского полуострова и в ряде внутриконтинентальных государств недостаточное развитие транспортной и энергетической инфраструктуры затрудняет их полноценное участие в региональном разделении труда и в производственных цепочках.

Именно в этом контексте АСЕАН закрепила «взаимосвязанность» как ключевую повестку регионального развития в официальных документах, включая «Генеральный план взаимосвязанности АСЕАН до 2025 года» ¹⁹⁰. Сосредоточенность инициативы «Пояс и путь» на инфраструктурном строительстве оказалась структурно совместимой с этой долгосрочной потребностью.

Инфраструктурное сотрудничество Китая со странами АСЕАН развивается не как совокупность отдельных проектов, а как взаимодействие сетевого характера. Так, Китайско-лаосская железная дорога (Куньмин — Вьентьян) важна не только как двусторонний транспортный проект — её ключевая роль заключается в интеграции юго-западного Китая и Индокитайского полуострова в единую сухопутную транспортную систему. Благодаря этому Лаос, исторически являвшийся внутриконтинентальной

¹⁸⁸ Канаев Е.А. АСЕАН и экономическое сотрудничество в юго-восточной Азии: тенденции и промежуточные итоги // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2021. №1 (50). С. 40.

¹⁸⁹ Вялых М.А. Причины сохранения разрывов в уровне развития стран-членов АСЕАН // Экономика и бизнес: теория и практика. 2018. № 5—1. С. 42.

¹⁹⁰ Master Plan on ASEAN Connectivity 2025 // ASEAN Secretariat. 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/08/8_compressed.pdf (дата обращения: 13.05.2025).

страной, получил функции транспортно-логистического узла, ориентированного на региональный рынок. После ввода дороги в эксплуатацию в 2021 году время перевозок заметно сократилось, а таможенные процедуры были упрощены, что привело к повышению эффективности трансграничной логистики¹⁹¹.

Аналогичным образом высокоскоростная железная дорога Джакарта — Бандунг в Индонезии не только демонстрирует технологии высокоскоростных перевозок, будучи важным элементом современной транспортной системы Индонезии и АСЕАН в целом, она усиливает связанность экономического коридора острова Ява и создаёт демонстрационный эффект для последующей модернизации региональной транспортной инфраструктуры. Подобные проекты, дополняя друг друга и соединяясь между собой, постепенно формируют транснациональную инфраструктурную сеть.

На этой основе сфера инфраструктурного сотрудничества постепенно расширяется. По мере развития цифровой экономики и перехода к «зелёной» повестке сотрудничество Китая и стран АСЕАН выходит за рамки традиционной инфраструктуры и охватывает телекоммуникационные сети, центры обработки данных и проекты в области чистой энергетики¹⁹². Такие проекты не только улучшают физическую связанность, но и способствуют согласованию информационных систем и правил функционирования, что постепенно переводит региональное взаимодействие в цифровой и

¹⁹¹ Zhang Lei. China-Laos Railway: Redefining Regional Connectivity // East Asian Policy. 2025. No 17(03) P. 44.

¹⁹² 中国东盟国家共建一带一路报告[Доклад о развитии инициативы «Один пояс, один путь» между Китаем и странами АСЕАН] // 中国一带一路网 中国一带一路网[Портал «Пояс и путь» Китая]. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/a/icmp/2023/12/15/20231215179983118/c720a536a9494c1bb107420dbedacb40.pdf> (дата обращения: 24.12.2025).

институциональный формат.

Таким образом, взаимосвязанность инфраструктуры не ограничивается улучшением транспортных условий или ростом инвестиций. Она формирует основу для углубления регионального сотрудничества, на которой расширение торговли и согласование правил становятся более реалистичными и устойчивыми.

По мере формирования инфраструктурных сетей либерализация торговли стала одним из наиболее устойчивых и прямых экономических эффектов инициативы «Пояс и путь» в странах АСЕАН. Под «свободной торговлей» здесь понимается не просто рост объёмов, а формирование стабильной и предсказуемой среды за счёт снижения институциональных, нормативных и производственных барьеров. В этом смысле она обозначает переход от проектного взаимодействия к более структурной интеграции.

С точки зрения механизма инфраструктурные улучшения выступают необходимым, но недостаточным условием роста торговли. Без нормативно-процедурного сопровождения повышение логистической эффективности может быть нивелировано тарифными барьерами, таможенными ограничениями и несогласованностью правил. Поэтому Китай в процессе продвижения инициативы в пространстве АСЕАН развивает инфраструктурное взаимодействие параллельно с сопряжением правил, стремясь встроить торговую динамику в более устойчивую регуляторную рамку. В 2025 г. общий объём торговли между Китаем и АСЕАН достиг 1,05 трлн долл. США, увеличившись на 7,4%; стороны уже пять лет подряд

остаются крупнейшими торговыми партнёрами друг для друга¹⁹³ (см. табл. 2). Вступление в силу ВРЭП усилило этот процесс, обеспечив институциональную поддержку торговле за счёт снижения тарифов, упрощения правил происхождения и повышения удобства инвестиций. В результате китайско-асеановское взаимодействие постепенно переходит от двусторонних преференций к системной кооперации в рамках регионального торгового режима.

Таблица 2. Общая стоимость импорта и экспорта товаров Китая по основным странам/регионам в 2025 г.

Страна/Регион	2025 г. (млн долл.)	Год к году ±%
АСЕАН	1,054,645.7	7.4
Евросоюз	828,117.2	5.4
США	559,747.2	-18.7
Латинская Америка	549,040.3	5.9
Африка	348,052.7	17.7
Россия	228,104.9	-6.9

Источник: составлено автором с использованием данных: 中国 2025 年 12 月进出口商品主要国别 (地区) 总值表 (美元) [Общая стоимость импорта и экспорта товаров в Китае по основным странам (регионам), декабрь 2025 г. (долл. США)] // 中华人民共和国海关总署 [Главное таможенное управление Китайской Народной Республики]. [Электронный ресурс]. URL:

¹⁹³ 中国 2025 年 12 月进出口商品主要国别 (地区) 总值表 [Общая стоимость импорта и экспорта товаров в Китае по основным странам (регионам), декабрь 2025 г.] // 中华人民共和国海关总署 [Главное таможенное управление Китайской Народной Республики]. [Электронный ресурс]. URL: http://www.customs.gov.cn/customs/2026-01/14/article_2026012219110065531.html (дата обращения: 15.01.2026).

http://www.customs.gov.cn/customs/2026-01/14/article_2026012219110065531.html (дата обращения: 15.01.2026).

На этом фоне торговые связи Китая и АСЕАН демонстрируют признаки структурного обновления. Помимо расширения масштабов торговли, важным изменением становится трансформация её содержания: китайский экспорт в страны АСЕАН постепенно смещается от традиционных потребительских товаров к машиностроительной продукции, более технологичным промежуточным товарам и «зелёным» решениям. В свою очередь, экспорт АСЕАН в Китай наряду с электроникой, переработанной сельхозпродукцией и сырьевыми товарами всё заметнее дополняется промежуточной продукцией и комплектующими¹⁹⁴. Это указывает на переход от обмена конечными товарами к кооперации в региональных производственных сетях.

Эти изменения тесно связаны с перераспределением региональных производственных цепочек. Развитие инфраструктуры снижает издержки координации трансграничного производства, а сближение правил повышает предсказуемость экономической среды, облегчая компаниям размещение различных этапов производства между Китаем и странами АСЕАН. В результате торговля перестаёт быть лишь обменом товарами и во всё большей степени становится частью производственной кооперации, влияя на структуру региональной экономики.

На этой основе меняются формы торговли. С развитием цифровой инфраструктуры и трансграничной логистики быстро растут электронная

¹⁹⁴ Yin Xingmin. China's Intermediate Goods Trade with ASEAN: A Profile of Four Countries // Mitsuhiro Kagami, Intermediate Goods Trade in East Asia: Economic Deepening Through FTAs/EPAs, Bangkok, Thailand: Bangkok Research Center, Research Report. 2011. No (5). P. 69.

коммерция, цифровая торговля и торговля услугами. Это ведёт к переходу от крупных и стандартизированных поставок к более гибким и разнообразным формам обмена. В определённой степени это снижает барьеры для участия малых и средних предприятий и способствует более равномерному распределению выгод внутри региона, что усиливает устойчивость сотрудничества.

Следовательно, торговая динамика в рамках «Пояса и пути» в АСЕАН является результатом совместного действия инфраструктурной связанности, сопряжения правил и производственной кооперации. Она отражает экономическую отдачу сотрудничества и одновременно — через правила и цепочки стоимости — закрепляет связи Китая и АСЕАН на более глубоком структурном уровне. На этой основе возникает вопрос о том, каким образом финансовые инструменты и институциональные механизмы могут обеспечить долгосрочную поддержку сформировавшейся торгово-инвестиционной взаимосвязи.

В рамках данной логики по мере углубления торговых связей и производственной кооперации финансовое взаимодействие постепенно перестаёт быть вспомогательным элементом и превращается в ключевое условие долгосрочной устойчивости инициативы «Пояс и путь» на направлении АСЕАН. В отличие от инфраструктурных и торговых проектов финансовая сфера отличается большей технической сложностью и напрямую затрагивает вопросы распределения рисков и суверенной чувствительности. Поэтому одной из центральных задач регионализации инициативы становится поиск баланса между удовлетворением потребностей АСЕАН в финансировании развития и снижением долговых рисков, а также

минимизацией политических разногласий.

С учётом внутренних условий стран АСЕАН потребность в долгосрочном капитале для инфраструктурных проектов и промышленной модернизации существенно превышает фискальные возможности большинства государств-членов и уровень развития их финансовых рынков¹⁹⁵. Даже в относительно устойчивых экономиках государственные инвестиции ограничены бюджетной дисциплиной, валютными рисками и высокой стоимостью заимствований. В менее развитых странах дефицит инфраструктуры нередко сохраняется именно из-за недостатка доступных финансовых каналов. В этом контексте опора исключительно на рыночные источники или традиционные многосторонние банки развития оказывается недостаточной для покрытия масштабного спроса на долгосрочный капитал, что формирует объективную нишу для финансового сотрудничества в рамках «Пояса и пути».

В процессе продвижения инициативы в АСЕАН Китай не ограничивается двусторонними кредитами или одним финансовым инструментом, а формирует многоуровневую и комбинированную модель финансирования. На многостороннем уровне Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АИВ) через софинансирование с государствами АСЕАН и другими международными финансовыми институтами предоставляет относительно нейтральный и более формализованный канал поддержки инфраструктурных проектов. На двустороннем уровне китайские политические финансовые институты

¹⁹⁵ Яковлев И.А., Кабир Л.С., Никулина С.И. Финансовые инициативы АСЕАН: особенности модели финансового сотрудничества стран Юго-Восточной Азии // Финансовый журнал. 2016. № 4(32). С. 12.

посредством льготных кредитов, экспортного кредитования и совместного финансирования закрывают дефицит ресурсов в долгосрочных проектах, которых коммерческий капитал часто избегает. Параллельно предпринимаются попытки расширять инструментарий на уровне рынков капитала, снижая зависимость от одного источника средств. Дополнительную роль играет Фонд Шёлкового пути, ориентированный на поддержку инициативы через долевое участие и долгосрочные инвестиции; это дополняет общую структуру финансирования¹⁹⁶. Такая многоканальная схема делает финансовую архитектуру более диверсифицированной и в определённой степени снижает системные риски.

На этой основе финансовое сотрудничество Китая и стран АСЕАН в рамках «Пояса и пути» постепенно приобретает более устойчивый и институционализированный характер. Особенно заметным направлением становится развитие расчётов в национальных валютах и взаимодействие в сфере трансграничных платежей. По мере роста торговли и инвестиций снижение валютных рисков и повышение эффективности платежей превращаются в общую практическую потребность. Продвигая расчёты в национальных валютах и взаимосвязь платёжных систем, Китай и АСЕАН постепенно уменьшают зависимость от внешней валютной системы и тем самым укрепляют финансовую устойчивость региональной экономической активности.

Эта тенденция уже отражается в масштабах расчётов и в охвате платёжной инфраструктуры. В 2024 году объём трансграничных расчётов в

¹⁹⁶ Wei K. How the Belt and Road Initiative Promotes Integration and Upgrading of Emerging Market Supply Chains // Highlights in Business, Economics and Management. 2024. Vol. 32. P. 203.

юанях между Китаем и АСЕАН вырос на 35% в годовом исчислении, а доля юаня в региональной торговле увеличилась до 28%¹⁹⁷. На сегодняшний день Межбанковская система трансграничных платежей (Cross-Border Interbank Payment System, CIPS) обеспечивает проведение операций в юанях со всеми государствами — членами АСЕАН, а общий объём трансграничных расчётов в юанях за последние десять лет увеличился почти в двадцать раз¹⁹⁸.

По мере дальнейшего развития платёжной и расчётной инфраструктуры сотрудничество всё меньше сводится к предоставлению капитала. Оно постепенно формирует устойчивые финансовые механизмы и правила, а также эффекты накопления и закрепления практик. Тем самым китайско-асеановское финансовое взаимодействие переходит в фазу долгосрочного институционального оформления.

После того как инфраструктурное, торговое и финансовое сотрудничество в рамках инициативы «Пояс и путь» на направлении АСЕАН сформировало относительно устойчивую материальную и институциональную основу, ключевым условием долгосрочной устойчивости становятся гуманитарные обмены. По сравнению с политическими договорённостями, финансированием и строительными проектами культурные и гуманитарные контакты развиваются медленнее. Однако именно они во многом определяют уровень общественного принятия, легитимность и

¹⁹⁷ 中国东盟推进跨境支付互联互通[Содействие Китаем и АСЕАН трансграничной платёжной взаимосвязанности] // 中华人民共和国商务部[Министерство коммерции КНР]. 25.04.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://12335.mofcom.gov.cn/article/wmzhfwxzyqysj/202505/1941428_1.html (дата обращения: 24.02.2024).

¹⁹⁸ Бабаев К.В., Сергиенко Е.Е., Ван Цзинвэй, Ли Фэн, Сазонов С.Л. Интернационализация юаня в рамках инициативы «Пояс и Путь» // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2024. № 1. С. 76.

устойчивость сотрудничества в странах-партнёрах. При отсутствии социальной поддержки даже хорошо выстроенные экономические механизмы могут оказаться уязвимыми перед внутривнутриполитическими изменениями и общественным давлением. Поэтому в процессе продвижения инициативы в АСЕАН Китай всё более системно включает гуманитарные обмены, наращивание потенциала и социальное участие в общую архитектуру сотрудничества, рассматривая их как важный компонент «мягкой взаимосвязанности».

На уровне механизмов гуманитарные обмены не существуют изолированно: они дополняют другие четыре направления «пяти взаимосвязей». Инфраструктурные проекты и торгово-экономическое взаимодействие создают спрос и материальные условия для контактов между людьми, тогда как гуманитарные обмены снижают социальные издержки сотрудничества и уменьшают риск напряжённости в общественном восприятии. На направлении АСЕАН гуманитарное сотрудничество Китая носит многоканальный и многоуровневый характер и включает образовательные программы, профессиональную подготовку, культурные мероприятия, научно-техническое взаимодействие, туризм, а также контакты между местными органами власти и общественными организациями. Эти факторы не определяют напрямую макроэкономические показатели, однако формируют социальную среду, в которой инициатива не сводится к взаимодействию элит или правительств.

Одним из наиболее значимых направлений гуманитарных обменов выступают образование и развитие человеческого капитала. Через стипендиальные программы, профессиональную подготовку, технические

обмены и сотрудничество в области навыков Китай участвует в укреплении кадрового потенциала государств АСЕАН. С одной стороны, такие меры отвечают практическим потребностям функционирования проектов и промышленной кооперации; с другой — формируют долгосрочную основу понимания китайского опыта развития и модели сотрудничества. В отличие от краткосрочной помощи взаимодействие, ориентированное на развитие потенциала, чаще воспринимается партнёрами как элемент «совместного развития», что повышает его устойчивость.

Расширение мобильности и социальных контактов повышает общественную заметность сотрудничества. По мере улучшения транспортной связанности и продвижения мер визовой либерализации туристические, деловые и академические обмены между Китаем и АСЕАН демонстрируют дальнейший рост. В частности, с конца 2023 года Китай последовательно расширял режимы безвизового въезда и другие упрощающие меры, что способствовало оживлению региональной мобильности. Согласно данным, с января по август 2025 года совокупное число поездок между материковым Китаем и государствами — членами АСЕАН превысило 25,244 млн, увеличившись на 11,2% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года¹⁹⁹. Подобные высокочастотные и низкополитизированные контакты снижают ощущение дистанции и неопределённости, постепенно встраивая сотрудничество в повседневный социальный опыт региона. Для Китая это означает не культурную ассимиляцию, а прежде всего снижение взаимного

¹⁹⁹ 2024-2025中国—东盟人文交流年成果报告[Отчёт о результатах Года гуманитарных обменов между Китаем и АСЕАН (2024–2025 гг.)] // 中华人民共和国外交部[МИД КНР]. 31.10.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gjhdqzz_681964/lhg_682518/zywj_682530/202510/t20251031_11744815.shtml (дата обращения: 24.10.2025).

непонимания и укрепление доверия через устойчивые формы взаимодействия.

Рассматривая элементы «пяти взаимосвязей» комплексно, можно увидеть, что практика «Пояса и пути» в АСЕАН постепенно эволюционировала от ранней фазы, движимой отдельными проектами, к более институционально оформленной и сетевой модели сотрудничества. Этот поступательный процесс превращает «Пояс и путь» в АСЕАН не только в набор экономических инициатив, но и в практику регионального управления.

Именно в этом смысле продвижение инициативы в регионе подтвердило её практическую ценность как одной из ключевых платформ периферийной дипломатии Китая и заложило основу для последующей повестки, обогащённой нормативным и ценностным содержанием. По мере углубления экономического взаимодействия и институциональной интеграции следующей задачей отношений Китай—АСЕАН становится преобразование материальной взаимосвязанности в более устойчивое политическое доверие и формирование представления об общности судьбы. Это закономерно подводит к дискуссии о «сообществе единой судьбы Китая и АСЕАН».

2.3. Реализация идеи «Сообщество единой судьбы Китая и АСЕАН»

В первой главе уже дано систематическое изложение концепции «СЕСЧ», данный параграф не будет повторно раскрывать её глобальные теоретические основания. Вместо этого основное внимание в нем переносится на механизмы многоуровневой реализации концепции в периферийной дипломатии. Если конкретнее, «СЕСЧ» задаёт общие ценностные и направляющие принципы; «сообщество единой судьбы с соседними странами» формирует

стратегическую рамку для отношений с окружающими регионами и регионального управления; в свою очередь, «сообщество единой судьбы Китая и АСЕАН» выступает практической точкой приложения этой рамки и наглядным примером её реализации в ключевом регионе – Юго-Восточной Азии.

Задачи данного параграфа можно сформулировать на двух уровнях. Во-первых, завершить концептуальную цепочку перехода от «сообщества единой судьбы с соседними странами» к «сообществу единой судьбы Китая и АСЕАН», тем самым связав концепцию и практику в аргументации второй главы, посвящённой периферийной стратегии. Во-вторых, на эмпирическом уровне показать, каким образом факты стратегического позиционирования и сотрудничества в целях развития, представленные в параграфах 2.1 и 2.2, включаются в логику идеи сообщества и далее преобразуются в региональную структуру сотрудничества, обладающую стабильностью, устойчивостью и воспроизводимостью. Иными словами, в центре внимания находится не сам факт «провозглашения» концепции, а то, как она через механизмы закрепления и оформления встраивается в институциональный контекст АСЕАН и приобретает политическую жизнеспособность, обеспечивая устойчивое функционирование в сетях сотрудничества.

«Сообщество единой судьбы с соседними странами» является одной из ключевых концепций «новой эпохи», посредством которой Китай выстраивает отношения с соседями и участвует в региональном управлении, одновременно выступая опорным элементом идеи «СЕСЧ» на региональном уровне²⁰⁰. По

²⁰⁰ 王俊生[Ван Цзюньшэн]. 周边命运共同体构建与亚太地区秩序重塑[Строительство сообщества единой судьбы в приграничных регионах и трансформация порядка в Азиатско-Тихоокеанском регионе] // 当代世界[Современный мир]. 2025. № (04). С. 30.

сравнению с глобальной макроинициативой данная концепция обладает более выраженным свойством воплощения в жизнь: географическая близость предполагает более тесное переплетение интересов, региональные механизмы легче переводятся в регулярный режим, а политические инструменты проще формируют синергию в развитии, безопасности и гуманитарной сфере, выходя за пределы отдельных тематических треков. Следовательно, приоритетное продвижение строительства сообщества в соседних регионах отвечает практической потребности китайской периферийной дипломатии в стабильной внешней среде и одновременно задаёт операциональный путь реализации концепции «СЕСЧ».

Важно также, что выдвижение концепции «сообщества единой судьбы с соседними странами» означает качественное повышение уровня позиционирования отношений Китая с соседями. Сотрудничество перестаёт восприниматься как проектно-транзакционный обмен интересами и помещается в рамки долгосрочной региональной архитектуры. Согласно этой логике, решающим становится не объём разовых результатов, а способность через правила, механизмы и сети сотрудничества закреплять взаимозависимость в виде предсказуемой и устойчивой структуры взаимодействия.

Такое переосмысление напрямую связано с понятийным набором периферийной дипломатии Китая. Принципы «доброжелательности, искренности, взаимовыгодности и инклюзивности», с одной стороны, задают нормативную основу строительства сообщества, а с другой — служат наблюдаемыми ориентирами политического курса. «Сообщество» здесь выступает не абстрактным видением, а процессом, который через дружелюбие,

взаимное доверие, взаимовыгодное сотрудничество и инклюзивные консультации постепенно оформляется в договорённости и практики взаимодействия.

Особого внимания заслуживает то, что Си Цзиньпин на Рабочем совещании по периферийной дипломатии в 2013 году подчеркнул необходимость того, чтобы сознание «сообщества единой судьбы» в сопредельных странах «укоренилось и пустило ростки»²⁰¹. Смысл этого тезиса заключается в том, что строительство сообщества не должно ограничиваться символическими декларациями, а обязано опираться на долгосрочные, закреплённые и реализуемые механизмы сотрудничества, которые позволяют соседним государствам получать ощутимые выгоды, формировать устойчивые ожидания и укреплять чувство безопасности при контролируемых рисках. Тем самым анализ продвижения «сообщества единой судьбы Китая и АСЕАН» означает наблюдение за тем, как внешнеполитические идеи Китая переходят от принципиальных формулировок к операционализируемым практикам регионального управления и получают системное развёртывание в рамках периферийной дипломатии.

В общей рамке «сообщества единой судьбы с соседними странами» Китай последовательно выдвигал различные формулы, охватывающие разные уровни и тематические направления, на двустороннем уровне – фиксировал политический консенсус о совместном строительстве сообщества единой судьбы с такими странами, как Лаос, Камбоджа, Таиланд и Индонезия, а также

²⁰¹ 习近平[Си Цзиньпин]. 论坚持推动构建人类命运共同体. [О настойчивом продвижении строительства сообщества единой судьбы человечества]. Указ. соч. С. 67.

с рядом других государств,. На региональном уровне были предложены концепции «сообщества единой судьбы с соседними странами», «сообщества единой судьбы Азии», «сообщества единой судьбы Китая и АСЕАН», «сообщества единой судьбы стран бассейна рек Ланьцан—Меконг», а также «сообщества единой судьбы Китая и Центральной Азии».

В периферийном измерении такая конфигурация проявляется как в двусторонних инициативах, адресованных конкретным государствам, так и в региональных инициативах, ориентированных на платформы регионального сотрудничества. Их общей чертой является включение сотрудничества в более долгосрочную структурную рамку через дискурс сообщества и поддержание его устойчивости за счёт регулярного взаимодействия и процедур. При этом важно подчеркнуть, что подобная иерархическая конфигурация не означает механического копирования: темпы и приоритеты продвижения варьируются в зависимости от институциональной среды, проблематики и источников рисков в разных регионах.

В этом контексте «сообщество единой судьбы Китая и АСЕАН» отличается выраженной авангардностью и демонстративным характером. Концепция была выдвинута во время визита Си Цзиньпина в Индонезию в 2013 году и в короткие сроки стала одной из ключевых основ китайско-асеановских отношений²⁰².

Выбор момента представления концепции не был случайным. С одной стороны, в 2013 году в Китае состоялось Рабочее совещание по периферийной дипломатии, на котором была сформулирована новая рамка

²⁰² 习近平[Си Цзиньпин]. 论坚持推动构建人类命运共同体. [О настойчивом продвижении строительства сообщества единой судьбы человечества]. Указ. соч. С. 54.

«доброжелательность, искренность, взаимовыгодность и инклюзивность». Её развитие шло синхронно с расширением таких инструментов внешней политики, как инициатива «Пояс и путь», продвижение региональной взаимосвязанности, а также финансовые и иные механизмы сотрудничества. Это ознаменовало вступление периферийной дипломатии Китая в новую фазу обновления как на концептуальном, так и на инструментальном уровне²⁰³.

В результате возникла потребность в региональной площадке, которая могла бы связать нарратив о «сообществе» с механизмами сотрудничества и практической повесткой. Тем самым становилась возможной трансформация схемы «сообщество — механизмы — сотрудничество» в устойчивую практику.

С другой стороны, на фоне ускорения геополитической конкуренции — прежде всего вокруг китайской инициативы «Пояс и путь» и американской «Индо-Тихоокеанской стратегии» — и её переноса в Юго-Восточную Азию возрастает неопределённость регионального порядка. В этих условиях АСЕАН испытывает всё более заметное структурное давление между задачей стимулирования экономического развития и необходимостью сохранять стратегическую автономию²⁰⁴. В такой ситуации АСЕАН и её члены в большей степени склонны поддерживать неэксклюзивные рамки сотрудничества, которые могут быть встроены в существующие асеаноцентричные механизмы и делают акцент на совместном развитии, расширяя пространство для политического манёвра в конкурентной среде²⁰⁵.

С точки зрения структурных условий суждение о том, что АСЕАН может

²⁰³ Там же. С. 65.

²⁰⁴ Мосяков Д.В. Особенности современной ситуации в Большой Восточной Азии // Азия и Африка сегодня. 2025. № 6. С. 8.

²⁰⁵ Yoshimatsu H. Meanings, norms, and social constitution: revisiting ASEAN centrality in East Asian regionalism // Japanese Journal of Political Science. 2023. No 24(4). P. 420.

выступать важной точкой приложения «дипломатии сообщества», обусловлено по меньшей мере тремя преимуществами. Во-первых, это обоснованное выше геополитическое положение региона. Во-вторых, степень региональной организованности АСЕАН относительно высока, а её механизмы сотрудничества сравнительно зрелы²⁰⁶. В ходе длительного взаимодействия государства-члены постепенно сформировали нормативную культуру, ядром которой являются консенсусные консультации и устоявшиеся правила. В результате складываются относительно стабильные и предсказуемые ожидания относительно многостороннего взаимодействия и его устойчивости²⁰⁷, что создаёт практическую «точку входа» для встраивания внешних идей в региональные механизмы. В-третьих, внутренняя неоднородность АСЕАН значительна, а различия между государствами-членами по институциональным характеристикам и уровню развития весьма заметны²⁰⁸. С одной стороны, это позволяет проверять инклюзивность и адаптивность идеи сообщества, с другой — повышает её эмпирическую «наблюдаемость». Если в рамках АСЕАН удастся сформировать устойчиво функционирующую структуру сотрудничества, её станет легче рассматривать как тиражируемый образец регионального взаимодействия.

В то же время сама АСЕАН стремится удерживать баланс между задачами институционального развития, безопасности и формирования сообщества. Долгосрочный проект АСЕАН по строительству Сообщества

²⁰⁶ Мартынова Е. Факторы институциональной динамики региональной интеграции на примере АСЕАН и ЕАЭС // Россия и новые государства Евразии. 2024. № I (LXII). С. 46.

²⁰⁷ Колдунова Е.В. АСЕАН на современном этапе и проблемы региональной стабильности. Указ. соч. С. 14.

²⁰⁸ Cuyvers L. The 'ASEAN Way' and ASEAN's development gap with Cambodia, Laos, Myanmar and Vietnam: a critical view. *Asia Pacific Business Review*. 2019. No 25(5). P. 685.

(Сообщества политики и безопасности, Экономического сообщества и Социокультурного сообщества) подчёркивает повышение потенциала развития и управления через региональное сотрудничество, а также поддержание стабильности и центральной роли АСЕАН неэксклюзивными методами, основанными на консенсусе²⁰⁹. В этом смысле китайский нарратив «сообщества единой судьбы» и цели АСЕАН имеют определённое пространство для нормативной конвергенции. Это повышает вероятность того, что «сообщество единой судьбы Китая и АСЕАН», при условии уважения центральной роли АСЕАН, будет развиваться через встраивание в существующие механизмы и тем самым укреплять структуру сотрудничества, а не переформатировать региональный порядок за счёт альтернативных рамок.

Для данного исследования такая нормативная совместимость имеет объяснительное значение: она помогает понять, почему китайско-асеановское сообщество в относительно короткие сроки смогло сформировать регулярное взаимодействие и проявить признаки последовательного продвижения по широкому кругу вопросов.

Однако утверждение концепции — лишь начало, ключевым является процесс реализации. Анализируя реализацию «сообщества единой судьбы Китая и АСЕАН», важно понять, как концепция переводится в механизмы, которые формируют инерцию сотрудничества, и способна ли эта инерция сохранять устойчивость перед лицом разногласий и внешнего давления.

На практическом уровне приоритет экономического сотрудничества обусловлен не только быстрой отдачей или относительной лёгкостью

²⁰⁹ ASEAN Community Vision 2045 // ASEAN Main Portal. 26.05.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.asean.org/wp-content/uploads/images/2015/November/aec-page/ASEAN-Community-Vision-2025.pdf> (дата обращения: 13.10.2025).

реализации. Прежде всего именно оно наиболее эффективно формирует в отношениях с соседями наблюдаемую и накапливаемую структуру интересов и тем самым создаёт практическую опору для сообщества. В случае пары Китай—АСЕАН ключевым является не успех или провал отдельных проектов, а способность сотрудничества непрерывно воспроизводить взаимозависимость, выходящую за пределы краткосрочных циклов, и постепенно закреплять её в виде предсказуемой региональной координационной рамки. Иными словами, функция экономического сотрудничества состоит в трансформации абстрактной идеи сообщества в «видимую общую выгоду» и в накопление «инерции сотрудничества», что повышает структурную связанность отношений.

В этом смысле инициативу «Пояс и путь» следует понимать не только как проектно-ориентированную платформу сотрудничества в сфере развития, а скорее как инструмент строительства сообщества²¹⁰. По мере углубления взаимосвязанности и промышленной кооперации экономические отношения Китая и АСЕАН постепенно эволюционируют от обменной взаимозависимости, основанной преимущественно на торговле, к структурной взаимозависимости, ядром которой становятся производственные сети и пространственная организация. Сформированные инфраструктурные сети порождают сетевые эффекты: они влияют на потоки инвестиций, размещение промышленности и рыночные ожидания, тем самым усиливая устойчивость отношений сотрудничества. Таким образом, инфраструктура и экономические

²¹⁰ 《共建“一带一路”：构建人类命运共同体的重大实践》白皮书[Белая книга Строительство "ОПОП": основная практика построения сообщества человеческой судьбы] // 中华人民共和国国务院新闻办[Информационное бюро Государственного совета КНР]. 10.10.2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/zhengce/202310/content_6907994.htm (дата обращения: 13.02.2024).

сети выступают не просто «носителями» сотрудничества, а структурными условиями, которые существенно затрудняют его обратимость под воздействием краткосрочных политических колебаний.

Однако одной лишь материальной взаимосвязанности недостаточно для обеспечения долгосрочного сотрудничества. При отсутствии стабильных институциональных и нормативных механизмов экономическая взаимозависимость под воздействием внешних шоков или изменений внутренней политики нередко оказывается уязвимой. Поэтому переход от проектно-ориентированной модели к более устойчивому структурному формату во многом зависит от того, способны ли закреплённые договорённости встроить сотрудничество в чёткую и предсказуемую систему правил.

Последовательное обновление Зоны свободной торговли Китай–АСЕАН и вступление в силу ВРЭП, устанавливая единые правила в сфере тарифов, правил происхождения и облегчения инвестиций, обеспечивают институциональные гарантии регионального сотрудничества²¹¹ и придают большую стабильность экономическим связям, сформированным в результате взаимосвязанности. Для строительства сообщества это означает, что взаимодействие начинает функционировать на основе правил, а не разрозненных политических мер, благодаря чему заметно повышается его долгосрочная устойчивость.

Финансовое сотрудничество, в свою очередь, выступает ключевым

²¹¹ RCEP政策红利促中国与东盟经贸往来加速增长[Преимущества политики RCEP ускоряют торговый и экономический рост между Китаем и АСЕАН] // 人民日报[Газета «Жэньминь жибао»]. 09.08.2022. [Электронный ресурс]. URL: https://paper.people.com.cn/rmrbhwb/html/2022-08/09/content_25933127.htm (дата обращения: 13.10.2025).

связующим звеном в данной институциональной цепочке. Инфраструктура и промышленное взаимодействие характеризуются длительным циклом и высокой капиталоемкостью. При нестабильных механизмах финансирования и недостаточной системе распределения рисков проекты могут прерываться на промежуточной стадии, что подрывает доверие к сотрудничеству и к самой идее сообщества. Роль финансового взаимодействия заключается не только в предоставлении ресурсов, но и в обеспечении институциональной поддержки долгосрочных проектов — через многосторонние финансовые платформы и механизмы распределения рисков.

Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) широко использует софинансирование и многосторонние процедуры управления проектами, что позволяет распределять финансовые риски и повышать устойчивость сотрудничества²¹². Одновременно подчёркивание прозрачности правил и стандартов управления при утверждении и реализации проектов способствует росту политического принятия соответствующих инициатив со стороны стран региона.

В то же время заметен прогресс во взаимосвязи трансграничных платежей и расчётов в ряде стран. По имеющимся данным, около 100 банков стран АСЕАН прямо или косвенно подключены к системе межбанковских трансграничных платежей в юанях²¹³. Это показывает, что сотрудничество постепенно выходит за рамки простого предоставления капитала и распространяется на уровень финансовой инфраструктуры — клиринга и

²¹² Yu Hong. Understanding China's belt and road initiative. Singapore: Springer Nature Singapore, 2024. P. 163.

²¹³ ASEAN, China promote cross-border payments // Vietnam. 26.04.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://en.vietnamplus.vn/asean-china-promote-cross-border-payments-post318203.vnp?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 13.10.2025).

расчётов.

По мере развития взаимосвязи трансграничных розничных платежей, совместимости QR-кодов и договорённостей о расчётах в национальных валютах снижается зависимость транзакций от посреднических цепочек и конвертации валют, что уменьшает транзакционные издержки и повышает эффективность расчётов. В этом смысле роль финансового сотрудничества в строительстве сообщества состоит не только в расширении масштабов финансирования, но и в формировании более предсказуемых и устойчивых к потрясениям условий для торговых и инвестиционных обменов — через взаимосвязь платёжно-расчётных систем и рамки расчётов в национальных валютах. Это позволяет отношениям взаимозависимости сохранять большую устойчивость на фоне внешней финансовой волатильности и политической неопределённости.

Если экономическое, институциональное и финансовое сотрудничество формируют видимую основу общих интересов и обеспечивают относительно стабильную поддержку строительства сообщества, то политическое доверие и сотрудничество в сфере безопасности в большей степени определяют, сможет ли сообщество эволюционировать от формата, сосредоточенного на развитии, к более комплексной и устойчивой региональной структуре. Такое положение связано с тем, что вопросы безопасности непосредственно затрагивают суверенную чувствительность и различия в стратегическом восприятии. Кроме того, они легче поддаются влиянию внешнего вмешательства, внутренней политической мобилизации и «эффектам усиления» в условиях чрезвычайных обстоятельств.

Поэтому значение сотрудничества в сфере безопасности в контексте

сообщества состоит не в устранении разногласий как таковых, а в способности эффективно ими управлять. Иными словами, при сохранении в краткосрочной перспективе трудно согласуемых суверенных позиций важно снижать вероятность конфликтов, сужать пространство для ошибок восприятия и поддерживать устойчивость механизмов взаимодействия — через диалоговые форматы, контроль рисков и практические договорённости о сотрудничестве.

В этом смысле, учитывая долгосрочный и комплексный характер проблемы Южно-Китайского моря, её значение не следует сводить к окончательному урегулированию спора. Для строительства сообщества более реалистичная функция сотрудничества в сфере безопасности состоит в том, чтобы, исходя из принципа «сдерживания разногласий и расширения сотрудничества», перевести управление спорными вопросами в относительно предсказуемое процедурное русло. Через постоянные консультации и механизмы кризисной коммуникации стороны могут поддерживать минимально необходимый уровень стабильности и порядка²¹⁴.

По сравнению с такими высокочувствительными вопросами, как проблема Южно-Китайского моря, сфера нетрадиционной безопасности открывает для строительства сообщества пространство сотрудничества с низкой политической чувствительностью и высокой управленческой востребованностью. Вопросы нетрадиционной безопасности — включая борьбу с терроризмом и транснациональной преступностью, стихийными бедствиями, общественное здравоохранение и кибербезопасность — обладают

²¹⁴ Ding Duo. Beijing's approach to South China Sea tensions: reduce now, resolve later // Institute for China-America Studies. 24.04.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://chinaus-icas.org/research/beijings-approach-to-south-china-sea-tensions-reduce-now-resolve-later/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 13.10.2025).

выраженной трансграничностью и характеристиками общественного блага. Риски в этих сферах во многом совпадают, что придаёт сотрудничеству более универсальный характер.

Кроме того, по сравнению с традиционными угрозами, взаимодействие в сфере нетрадиционной безопасности связано с меньшей суверенной чувствительностью и более низкими политическими издержками, поэтому решения здесь чаще ориентированы на долгосрочные меры реагирования и на укрепление потенциала государства и общества. Через техническую координацию²¹⁵ такое сотрудничество может постепенно приобретать более устойчивые формы и выходить на уровень закреплённых механизмов, повышая способность региона к совместному противодействию рискам.

Укрепление политической координации также играет важную роль в процессе формирования сообщества. Такие механизмы и документы, как саммит Китай—АСЕАН, встречи лидеров в рамках Восточноазиатского сообщества и «Видение стратегического партнёрства Китай—АСЕАН до 2030 года»²¹⁶, обеспечивают стабильную основу для политической координации между сторонами. В то же время Китай подчеркивает уважение центральной роли АСЕАН и принципу консенсуса, что облегчает интеграцию построения сообщества в существующую региональную систему правил АСЕАН. В результате в сфере безопасности значение этого процесса проявляется не столько в устранении разногласий, сколько в поддержании управляемости

²¹⁵ Wibisono A.A. ASEAN-China non-traditional security cooperation and the inescapability of the politics of security // Jurnal Global dan Strategis. 2017. No 11(1). P. 44.

²¹⁶ 中国—东盟战略伙伴关系2030年愿景[Стратегическое партнерство Китая и АСЕАН Видение 2030] // 中华人民共和国外交部[МИД КНР]. 15.11.2018. [Электронный ресурс]. URL: http://switzerlandemb.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gjhdqzz_681964/lhg_682518/zywj_682530/201811/t20181115_9386085.shtml (дата обращения: 13.02.2024).

рисков, устойчивости коммуникации и стабильного функционирования механизмов сотрудничества.

Более глубокие гуманитарные обмены и общественные взаимодействия являются ключевым фактором формирования долгосрочной, устойчивой и стабильной основы сообщества. Трудности строительства сообщества, опирающегося исключительно на межправительственные договорённости, во многом связаны с высокой неоднородностью социального пространства Юго-Восточной Азии: между странами существуют заметные различия в исторической памяти, национальной идентичности, медиасреде и внешнеполитической ориентации. Кроме того, общественное восприятие внешнего сотрудничества сильнее подвержено влиянию чрезвычайных событий, медиамобилизации и конкуренции внешних нарративов.

В этих условиях при недостаточном уровне общественного понимания и принятия может возникать разрыв между активным продвижением сотрудничества со стороны правительств и ограниченным общественным откликом, что в долгосрочной перспективе ослабляет социальную устойчивость и политическую преемственность сообщества.

Поэтому с точки зрения строительства сообщества ключевая функция гуманитарных обменов заключается не только в простом увеличении числа контактов: гораздо важнее снижение издержек восприятия и взаимного непонимания, формирование минимально необходимого уровня доверия и коммуникации между обществами, позволяющих сотрудничеству сохранять базовую общественную поддержку перед лицом внешних потрясений. Иными словами, гуманитарные обмены — не декоративное дополнение к экономическому взаимодействию, а одно из условий долгосрочного

функционирования сообщества. Через регулярные контакты они превращают абстрактный нарратив в ощутимые социальные связи и формируют для сообщества пространство присутствия в публичном дискурсе и социальной психологии.

Исходя из этого, Китай в ходе продвижения «сообщества единой судьбы Китая и АСЕАН» постепенно расширяет многомерные платформы гуманитарных обменов, уделяя особое внимание долгосрочным направлениям: образовательному сотрудничеству, молодёжным обменам, взаимодействию на местном уровне и культурным инициативам. В частности, взаимное признание образовательных документов, стипендиальные программы, профессиональная подготовка и регулярное академическое сотрудничество в перспективе формируют основу для взаимного понимания опыта развития и институциональных практик. Одновременно через наращивание потенциала и процессы социализации расширяются круг участников и уровень вовлечённости в сотрудничество ²¹⁷. На фоне улучшения условий взаимосвязанности продолжается рост туризма и межличностных обменов, что повышает частоту повседневных контактов и облегчает переход сотрудничества от элитно-ориентированных инициатив к широкому общественному измерению.

По мере того как сообщество укрепляется в политической, экономической, политико-безопасностной и социокультурной сферах, его влияние на конфигурацию китайской периферийной дипломатии приобретает всё более наблюдаемые структурные черты. Значение концепции сообщества

²¹⁷ 向芳青,王友云 [Сян Фанцин, Ван Юйюнь]. 中国-东盟构建更加紧密命运共同体路径探讨[Исследование пути создания более тесного сообщества судьбы между Китаем и АСЕАН] // 时代经贸[Таймс: Экономика и торговля]. 2023. Т. 20. № 6. С. 87.

состоит не в замене двусторонней дипломатии, а в том, чтобы через региональные платформы и закреплённые договорённости встраивать двусторонние отношения в более устойчивые сети сотрудничества. Это повышает предсказуемость и преемственность взаимодействия и снижает издержки неопределённости, которые приносят колебания периферийной среды в периферийную стратегию Китая.

В этом процессе развитие отношений Китая с АСЕАН всё более проявляется как путь многостороннего периферийного встраивания: устойчивость достигается через сеть механизмов, а неопределённость снижается за счёт управления правилами и повесткой, а не опоры на единичные вопросы или краткосрочные политические возможности.

В целом, реализация «сообщества единой судьбы Китая и АСЕАН» представляет собой не разовый политический проект, завершаемый декларативным актом, а долгосрочный процесс. Его основным носителем выступает устойчиво организованное сотрудничество, ключевой целью — закрепление долгосрочной устойчивости механизмов. В структурном измерении периферийной дипломатии этот процесс, с одной стороны, обеспечивает Китаю достаточно стабильную опору для взаимодействия на юго-восточном направлении, а с другой — создаёт условия для формирования поддающегося оценке пути практической реализации соответствующих концепций на региональном уровне. В условиях обострения конкуренции в сфере международных правил и механизмов данная практика, в свою очередь, создаёт основу для расширения участия Китая в формировании институционального порядка в отношениях с соседними странами.

Логика продвижения проявляется следующим образом: экономическая

взаимозависимость и взаимосвязанность формируют идентифицируемые общие интересы, правила и механизмы переводят сотрудничество с проектного уровня в более устойчивую и предсказуемую структуру. В сфере безопасности, включая нетрадиционные аспекты, управление рисками и наращивание потенциала расширяют функциональный охват сообщества. Наконец, регулярный политический диалог и гуманитарные обмены укрепляют его социальную поддержку.

В то же время строительство сообщества постоянно сталкивается с ограничениями: внешней стратегической конкуренцией, различиями внутри АСЕАН и рисками экстернализации высокочувствительных вопросов. Результативность зависит от способности сотрудничества непрерывно производить ощутимые общественные блага и сохранять устойчивость механизмов при уважении центральной роли АСЕАН и принципа инклюзивности. В этих рамках позиция АСЕАН в китайской периферийной дипломатии проявляется не только как важное направление сотрудничества, но и как институционально насыщенная, ориентированная на правила региональная среда. Именно она способна трансформировать китайскую концепцию сообщества в функционирующую структуру взаимодействия и «проверять» её на устойчивость и воспроизводимость.

На этой основе в третьей главе аналитическая перспектива смещается с уровня отношений Китая с соседними странами на глобальный уровень. В центре внимания — то, как АСЕАН в качестве институционально оформленного региона в ходе взаимодействия воспринимает и транслирует более целостное представление о мировом порядке, которые Китай продвигает через глобальные инициативы в сферах развития, безопасности и цивилизации.

Тем самым формируются отношения взаимного влияния по линии «глобальная концепция — региональная практика».

ГЛАВА 3. ГЛОБАЛЬНЫЕ ИДЕИ СИ ЦЗИНЬПИНА ДЛЯ ВСЕГО МИРА И СТРАН АСЕАН

Если «СЕСЧ» образует общий ценностный каркас внешнеполитического мышления Си Цзиньпина, то три глобальные инициативы — в сфере глобального развития, глобальной безопасности и глобальной цивилизации — могут быть поняты как операционализированное развертывание этого каркаса в конкретных тематических направлениях и траекториях глобального управления. В отличие от макроуровневых ценностных деклараций, «инициативная» дипломатия в большей степени делает акцент на осуществимости процессов: выборе повестки, конфигурации инструментов и встраивании механизмов. Это, в свою очередь, предполагает наличие регионального пространства, способного на институциональном уровне не только «нести» соответствующие идеи, но и проверять их практическую эффективность.

Исходя из этой логики, настоящая глава смещает аналитический масштаб от регионального фокуса периферийной дипломатии к регионализированным точкам приложения глобальных управленческих идей. В центре внимания — методологически значимый вопрос: каким образом глобальное мышление Си Цзиньпина получает устойчивое институциональное воплощение в высокоорганизованном региональном пространстве АСЕАН. Рассматривается также, почему именно это пространство становится важным образцом практической верифицируемости, воспроизводимости и последующего распространения глобальных инициатив Китая.

3.1. Содействие глобальному и региональному экономическому развитию

Во второй главе последовательно рассмотрены приоритетное положение АСЕАН в периферийной дипломатии Китая, практические траектории инициативы «Пояс и путь» в Юго-Восточной Азии, а также механизмы продвижения идеи «сообщества единой судьбы Китая и АСЕАН». При переходе к экономической проблематике вектор анализа в настоящей главе смещается: он больше не ограничивается описательными оценками - «расширение масштабов сотрудничества» или «значительные результаты взаимосвязанности», а фиксирует переход от предъявления фактов к объяснению механизмов.

В данном параграфе будет показано, каким образом сотрудничество Китая и АСЕАН организуется и нормируется в рамках глобальной повестки развития Си Цзиньпина, институционально оформленной через Инициативу глобального развития (ИГР). Также рассматривается, как по мере длительного функционирования это взаимодействие приобретает более устойчивые формы, и оказывает верифицируемое воздействие на региональное экономическое управление. Иными словами, фокус параграфа не только остается на том, «что было сделано», но и охватывает вопросы того, «как это происходит» и почему рассматриваемое сотрудничество может подниматься до уровня регионального образца. Такой образец, в свою очередь, позволяет глубже понять базовую логику участия Китая в глобальном экономическом управлении.

В настоящее время глобальная экономика переживает глубокую

структурную перестройку. Ослабление импульса глобализации, углубление разрыва в развитии между Севером и Югом, дефицит глобальных общественных благ и дисбалансы международной финансовой системы приводят к тому, что «развитие» постепенно превращается из вопроса экономического роста в проблему глобального управления. Для широкого круга развивающихся стран рост дефицита финансирования, недостаточность инфраструктуры, замедление промышленной модернизации и углубление цифрового разрыва означают, что проблематика развития всё меньше сводится к темпам роста и всё в большей степени описывается категориями инклюзивности, справедливости и устойчивости.

На этом фоне Председатель КНР Си Цзиньпин 21 сентября 2021 года на 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН выдвинул Инициативу глобального развития²¹⁸. Инициативу можно рассматривать как институциональный ответ Китая на структурные дисбалансы в системе глобального управления развитием. В отличие от традиционных моделей сотрудничества в целях развития, ориентированных преимущественно на объёмы помощи или количество проектов, идейная основа ИГР исходит из понимания развития как ключевой переменной, определяющей способность мирового сообщества отвечать на глобальные вызовы. Она предполагает укрепление управленческого потенциала стран Глобального Юга и расширение их участия в международных институтах развития²¹⁹. Си Цзиньпин подчеркнул, что

²¹⁸ 习近平在第七十六届联合国大会一般性辩论上的讲话（全文）[Выступление Си Цзиньпина на общих прениях 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (полный текст)]. Указ. соч.

²¹⁹ 王明国[Ван Минго]. 全球发展倡议与全球发展治理体系变革[Инициативы глобального развития и изменения в системе управления глобальным развитием] // 当代世界[Современный мир]. 2024. № 8. С. 28.

«развитие — это универсальный ключ к решению всех мировых проблем»²²⁰, а значит оно не должно оставаться лозунгом и должно воплощаться в практических действиях по продвижению всеобщего процветания.

На уровне политической рамки ИГР соотносится с Повесткой ООН в области устойчивого развития до 2030 года, выдвигая в качестве приоритетов развитие, сотрудничество на основе взаимной выгоды, инновационное развитие, «зелёную» трансформацию и гармоничное сосуществование человека и природы. Её цель состоит в том, чтобы через формирование более инклюзивной и устойчивой сети международного сотрудничества в целях развития повысить приоритетность повестки развития в системе глобального управления и содействовать более справедливому распределению права на формирование повестки²²¹.

Следовательно, ИГР является не только политическим выражением внешнего сотрудничества Китая в целях развития, но и набором управленческих идей с выраженной ориентацией на правила. В рамках этой логики предполагается постепенный переход от модели «поставка ресурсов/поставка проектов» к более структурной траектории — укреплению управленческого потенциала и расширению институционального участия. Тем самым инициатива стремится повысить институциональную видимость стран глобального Юга в мировой повестке развития и усилить их способность артикулировать собственные интересы.

²²⁰ 习近平[Си Цзиньпин]. 习近平谈治国理政（第2卷）[Си Цзиньпин. О государственном управлении (том 2)]. Указ. соч. 2017. С. 512.

²²¹ 全球发展倡议实践成就与世界贡献[Практические достижения Глобальной инициативы развития и её вклад в мировое развитие] // 中华人民共和国外交部[МИД КНР]. 17.10.2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/dnzt_674981/qtzt/qqfzcy/zywj/202310/P020231018368202971513.pdf (дата обращения: 13.10.2025).

С точки зрения ИГР регион АСЕАН демонстрирует типичный резонанс между институтами и потребностями, что придаёт ему особую значимость. С одной стороны, АСЕАН является одним из наиболее институционально зрелых региональных объединений Глобального Юга и обладает сравнительно высокой способностью к формированию повестки. «Путь АСЕАН» («ASEAN Way»), механизм принятия решений на основе консенсуса и соответствующие принципы функционирования закреплены в Уставе АСЕАН²²². Принцип центральной роли АСЕАН также отражён в документах региональной архитектуры как базовая основа продвижения сотрудничества. Кроме того, интеграционные «дорожные карты», такие как Экономическое сообщество АСЕАН (ASEAN Economic Community, АЕС)²²³ и Генеральный план по обеспечению взаимосвязанности АСЕАН 2025 (Master Plan on ASEAN Connectivity 2025, МРАС 2025)²²⁴ создают институциональную платформу для встраивания внешних инициатив развития в региональную повестку и механизмы сотрудничества АСЕАН. Это означает, что внешнее сотрудничество Китая в целях развития не обязательно должно опираться на разрозненные двусторонние проекты: оно может получать сопряжение через уже существующие региональные механизмы, чтобы повысить стабильность и предсказуемость взаимодействия.

С другой стороны, внутри АСЕАН сохраняются выраженные структурные различия в развитии, обладающие признаками устойчивости. Между государствами-членами существуют долгосрочные расхождения по

²²² The ASEAN Charter. Op. cit.

²²³ ASEAN Outlook on the Indo-Pacific // ASEAN Secretariat. 2019. [Электронный ресурс]. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/01/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf (дата обращения: 13.05.2025).

²²⁴ Master Plan on ASEAN Connectivity 2025. Op. cit.

уровню экономического развития, отраслевой структуре, ресурсной обеспеченности и институциональному потенциалу, которые обусловлены не краткосрочными колебаниями, а совокупностью структурных факторов²²⁵. В таких условиях большинство стран АСЕАН находится на этапе, когда продвижение индустриализации сочетается с цифровой трансформацией. Это порождает высокий спрос на инфраструктурное развитие, модернизацию производственно-сбытовых цепочек, «зелёный» энергетический переход и цифровое управление.

Быстрая урбанизация и рост населения дополнительно усиливают давление на общественные услуги и городскую инфраструктуру, из-за чего возрастает потребность АСЕАН в общественных благах, рассчитанных на долгий горизонт и обеспеченных институциональной поддержкой. С точки зрения спроса АСЕАН демонстрирует относительно чёткую повестку развития и запрос на наращивание потенциала, что делает регион важным пространством для практического воплощения ИГР.

Именно в этом контексте развёртывание глобальной повестки развития Си Цзиньпина на направлении АСЕАН проявляется как поступательный процесс, включающий регионализацию приоритетов, встраивание механизмов и распространение структурных эффектов. Через этот процесс АСЕАН перестаёт быть лишь совокупностью объектов внешнего экономического сотрудничества Китая и постепенно становится ключевым кейсом, в рамках которого глобальная идея развития получает региональное развёртывание и практическую проверку.

²²⁵ Вялых М.А. Причины сохранения разрывов в уровне развития стран-членов АСЕАН. Указ. соч. С. 42.

На нормативном уровне ИГР подчёркивает приоритетность развития и инклюзивного роста, однако её управленческое значение в конкретном регионе определяется не полнотой идеи как таковой, а тем, способна ли она через операциональные процедуры выбора приоритетов обеспечить эффективный «перевод» от глобального нарратива к региональной повестке развития. В случае АСЕАН такой перевод не сводится к простому «проецированию» политики. Напротив, он осуществляется при уважении существующих планов развития и договорённостей Ассоциации — через сопряжение тематики и координацию политики. Благодаря этому глобальная идея развития Китая встраивается в структуру регионального спроса и формирует направления сотрудничества, обладающие практической направленностью и долгосрочными структурными эффектами.

В этом смысле регионализация повестки является первичным звеном «приземления» ИГР в АСЕАН и предпосылкой последующего встраивания механизмов и устойчивого функционирования. В логике данного параграфа взаимосвязанность, кооперация производственно-сбытовых цепочек, цифровая экономика и «зелёная» трансформация образуют четыре ключевые опоры регионализации повестки ИГР на направлении АСЕАН.

Взаимосвязанность и обновление инфраструктуры формируют наиболее базовую и одновременно наиболее устойчивую область сотрудничества. Региональные планы АСЕАН закрепили взаимосвязанность как ключевой путь продвижения интеграции и повышения конкурентоспособности. В Генеральном плане по обеспечению взаимосвязанности АСЕАН на 2025 год соответствующие направления получили институциональное оформление: устойчивая инфраструктура, бесшовная логистика, регуляторное

совершенствование, цифровые инновации и мобильность граждан²²⁶. В Азии (в том числе, Юго-Восточной) на протяжении длительного времени сохраняется существенный дефицит инфраструктурных инвестиций в сферах транспорта, электроэнергетики, связи и водного хозяйства, который преимущественно рассматривается как «узкое место», повышающее транспортные и транзакционные издержки и ограничивающее рыночную интеграцию и инклюзивный рост²²⁷. Подобные ограничения сдерживают не только развитие внутренних рынков, но и углубление интеграции торговли и инвестиций.

С точки зрения ИГР инфраструктурное сотрудничество представляет собой не только строительство объектов, но и важный фактор, определяющий долгосрочные условия регионального развития. По мере развития транспортной и логистической инфраструктуры движение факторов производства становится более свободным, снижаются транзакционные издержки и постепенно формируются новые условия для размещения производства и регионального разделения труда. В этих условиях взаимосвязанность становится одним из ключевых направлений участия Китая в региональном развитии АСЕАН, данный подход в большей степени ориентирован на долгосрочные потребности, а не на краткосрочную выгоду.

На основе «жёсткой взаимосвязанности» второй ключевой опорой регионализации повестки становится кооперация производственно-сбытовых цепочек. Исследования Азиатского банка развития (АБР), посвящённые

²²⁶ Master Plan on ASEAN Connectivity 2025. Op. cit.

²²⁷ Meeting Asia's Infrastructure Needs: Highlights // Asian Development Bank. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/227496/special-report-infrastructure-highlights.pdf> (дата обращения: 13.12.2025).

интеграции АСЕАН в глобальные цепочки стоимости, показывают, что регион превратился в важный узел транснациональных производственных сетей: участие обрабатывающей промышленности в глобальных цепочках стоимости заметно возросло. Одновременно усилился запрос на повышение устойчивости и «экологичности» этих цепочек²²⁸. Китай, будучи одним из центров глобальных производственных цепочек, обладает заметными преимуществами в производственной кооперации, индустриальных компетенциях и интеграции цепочек поставок. По мере роста в Китае издержек труда, распространения стратегий «China+1» и диверсификации цепочек поставок перенос части трудоёмких и средне-/низкотехнологичных производственных звеньев в Юго-Восточную Азию стал устойчивой тенденцией²²⁹. Благодаря обильному предложению рабочей силы, продолжающейся либерализации и облегчению инвестиций, а также масштабу регионального рынка АСЕАН становится одним из ключевых направлений для размещения производств²³⁰.

В логике ИГР эта тенденция трактуется не как простая экстернализация мощностей, а как процесс, которому придаётся управленческое значение: через кооперацию цепочек повышается локальная способность развития. В результате цели взаимодействия смещаются от разового расширения инвестиций к развитию местных кооперационных систем и промышленного

²²⁸ Viegelahn C., Huynh P., Kim K.B. ASEAN and Global Value Chains: Locking in Resilience and Sustainability // Manila: Asian Development Bank. 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://dx.doi.org/10.22617/SPR230100-2> (дата обращения: 13.12.2025).

²²⁹ Wihardja M.M., Low M. Has China's Great Relocation Helped Southeast Asia Industrialise? // ISEAS – Yusof Ishak Institute. 02.05.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://fulcrum.sg/has-chinas-great-relocation-helped-southeast-asia-industrialise/> (дата обращения: 13.12.2025).

²³⁰ ASEAN Investment Report 2022 // ASEAN Secretariat. 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2022/10/AIR2022-Web-Online-Final-211022.pdf> (дата обращения: 13.05.2025).

потенциала.

На этом фоне промышленная кооперация Китая и АСЕАН углубляется. Китайские предприятия создали в странах АСЕАН ряд промышленных парков, включая Малайзийско-китайский промышленный парк Куантан, индонезийский промышленный парк Моровали и парк в районе Районг в Таиланде. Эти площадки не только привлекают производственные компании из Китая и других стран, но и через агломерацию предприятий верхних и нижних звеньев, развитие локальных поставщиков и совместное развитие инфраструктуры содействуют формированию более целостных производственных цепочек и систем снабжения.

Тем самым промышленные парки становятся устойчивой организационно-пространственной опорой кооперации. Они позволяют переводить отдельные проекты в расширяемые промышленные сети и поддерживать длительное взаимодействие в более стабильных координационных рамках.

Управленческое значение «парковой» и «цепочечной» кооперации заключается в том, что развитие сотрудничества встраивается в существующие региональные политики и рамки промышленного управления АСЕАН. Это снижает риск фрагментации и повышает предсказуемость взаимодействия. В результате промышленное сотрудничество Китая и АСЕАН демонстрирует переход от проектной ориентации к построению системы: оно всё меньше зависит от краткосрочной выгоды отдельных отраслей и проектов и всё больше опирается на сопряжение промышленной конфигурации и институционального обеспечения, переводя связи «производство—торговля—инвестиции» в сетевой и системный режим.

По сравнению с традиционной инфраструктурой и промышленной кооперацией цифровая экономика и инфраструктура нового типа в последние годы становятся новым источником роста в региональной повестке. В Цифровом генеральном плане АСЕАН 2025 (ASEAN Digital Masterplan 2025) цифровая трансформация прямо обозначена как важный путь повышения региональной конкурентоспособности и инклюзивного роста; цифровая инфраструктура, цифровые навыки, инновации и безопасная, заслуживающая доверия цифровая среда включены в рамку действий²³¹.

Вместе с тем различия между странами АСЕАН по технологическим возможностям, зрелости регулирования и готовности цифровой инфраструктуры остаются значительными²³². Собственные отчёты АСЕАН по оценке цифровой интеграции фиксируют неравномерный прогресс в электронной коммерции, управлении данными, цифровых платежах и трансграничной цифровой взаимосвязанности²³³. Исследования Всемирного банка также отмечают структурные ограничения, связанные с качеством и доступностью подключения, цифровыми платежами и логистикой, а также цифровыми навыками. В результате «цифровой разрыв» сочетается с «разрывом в способности»²³⁴. На фоне высокой чувствительности стран

²³¹ ASEAN Digital Masterplan 2025 // ASEAN Secretariat. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/08/ASEAN-Digital-Masterplan-2025.pdf> (дата обращения: 14.12.2025).

²³² Бурова Е.С. Тенденции цифровой трансформации Таиланда // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27. № 3. С. 47–50.

²³³ ADII Report 2021: ASEAN Digital Integration Index // ASEAN Secretariat. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/09/ADII-Report-2021.pdf> (дата обращения: 14.12.2025).

²³⁴ The Digital Economy in Southeast Asia: Strengthening the Foundations for Future Growth // Washington, DC: World Bank. 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/328941558708267736/pdf/The-Digital-Economy-in-Southeast-Asia-Strengthening-the-Foundations-for-Future-Growth.pdf> (дата обращения: 14.12.2025).

АСЕАН к вопросам «цифрового суверенитета» и локализации данных складывается комплексная характеристика цифрового управления в регионе: «высокий спрос — высокий потенциал — высокая чувствительность». Поэтому цифровое сотрудничество естественным образом становится одним из ключевых направлений практики ИГР в АСЕАН.

С одной стороны, сотрудничество Китая и АСЕАН в цифровой инфраструктуре, электронной коммерции, цифровых платежах и «умных городах» предоставляет региону технологии, капитал и практический опыт, позволяющие сокращать цифровой разрыв. В 2020 году Китай и АСЕАН на уровне лидеров подтвердили создание партнёрства по сотрудничеству в цифровой экономике. Приоритетами были обозначены строительство цифровой инфраструктуры, сотрудничество в цифровых отраслях, «умные города» и наращивание цифрового потенциала, а также содействие согласованию политики, обмену стандартами и технологическому взаимодействию²³⁵.

С другой стороны, координация политики в регулировании трансграничной электронной коммерции, потоков данных, защиты потребителей и кибербезопасности придаёт цифровому сотрудничеству характер совместной выработки правил и управления рисками в новых сферах²³⁶. Тем самым цифровая экономика выступает не только новой темой

²³⁵ 中国—东盟领导人关于建立数字经济合作伙伴关系的倡议 [Инициатива по созданию партнёрства между АСЕАН и Китаем в области цифровой экономики] // 中华人民共和国外交部 [МИД КНР]. 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjdt_674879/2649_674911/202011/t20201112_4687966.shtml (дата обращения: 14.12.2025).

²³⁶ 王琳智 [Ван Линьчжи]. 中国-东盟加强数字治理合作的有效路径 [Эффективные пути углубления сотрудничества Китая и АСЕАН в сфере цифрового управления] // 中国社会科学网 [Китайская сеть общественных наук]. 27.06.2025. [Электронный ресурс].

взаимодействия, но и областью, в которой ИГР реализует связку «наращивание потенциала — сопряжение правил — управление рисками» на направлении АСЕАН.

«Зелёная» трансформация и устойчивое развитие образуют ещё одно ключевое измерение регионализации повестки. По мере углубления последствий изменения климата и роста значимости глобальной «зелёной» повестки страны АСЕАН испытывают возрастающее давление: требуется перестройка энергетической структуры, усиление экологической защиты, выполнение обязательств по сокращению выбросов и развитие инструментов «зелёного» финансирования. При этом многие государства сталкиваются с дефицитом технологий, ограниченностью финансирования и недостаточной проработанностью институтов и процедур.

На региональном уровне АСЕАН через План действий АСЕАН по сотрудничеству в сфере энергетики (ASEAN Plan of Action for Energy Cooperation, АРАЕС) 2016–2025 (Этап II: 2021–2025) закрепила развитие возобновляемой энергетики, повышение энергоэффективности и региональную взаимосвязанность энергосетей в качестве общих приоритетов. Это отражает переход от разрозненных национальных усилий к более согласованной региональной логике²³⁷. Однако долгосрочный капитал и проектно-управленческие компетенции, необходимые для «зелёной» трансформации, остаются дефицитными: исследования ПРООН по

URL:

https://www.cssn.cn/zkzg/zkzg_gxzkdzx/zkzg_gxdzyx_yc/202506/t20250627_5883790.shtml
(дата обращения: 14.12.2025).

²³⁷ ASEAN Plan of Action for Energy Cooperation (APAEC) 2016–2025. Phase II: 2021–2025 // ASEAN Secretariat. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2023/04/ASEAN-Plan-of-Action-for-Energy-Cooperation-APAEC-2016-2025-Phase-II-2021-2025.pdf> (дата обращения: 16.12.2025)

климатическому финансированию в АСЕАН подчёркивают устойчивый разрыв между спросом и притоком средств, а недостаточность финансирования и управленческой способности напрямую влияет на качество проектов по сокращению выбросов и адаптации²³⁸.

Продвигаемые Китаем в АСЕАН «зелёная» инфраструктура, сотрудничество в области возобновляемой энергетики и сопряжение «зелёного» финансирования фактически выполняют двойную функцию. С одной стороны, поддержка проектов, ориентированных на чистую энергетику, «зелёный» транспорт и экологическое восстановление формирует для стран АСЕАН практическую траекторию снижения экологических издержек при сохранении роста и способствует накоплению инженерных и проектно-управленческих компетенций. С другой стороны, управленческий эффект связан с сопряжением стандартов и правил «зелёного» финансирования: унификация критериев, повышение прозрачности и координация правил привлечения средств снижают институциональные барьеры в трансграничных процессах «зелёных» инвестиций и повышают предсказуемость сотрудничества.

Соответствующие политические документы подтверждают важность этого направления, включая Совместное заявление АСЕАН—Китай об укреплении сотрудничества в области «зелёного»²³⁹ и устойчивого развития

²³⁸ Parliamentary Oversight of Climate Finance in ASEAN // United Nations Development Programme (UNDP). 21.07.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.undp.org/asia-pacific/publications/parliamentary-oversight-climate-finance-asean> (дата обращения: 16.12.2025).

²³⁹ ASEAN–China Joint Statement on Enhancing Green and Sustainable Development Cooperation // ASEAN Secretariat. 26.10.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/10/65.-Final-ASEAN-China-Joint-Statement-on-Green-and-Sustainable-Development-Cooperation.pdf> (дата обращения: 14.12.2025).

(2021) и Совместное заявление об укреплении совместного устойчивого развития Китая и АСЕАН (2022)²⁴⁰. В них «зелёная» и низкоуглеродная трансформация, «зелёные» инвестиции и финансирование, а также наращивание потенциала обозначены как приоритеты; подчёркивается и необходимость механизмов их последовательного продвижения на региональном уровне. Это показывает, что «зелёное» сотрудничество перестаёт быть вспомогательной темой и постепенно превращается в политическую опору, соединяющую проектную практику, финансовые инструменты и институциональное сопряжение.

Если ограничиться уровнем тематик, ИГР может восприниматься как макронарратив развития, политическое значение которого выражается скорее в декларациях, чем в управленческой практике. Её «институциональная жизнь» на направлении АСЕАН определяется не количеством проектов, а тем, может ли инициатива через устойчивую и воспроизводимую траекторию встраивания механизмов быть интегрирована в существующую региональную структуру управления развитием. Именно поэтому «встраивание механизмов» выступает центральным звеном трансформации ИГР из политической инициативы в управленческую структуру.

Инициатива «Пояс и путь» как инструмент развития предоставила видимый и осязаемый материальный приемр сотрудничества Китая и АСЕАН, обеспечив практический «якорь» взаимодействия. Проекты инфраструктуры и взаимосвязанности не только улучшают транспортные, логистические и

²⁴⁰ 关于加强中国—东盟共同的可持续发展联合声明（全文）[Совместное заявление о укреплении общего устойчивого развития Китая и АСЕАН (полный текст)] // 中华人民共和国外交部[МИД КНР]. 12.11.2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/202211/t20221112_10973110.shtml (дата обращения: 14.12.2025).

энергетические условия, но и на уровне управления изменяют траектории движения факторов и структуру издержек, перестраивая пространственную логику региональной экономической активности.

В контексте АСЕАН системное продвижение железной дороги Китай—Лаос, высокоскоростной железной дороги Джакарта—Бандунг, сети Паназиатской железной дороги, а также портов и сухопутных коридоров повысило структурную связанность внутриконтинентальных стран, традиционно находившихся на периферии региональной структуры, и укрепило материальную основу региональной интеграции. Более важно, что эти проекты не оказались внешними по отношению к регионализму АСЕАН: напротив, они в значительной степени сопряжены с рамками МРАС 2025. Это позволяет избежать «шокового воздействия» внешней инициативы на региональную структуру и постепенно превращает «Пояс и путь» в ось взаимосвязанности, встроенную в нарратив центральной роли АСЕАН²⁴¹.

Однако если сотрудничество в целях развития остаётся на уровне проектов, его внешние эффекты представляются ограниченными. Ключевой шаг в процессе «встраивания механизмов» заключается в том, удаётся ли проектному взаимодействию, опирающемуся на региональные правила торговли и инвестиций, перейти в более устойчивый процесс промышленной кооперации и рыночной интеграции. В этом отношении вступление в силу ВРЭП и обновление (повышение уровня) ЗСТ Китай—АСЕАН выступают как инструменты правил: они формируют для сотрудничества Китая и АСЕАН более предсказуемую нормативную среду и институциональные гарантии²⁴².

²⁴¹ Master Plan on ASEAN Connectivity 2025. Op. cit.

²⁴² Канаев Е.А. Китай, Юго-Восточная Азия и Инициатива «Пояс и путь»: выработка

ВРЭП унифицировало правила происхождения для всех 15 участников, облегчив включение сторон соглашения в общие производственные цепочки²⁴³. Меры по облегчению торговли, механизмы защиты инвестиций, а также правила торговли услугами и электронной коммерции означают, что инфраструктурные проекты перестают быть изолированными действиями и получают продолжение в виде узлов, встроенных в региональные производственные сети и рынки. В результате кооперация цепочек поставок и стоимости смещается от «проектно-ведомой» к «правило-ведомой», что повышает устойчивость и предсказуемость взаимодействия на фоне перестройки глобальных цепочек и роста геоэкономической неопределённости.

Помимо инфраструктурных проектов и торгово-инвестиционных правил, важным каналом институционализации сотрудничества выступает финансовое обеспечение. Для многих стран АСЕАН ограниченность бюджетных ресурсов и рискованный характер крупных инфраструктурных вложений делают привлечение долгосрочного капитала необходимым условием реализации таких инициатив. В этой связи участие китайских финансовых институтов, АБИИ и АБР не столько дополняет отдельные проекты, сколько снижает финансовые барьеры и придаёт взаимодействию более устойчивый и процедурно оформленный характер.

В то же время устойчивость сотрудничества зависит от его принятия на

правовых инструментов предпринимательской деятельности и их правовой поддержки // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2025. № 3 (68). С. 27–29.

²⁴³ Cali M. The significance of the Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement // Brookings Institution. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.brookings.edu/articles/the-significance-of-the-regional-economic-partnership-agreement/>. (дата обращения: 14.12.2025).

уровне АСЕАН. В среде АСЕАН, где принцип центральности и консенсуса имеет первостепенное значение, внешнее сотрудничество должно быть сопряжено с региональными планами развития, чтобы органично включаться в собственный институциональный нарратив АСЕАН²⁴⁴. Через увязку ИГР и связанных с ней договорённостей с дорожными картами Экономического сообщества АСЕАН, планами взаимосвязанности и целями устойчивого развития сотрудничество перестаёт восприниматься как внешнее «внедрение» и начинает трактоваться как ресурс, работающий на собственные приоритеты развития АСЕАН. Такое оформление легитимности снижает политические издержки и одновременно повышает региональную приемственность и устойчивость взаимодействия.

Сочетание проектного сотрудничества, согласования правил, финансовой поддержки и сопряжения с региональным планированием формирует многоуровневую сеть регионального управления развитием. В результате сотрудничество Китая и АСЕАН всё меньше зависит от одного политического инструмента или краткосрочной мобилизации и постепенно вырабатывает устойчивые ожидания и долгосрочные модели поведения. При этом «встраивание механизмов» не является конечной точкой, а имеет более глубокий смысл: через устойчивое функционирование оно порождает внешние эффекты, влияющие на структуру региональной экономики.

Таким образом, ИГР и АСЕАН формируют взаимодополняющую систему взаимодействия. АСЕАН выступает одновременно ключевой

²⁴⁴ Колдунова Е.В. Центральная роль АСЕАН в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Клуб «Валдай». 13.02.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tsentralnaya-rol-asean-v-atr/> (дата обращения: 14.12.2025).

площадкой реализации инициативы и подтверждением её стабилизирующей роли в условиях сложной международной обстановки. В свою очередь, Китай через долгосрочное сотрудничество демонстрирует на региональном уровне модель развития, отличную от исключительно рост-ориентированного подхода. Постепенно акцент смещается от количественного роста к укреплению устойчивости, что способствует формированию более гибкой и устойчивой региональной экономической системы на основе устойчивых организационных и сетевых механизмов. В результате данное сотрудничество формирует наблюдаемую и поддающуюся анализу региональную модель практической реализации ИГР.

3.2. Форматирование структур глобальной и региональной безопасности

В предыдущем параграфе было показано, что в процессе регионализации ИГР в рамках АСЕАН Китай не сводит развитие исключительно к экономическому росту. Продвигая инфраструктурную взаимосвязанность, координацию правил и наращивание потенциала, он постепенно снижает неопределённость функционирования региональной системы и укрепляет её устойчивость. В этом процессе сотрудничество в сфере развития постепенно приобрело явные управленческие свойства, а его значение вышло за пределы традиционного экономического сотрудничества и начало влиять на способы функционирования регионального порядка.

Однако при переходе от анализа развития к анализу безопасности условия регионального взаимодействия существенно меняются. Вопросы безопасности напрямую затрагивают государственный суверенитет,

стратегические установки и восприятие угроз. Так, политическое пространство здесь глубоко связано с внутренними нарративами и региональным балансом сил. Поэтому регионализация сотрудничества в сфере безопасности представляет собой не просто задачу организационного оформления, а сложный политический процесс, укоренённый в отношениях власти и представлениях о порядке.

В регионе АСЕАН безопасность сталкивается по меньшей мере с тремя структурными ограничениями. Во-первых, региональная среда безопасности на протяжении длительного времени формируется под влиянием взаимодействия великих держав и стратегической конкуренции, вследствие чего соответствующие вопросы нередко интерпретируются как элементы блокового противостояния²⁴⁵. Во-вторых, наличие особо чувствительных проблем — прежде всего ситуации в Южно-Китайском море — связывает безопасность с суверенными спорами и вопросами национального достоинства, что существенно повышает политические издержки сотрудничества. В-третьих, различия в восприятии угроз и национальных приоритетах между государствами-членами АСЕАН затрудняют выработку согласованных действий и усиливают фрагментацию региональной повестки²⁴⁶.

В подобных условиях продвижение сотрудничества в сфере безопасности оказывается объективно более сложным и неопределённым, чем в сфере развития. При отсутствии понятной траектории интеграции во

²⁴⁵ Мосяков Д.В. Новый военный блок - новые угрозы миру и безопасности в Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. №. 3(52). С. 5–7.

²⁴⁶ Kuik C.C. Hedging via Institutions: ASEAN-led Multilateralism in the Age of the Indo-Pacific // Asian Journal of Peacebuilding. 2022. No 10(2). P. 358.

внешние концепции безопасности трудно превратить их в устойчивые механизмы взаимодействия; более того, они могут восприниматься как вызов существующему порядку, вызывая политическую настороженность и даже сопротивление. Именно поэтому данный параграф обращается к более чувствительному, но принципиально важному вопросу: каким образом Инициатива глобальной безопасности (ИГБ) Китая может обрести практическую реализуемость в архитектуре безопасности АСЕАН, основанной на принципах инклюзивности, центральной роли и неконфронтационности, и каким образом она способна перейти от концептуального уровня к устойчивой практике взаимодействия.

На этом фоне выдвижение ИГБ открывает дополнительную аналитическую перспективу для понимания стратегии Китая в сфере регионального управления безопасностью. 21 апреля 2022 года Си Цзиньпин в программном выступлении на открытии ежегодной конференции Боаоского азиатского форума изложил ключевые положения ИГБ, подчеркнув идею «общей, комплексной, кооперативной и устойчивой» безопасности, выступив против логики холодной войны и блоковой конфронтации и указав на необходимость реагировать на вызовы посредством диалога и консультаций²⁴⁷. По своей форме ИГБ не предлагает детализированного проекта организационного устройства; она задаёт рамочный подход к пониманию безопасности, отличающийся от традиционных союзнических (блоковых) моделей.

С аналитической точки зрения ядро ИГБ связано не столько с набором

²⁴⁷ 习近平在博鳌亚洲论坛2022年年会开幕式上的主旨演讲（全文）[Основной доклад Си Цзиньпина на церемонии открытия ежегодной конференции Боаоского азиатского форума 2022 года (полный текст)]. Указ. соч.

инструментов, сколько с определённым представлением о порядке безопасности. В отличие от архитектур, основанных на союзах и военном сдерживании, ИГБ рассматривает безопасность как управляемое общее благо и подчёркивает значение профилактики рисков и кооперации²⁴⁸. Такая логика не предполагает жёсткого разделения на «союзников» и «противников»; напротив, она ориентирована на сохранение пространства для диалога даже при наличии разногласий.

В этом смысле ИГБ скорее выражает предпочтение определённой модели порядка, чем представляет собой операциональный план действий. Её воздействие направлено прежде всего на когнитивные рамки региональных акторов — на то, какие представления о безопасности считаются приемлемыми и какие способы её поддержания признаются легитимными. Следовательно, практический эффект ИГБ определяется не степенью её формальной реализации, а способностью быть воспринятой и встроенной в существующую региональную институциональную среду и постепенно превратиться в устойчивую повестку сотрудничества.

Однако именно потому, что ИГБ не предлагает готового организационного шаблона, её регионализация во многом зависит от способности существующей среды воспринимать и адаптировать внешние идеи. В этом процессе концепция безопасности перестаёт быть односторонне продвигаемым инструментом и должна находить точки сопряжения с региональными нормами, процедурами и действующими механизмами взаимодействия. В архитектуре безопасности, складывающейся вокруг

²⁴⁸ 张春[Чжан Чунь]. 全球安全倡议与国际安全公共产品的供应创新[Глобальная безопасность и инновации в поставке международных общественных благ безопасности] // 国际安全研究[Международные исследования безопасности]. 2024. № 42(06). С. 8.

АСЕАН, эта зависимость проявляется особенно отчётливо.

При анализе практики ИГБ на направлении АСЕАН важно не столько проверять, «реализован ли тот или иной пункт инициативы», сколько оценивать, как эта идея воспринимается, ограничивается и трансформируется системой норм и процедур АСЕАН и каким образом она превращается в конкретную повестку сотрудничества. Только на этом уровне ИГБ может постепенно эволюционировать из декларативного замысла в значимый фактор регионального управления безопасностью.

Если сама ИГБ выражает предпочтение определённой модели порядка безопасности, то её реальное воздействие в рамках АСЕАН зависит от того, как собственная нормативная система региона реагирует на внешние идеи. В отличие от порядков, основанных на союзнических обязательствах или логике сдерживания, безопасность в АСЕАН не опирается на принудительные гарантии. Напротив, здесь на протяжении десятилетий формировалась нормативная структура, ядром которой выступают процедуры, консенсус и неконфронтационность — то, что обычно обозначается как «Путь АСЕАН»²⁴⁹.

Исторический опыт государств Юго-Восточной Азии показывает, что региональная стабильность обеспечивается не односторонними гарантиями доминирующей силы, а предотвращением втягивания в соперничество великих держав, сохранением стратегической автономии и снижением риска ошибочных оценок через постоянный диалог²⁵⁰. В этих условиях АСЕАН

²⁴⁹ Caballero-Anthony M. The ASEAN way and the changing security environment: navigating challenges to informality and centrality // *International Politics* (The Hague). 2022. P. 5.

²⁵⁰ Хонрада Г.Дж.П., Бокерия С.А. Концепции «Шанхайского духа» и «Пути АСЕАН» как основа нового регионализма // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2023. Т. 23. № 2. С. 258–259.

выработала модель взаимодействия в сфере безопасности, основанную на консенсусе, невмешательстве и не-принудительности.

Поэтому порядок безопасности АСЕАН не строится вокруг вопроса «кто кого защищает», а остается приближенным к формату диалогового сообщества, поддерживаемого процедурной легитимностью, которая здесь проистекает не из баланса сил или союзов, а из последовательного соблюдения правил и консенсуса. В результате отношение АСЕАН к внешним инициативам безопасности представляет собой не бинарный выбор «принять или отвергнуть», а более сложный процесс адаптации и селекции.

На практическом уровне принцип центральной роли АСЕАН формирует своеобразный механизм допуска внешних акторов в сферу региональной безопасности. Центральность выражается не в содержательном контроле над всеми вопросами безопасности, а в управлении повесткой, процедурами и форматами взаимодействия. Будь то Региональный форум АСЕАН, Восточноазиатский саммит или Совещание министров обороны АСЕАН с партнёрами по диалогу, общая логика сохраняется: великие державы могут участвовать, но действуют в рамках процедур и форматов, задаваемых АСЕАН²⁵¹.

Таким образом, центральная роль АСЕАН представляет собой не только политический принцип, но и совокупность устойчивых договорённостей, определяющих способы включения внешних концепций в региональную повестку. Её действие можно описать через три измерения. Во-первых, фильтрация повестки: в официальный формат включаются лишь те вопросы,

²⁵¹ Caballero-Anthony M. The ASEAN way and the changing security environment: navigating challenges to informality and centrality // International Politics (The Hague). 2022. P. 18–19.

которые признаются общей региональной озабоченностью. Во-вторых, процедурные рамки: сотрудничество должно развиваться на основе консенсуса и не-эксклюзивности, чтобы избегать блоковой логики. В-третьих, постепенность: продвижение вопросов безопасности осуществляется поэтапно, сдерживая избыточную политизацию.

Эта нормативная конструкция оказывает двойственное воздействие на инициативы внешних держав. С одной стороны, она предоставляет институциональный канал для участия: если инициатива может встроиться в платформы под лидерством АСЕАН и быть представлена как кооперационная, а не конфронтационная, она получает пространство для обсуждения. С другой стороны, система задаёт чёткие ограничения: любые проекты, воспринимаемые как подрывающие центральность АСЕАН или стимулирующие «выбор стороны», вызывают настороженность и могут привести к дистанцированию со стороны государств региона.

«Путь АСЕАН» — это не просто культурная характеристика сотрудничества, а нормативный механизм селекции. Он определяет, какие внешние идеи могут быть включены в региональную повестку и в каком виде они проявляются на практике. Для Китая это означает, что ИГБ не может быть перенесена в регион в форме готовой модели: она должна постепенно адаптироваться к существующим форматам, уважая центральную роль АСЕАН и процедурные принципы.

В условиях таких нормативных ограничений продвижение ИГБ развивается неравномерно и существенно зависит от конкретной тематики. Наиболее жёстким испытанием для её регионализации остаётся проблема Южно-Китайского моря, где вопрос заключается не столько в краткосрочном

урегулировании спора, сколько в том, сохраняет ли логика кооперативной безопасности и управления рисками практическую реализуемость в условиях высокой политизации и чувствительности к вопросам суверенитета.

Южно-Китайское море становится «жёстким тестом» прежде всего из-за комплексного характера проблемы. С одной стороны, речь идёт о территориальном суверенитете, морских правах и национальном достоинстве, что напрямую затрагивает ключевые интересы государств и затрудняет достижение договорённостей вне логики нулевой суммы. С другой стороны, регион находится в узле стратегического взаимодействия великих держав, поэтому вопросы безопасности легко интерпретируются как элементы геополитической конкуренции, усиливая притягательность блоковых нарративов. В условиях такого двойного давления любой сбой механизмов управления может быть истолкован как «вакуум порядка» и использован для оправдания более конфронтационных действий.

Подобная среда объясняет, почему подход АСЕАН к проблеме Южно-Китайского моря традиционно отличается осторожностью и опорой на процедуры. Организация вынуждена сохранять свою центральную роль на фоне соперничества великих держав — как во внутреннем управлении разногласиями между членами, так и в поддержании собственного лидерства в региональной архитектуре безопасности. Если повестка Южно-Китайского моря будет выведена за рамки форматов под эгидой АСЕАН или встроена в блоковую логику, её роль как организующего центра может существенно ослабнуть²⁵².

²⁵² Laksmana E.A. ASEAN Centrality in the South China Sea // Southeast Asian perspectives on US-China competition. Sydney: Lowy Institute, 2017. P. 13.

Для Китая Южно-Китайское море также имеет символическое значение. Это пространство проверки того, способен ли принцип «управлять разногласиями и расширять сотрудничество» обеспечивать контролируемость рисков через правила и механизмы диалога. Одновременно именно по этой теме внешние акторы оценивают, насколько последовательно Китай придерживается кооперативной и неконфронтационной логики. Поэтому доверие к ИГБ в рамках АСЕАН во многом зависит от того, сможет ли Китай продемонстрировать устойчивый и предсказуемый формат управления разногласиями, приемлемый для региона.

Важно подчеркнуть, что управление на основе правил не тождественно окончательному разрешению суверенных споров. В условиях обострения кризисных ситуаций, усиления внутренней мобилизации или внешнего вмешательства существующие механизмы могут испытывать серьёзное давление. Если же эти механизмы утратят центральное значение, привлекательность продвигаемой Китаем логики безопасности неизбежно снизится. В этой связи роль ИГБ в южнокитайском направлении следует рассматривать прежде всего как снижение рисков, сдерживание эскалации и поддержание каналов коммуникации.

По сравнению с проблематикой Южно-Китайского моря и другими высокочувствительными вопросами сотрудничество в сфере нетрадиционной безопасности представляет собой более прикладной, деполитизированный и масштабируемый канал регионализации ИГБ на направлении АСЕАН. Его значение заключается не в устранении существующих стратегических противоречий, а в создании пространства взаимодействия, менее зависимого от споров о суверенитете и балансе сил. Именно в таком формате становится

возможным постепенное накопление опыта координации и формирование «начального доверия» между участниками²⁵³.

На практике сотрудничество здесь часто принимает вид технических и профессиональных проектов — совместных мероприятий по реагированию на бедствия, взаимодействия в области общественного здравоохранения, борьбы с транснациональной преступностью и т. п. В этих сферах обычно не требуется согласия по вопросам суверенитета и ключевых интересов, однако сохраняется возможность выстраивать устойчивую координацию вокруг общих задач и закреплять рабочие договорённости.

В этом отношении показателен формат Совещания министров обороны АСЕАН с партнёрами по диалогу (ADMM-Plus). В отличие от механизмов, ориентированных на коллективную оборону, ADMM-Plus развивает практическое взаимодействие через сеть экспертных рабочих групп по семи приоритетным направлениям, включая морскую безопасность, гуманитарную помощь, реагирование на катастрофы и др.²⁵⁴. Формы сотрудничества включают совместные учения, проекты наращивания потенциала, обмен информацией и опытом; они имеют отчётливо выраженную техническую и профессиональную специфику.

Такая архитектура важна по двум причинам. Во-первых, она задаёт внешним партнёрам ясную и предсказуемую траекторию участия в региональных делах безопасности: если взаимодействие ориентировано на наращивание потенциала и техническую координацию и осуществляется в

²⁵³ Gong Lina, Li Mingjiang. China–Southeast Asian Nontraditional Security Engagement // China Review. 2021. No 21(4). P. 3.

²⁵⁴ About the ASEAN Defence Ministers' Meeting Plus // ASEAN Defence Minister's Meeting. 28.04.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://admm.asean.org/index.php/about-admm/about-admm-plus.html> (дата обращения: 13.05.2025).

форматах под лидерством АСЕАН, оно сравнительно легко встраивается в существующие механизмы. Во-вторых, она облегчает переход от разрозненных проектов к устойчивому сотрудничеству: инициативы перестают быть разовыми политическими сигналами и начинают регулярно воспроизводиться на базе одних и тех же площадок, формируя рабочие процедуры и институциональную инерцию взаимодействия.

С этой точки зрения нетрадиционная безопасность — не «замена» ИГБ, а реалистичная опора её практической реализации в рамках АСЕАН. По сравнению с традиционными темами безопасности продвигаемая ИГБ концепция «общей, комплексной, кооперативной и устойчивой» безопасности обладает здесь большей прикладной значимостью: безопасность трактуется не как игра с нулевой суммой, а как общая управляемая проблема, где улучшения достигаются через координацию, наращивание потенциала и предоставление общественных благ²⁵⁵. Эта логика хорошо соотносится с развиваемой АСЕАН в рамках Сообщества в области политики и безопасности (ASEAN Political-Security Community) идеей «всеобъемлющей безопасности», что повышает приемлемость практического сотрудничества²⁵⁶.

Опираясь на такое смысловое сопряжение и концентрируясь на функциональных темах и общественных благах, Китай может устойчиво участвовать в механизмах безопасности под лидерством АСЕАН, избегая

²⁵⁵ 全球安全倡议概念文件（全文）[Концептуальный документ Инициативы глобальной безопасности (полный текст)] // 中华人民共和国外交部 [МИД КНР]. 21.02.2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/202302/t20230221_11028322.shtml (дата обращения: 22.12.2025).

²⁵⁶ ASEAN Political-Security Community Blueprint 2025 // ASEAN Secretariat. 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.asean.org/wp-content/uploads/2012/05/ASEAN-APSC-Blueprint-2025.pdf> (дата обращения: 13.05.2025).

интерпретаций своего присутствия как продвижения эксклюзивной архитектуры или подрыва центральной роли АСЕАН. Такой формат участия не предполагает быстрых изменений региональной структуры безопасности: он ориентирован на постепенное накопление влияния «снизу» — через долгосрочные и повторяющиеся практики сотрудничества.

По мере того как взаимодействие переходит от разовых случаев к регулярному функционированию, его эффекты начинают выходить за рамки отдельных сфер. С одной стороны, наращивание потенциала повышает способность существующих механизмов обрабатывать вопросы и координировать повестку. С другой стороны, длительное взаимодействие формирует более устойчивые сети коммуникации, взаимные ожидания и рабочие привычки, которые косвенно влияют на повседневное функционирование регионального управления безопасностью — на уровне процедур, правил и практик.

Реальное значение ИГБ на направлении АСЕАН целесообразно рассматривать через траекторию перехода от функционального сотрудничества к более широким структурным эффектам. Её влияние проявляется не в прямом перепроектировании региональной архитектуры безопасности, а в постепенном укреплении существующих механизмов АСЕАН, расширении практик координации и накоплении доверия между участниками. Такой процесс не устраняет глубинные противоречия региональной безопасности, однако благодаря своему постепенному и встроенному характеру в большей степени соответствует логике порядка безопасности АСЕАН.

В суммарном виде регионализация ИГБ на направлении АСЕАН

представляет собой не одностороннее продвижение идеи, а интерактивный процесс, который поэтапно разворачивается через нормативную адаптацию, организационное включение и функциональное сотрудничество. АСЕАН через принцип центральности, консенсусные процедуры и нормы неконфронтационного взаимодействия задаёт рамки, в пределах которых внешние инициативы могут быть включены в региональную повестку. Китай, в свою очередь, стремится расширять пространство практического участия через предоставление общественных благ, развитие кооперативного нарратива и включение своих подходов в уже существующие многосторонние механизмы.

Именно поэтому практическое значение ИГБ в Юго-Восточной Азии следует оценивать не по степени её прямой институционализации, а по тому, насколько она способна восприниматься как совместимая с нормами АСЕАН и полезная для поддержания региональной стабильности. Такая траектория имеет очевидные ограничения: она не позволяет быстро изменить архитектуру безопасности и требует постоянного согласования с интересами стран региона. Вместе с тем её преимущество состоит в возможности частично снизить политическую чувствительность внешней инициативы и постепенно накапливать координационные практики и институциональный опыт.

Тем самым проявляется особая роль АСЕАН в китайской дипломатии безопасности. Она выступает не только одной из площадок апробации глобальной концепции безопасности Китая, но и посредующим институциональным звеном, через которое эта концепция проходит региональную адаптацию. В результате ИГБ на направлении АСЕАН приобретает значение не готовой модели переустройства регионального порядка, а гибкого инструмента долгосрочного участия Китая в региональном

управлении безопасностью.

3.3. Формирование глобальной и региональной цивилизации

Анализ двух предыдущих параграфов показывает, что, продвигая в рамках АСЕАН «ИГР» и «ИГБ», Китай не выбирал в качестве основной линии копирование региональных институтов или принудительное навязывание правил. Напротив, опираясь на уважение к нормам и действующим форматам АСЕАН, он стремился встроить соответствующие идеи в существующие региональные рамки. В сфере развития это проявлялось прежде всего в том, что через инфраструктурную взаимосвязанность, координацию правил и наращивание потенциала снижалась структурная неопределённость функционирования региона. В сфере безопасности — в продвижении соответствующей повестки внутри многосторонних механизмов под лидерством АСЕАН на основе не-эксклюзивного (инклюзивного) сотрудничества и логики управления рисками. В целом, эти практики показывают, что продвижение глобальных идей Китая в АСЕАН не предполагает предварительного «перепроектирования» региональных институтов и, в первую очередь, зависит от практической реализуемости и политической приемлемости в рамках существующего порядка.

Однако практическая результативность не всегда превращается в нормативную легитимность и признание на уровне идентичности. Даже когда сотрудничество даёт заметные эффекты в краткосрочной перспективе, оно может оставаться уязвимым, если ценностная рамка, стоящая за ним, будет воспринята региональными элитами и нормативным сообществом как

содержащая скрытые намёки на институциональное превосходство, цивилизационную иерархию или склонность к блоковой логике. В этом смысле устойчивость сотрудничества определяется не только эффективностью инструментов политики, но и тем, способно ли оно получить неконфронтационное нормативное прочтение — такое, которое не позволит переопределить взаимодействие в идеологизированных или ценностно-блоковых категориях.

Именно на фоне такой нормативной неопределённости цивилизационная проблематика включается в аналитическую рамку глобальных идей Китая. Под «цивилизацией» в настоящем исследовании понимается не абстрактный культурный символ и не деполитизированное гуманитарное понятие, а социально-нормативная категория, имеющая значение для мировой политики и укоренённая в политических контекстах и практиках различных обществ²⁵⁷. Как нормативный нарратив, цивилизация влияет на то, как акторы интерпретируют мотивы поведения друг друга, где проводят границы «различий» и «угроз» и тем самым — как оценивают долгосрочную легитимность тех или иных решений, связанных с порядком. В этом смысле цивилизационная проблематика предлагает возможную нормативную траекторию ответа на тревожность, возникающую на уровне идентичности.

В социально, религиозно и политически неоднородном регионе АСЕАН цивилизационные и ценностные вопросы отличаются особенно высокой чувствительностью. В региональных взаимодействиях государства-члены

²⁵⁷ Henderson E.A. *Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives* / ed. by P.J. Katzenstein. New York: Routledge, 2009. 248 p. // *Perspectives on Politics*. 2010. Vol. 8. No 2. P. 710.

АСЕАН на протяжении длительного времени подчёркивают принципы суверенного равенства, невмешательства и консенсуса²⁵⁸, которые не только обусловлены «техническими» соображениями, но и укоренены в дипломатической практике и политической культуре, обычно обозначаемой как «Путь АСЕАН»²⁵⁹. В таких условиях любая внешняя инициатива может вызвать настороженность, если региональные элиты усмотрят в ней логику ценностного превосходства, цивилизационной иерархии или навязывание готового образца. Особенно остро это проявляется тогда, когда соответствующие идеи оформляются в более эксклюзивных нарративах безопасности²⁶⁰. По мере того как глобальные идеи Китая о развитии и безопасности входят в региональную повестку управления, ключевым становится не только вопрос практической осуществимости, но и вопрос о том, не будут ли эти идеи истолкованы как потенциально блоковые или исключаяющие. Если на нормативном уровне не будет предложено убедительное неконфронтационное прочтение, то даже при практическом прогрессе долгосрочная устойчивость сотрудничества останется под сомнением.

Именно в контексте растущей значимости нормативных вопросов Си Цзиньпин во время Диалога высокого уровня между Коммунистической партией Китая и мировыми политическими партиями в марте 2023 года,

²⁵⁸ The ASEAN Charter. Op. cit.

²⁵⁹ Martel S., Glas A. The contested meaning-making of diplomatic norms: competence in practice in Southeast Asian multilateralism // *European Journal of International Relations*. 2022. No 29(1). P. 228.

²⁶⁰ Hoang T.H. Why is China's Global Security Initiative Cautiously Perceived in Southeast Asia? // ISEAS-Yusof Ishak Institute. 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iseas.edu.sg/articles-commentaries/iseas-perspective/2023-11-why-is-chinas-global-security-initiative-cautiously-perceived-in-southeast-asia-by-hoang-thi-ha/> (дата обращения: 13.10.2025).

выдвинул Глобальную цивилизационную инициативу (ГЦИ)²⁶¹. В отличие от подходов, трактующих цивилизацию как объект ценностного экспорта или как образец для копирования, ГЦИ отвечает на иной вопрос: не о том, как сформировать гомогенный «общий набор ценностей», а о том, как предложить неконфронтационную нормативную рамку для самого факта различий. В этой логике сосуществование различных цивилизаций, институтов и путей развития не рассматривается как предпосылка конфликта и не должно становиться основанием для построения конфронтационного порядка или разделения на ценностные лагеря. Отвергая нарративы цивилизационной иерархии и ценностной исключительности, инициатива нацелена на снижение нормативной напряжённости, возникающей из-за различий, и тем самым — на формирование более инклюзивной когнитивной основы для межрегионального сотрудничества.

С точки зрения нормативной структуры ГЦИ не сводится к перечню принципов культурных обменов. Она задаёт связную логику ответа на нормативные риски, которые в современной международной политике возникают из-за цивилизационных и ценностных различий.

Во-первых, инициатива прямо выступает против иерархизации цивилизационных различий и против превращения одной ценностной системы в универсальный критерий оценки. Речь идёт не об отрицании различий как таковых, а об отрицании легитимности нормативного ранжирования путей развития разных обществ по единому «шаблону» — цивилизационному или

²⁶¹ 习近平在中国共产党与世界政党高层对话会上的主旨讲话（全文）[Основное выступление Си Цзиньпина на Диалоге Коммунистической партии Китая с политическими партиями мира на высоком уровне (полный текст)]. Указ. соч.

институциональному. Во-вторых, инициатива выступает против секьюритизации и блоковой интерпретации цивилизационных различий. Подчёркивая необходимость диалога, взаимного обучения и сотрудничества, она ослабляет тенденцию превращать культурные различия в конфронтационные политические классификации. В-третьих, инициатива рассматривает цивилизационное многообразие как нормативную опору стабильности международного порядка и исходит из того, что устойчивость обеспечивается не ценностной гомогенизацией, а наличием правил и механизмов, способных вмещать различия и управлять разногласиями²⁶².

Введение цивилизационной проблематики не заменяет повестки развития и безопасности, а уточняет их нормативные предпосылки. ИГР и ИГБ преимущественно отвечают на практические вопросы, например, «как сотрудничать», тогда как ГЦИ работает с вопросом легитимности: «почему возможно устойчивое сотрудничество при длительном сохранении различий».

Исходя из этой логики, АСЕАН представляет собой показательную региональную среду для рассмотрения данного вопроса. АСЕАН не строится на основе цивилизационной или ценностной однородности; её региональная идентичность формировалась постепенно в условиях высокой социальной неоднородности через длительное взаимодействие между государствами²⁶³. Именно поэтому идея «единой цивилизационной идентичности» в рамках АСЕАН остаётся достаточно размытым понятием²⁶⁴. В таких условиях попытки свести цивилизационные или ценностные различия к единому

²⁶² Там же.

²⁶³ Acharya A. The evolution and limitations of ASEAN identity // ASEAN. 2017. No 50. P. 25.

²⁶⁴ An ASEAN identity // Singapore Research Nexus. 28.05.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://fass.nus.edu.sg/srn/2025/05/28/an-asean-identity/> (дата обращения: 13.10.2025).

нормативному стандарту чаще воспринимаются как риск для внутреннего баланса и политической стабильности. Напротив, подход, основанный на сосуществовании различий и отказе от иерархии и блоковой логики, в большей степени соответствует накопленному политическому опыту региона.

Исторический опыт стран Юго-Восточной Азии также объясняет такую осторожность. В период холодной войны регион неоднократно оказывался в центре противостояния великих держав и испытывал длительное давление необходимости выбирать сторону ²⁶⁵. Эта память закрепила устойчивое понимание: стабильность регионального порядка зависит от недопущения втягивания в конфронтационные блоковые структуры, а нарративы, усиливающие цивилизационную или ценностную поляризацию, подрывают данную основу.

При этом АСЕАН не является гомогенным актором. Между её членами существуют различия в степени внешней стратегической зависимости, устройстве политических систем и восприятии конкуренции великих держав. Отсюда — различная скорость принятия внешних норм и инициатив и неодинаковый «порог» включения тем в общую повестку. Однако такая внутренняя неоднородность не ослабляет роль АСЕАН; напротив, она делает процедурную координацию и неэсклюзивный характер формулировок ещё более необходимыми.

Именно в контексте нормативной чувствительности, возникающей из наложения социальной неоднородности и исторического опыта, АСЕАН постепенно закрепила принцип сотрудничества, ориентированный на

²⁶⁵ Acharya A. The evolution and limitations of ASEAN identity. Op. cit. P. 27.

инклюзивность и неэксклюзивность²⁶⁶. Это не абстрактное ценностное предпочтение, а практический ответ на риски блоковой поляризации и нормативного дисбаланса: организация стремится сохранить максимально широкое пространство политического манёвра для регионального взаимодействия.

В практическом функционировании данный принцип проявляется не только в институциональном дизайне, но и в селективном усвоении внешних дискурсов. Нарративы, которые подталкивают к «выбору стороны», усиливают конфронтационные классификации или искусственно раздувают цивилизационные различия, как правило, с трудом получают позитивный отклик в форматах АСЕАН. Напротив, формулировки, способные снижать тревожность на уровне идентичности и ослаблять блоковую логику, легче входят в региональное дискурсивное поле и получают устойчивые площадки для воспроизводства.

В этом процессе центральная роль АСЕАН постепенно выходит за рамки сугубо организационного измерения. Речь идёт не только о лидерстве в региональных механизмах и формировании повестки, но и о функции посредника, регулирующего включение внешних норм и дискурсов в региональное управление. Контролируя процедурные правила и регламенты многосторонних платформ, АСЕАН фильтрует и переосмысляет цивилизационные, ценностные и безопасностные нарративы внешних держав. В результате они интегрируются в региональное сотрудничество в формах, более согласованных с принципами инклюзивности, неэксклюзивности и

²⁶⁶ Канаев Е.А. Асеаноцентричные многосторонние диалоговые форматы: проблемы выработки консолидирующей повестки // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2023. № 4 (61). С. 14.

консенсуса.

После объяснения того, почему цивилизационная проблематика оказывается востребованной в региональном управлении АСЕАН, возникает следующий вопрос: каким образом такие нормы сохраняют долгосрочное влияние на практике. Одних деклараций недостаточно, поскольку устойчивость нормативного эффекта зависит от способности идей закрепляться в устойчивых механизмах, воспроизводиться в регулярных практиках и формировать сети взаимодействия между различными субъектами и уровнями управления. Поэтому регионализацию ГЦИ целесообразно оценивать не по перечню мероприятий, а по тому, складывается ли сетевой каркас сотрудничества в четырёх сферах: образование, молодёжные обмены, туризм и местное взаимодействие.

Выбор этих четырёх областей обусловлен тремя соображениями: (1) они охватывают различные социальные уровни — индивида, сообщества, рынка и управления; (2) соответствующие взаимодействия поддаются институционализации и воспроизведению; (3) по сравнению с безопасностью и идеологией их политическая чувствительность относительно контролируема, что благоприятствует устойчивому воспроизводству нормативных идей. Примечательно, что в последние годы Китай и АСЕАН уже чётко обозначили «гуманитарные обмены» как одно из приоритетных направлений двустороннего/многостороннего взаимодействия: например, 2024 год был объявлен «Годом гуманитарных обменов АСЕАН—Китай», на основе чего были сформированы дополнительные политические документы и планы действий по дальнейшему углублению сотрудничества в гуманитарной

сфере²⁶⁷.

Во-первых, сотрудничество в сфере образования и подготовки кадров создаёт базу для социального закрепления цивилизационной повестки. Стипендиальные программы, взаимное признание дипломов, совместные исследования и профессиональное образование²⁶⁸ — это не просто формы гуманитарного обмена: они формируют устойчивый механизм накопления межкультурного опыта между поколениями. Их эффект проявляется не в быстром изменении индивидуальных установок, а в постепенном формировании транснациональных сетей знаний и профессиональных сообществ. Именно такие сети обеспечивают долгосрочную социальную поддержку региональному сотрудничеству как среди молодёжи, так и в профессиональной среде. В рамках этих процессов цивилизационные различия не воспринимаются как символы ценностной конфронтации, а осмысляются как объективные условия взаимодействия, требующие понимания и согласования в академической и профессиональной практике. Тем самым норма «сосуществования различий» закрепляется в повседневном опыте сотрудничества.

Во-вторых, молодёжные обмены и взаимодействие общественных организаций формируют более гибкую и социально разнообразную среду для

²⁶⁷ 2024年中国—东盟人文交流年概念文件[Концептуальный документ по Году обменов между людьми между Китаем и АСЕАН в 2024 году] // 中华人民共和国外交部[МИД КНР]. 06.09.2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/yzs_673193/dqzz_673197/dnygjlm_673199/zywj_673211/202309/t20230906_11139361.shtml (дата обращения: 13.10.2025).

²⁶⁸ 中国—东盟关于深化人文交流合作的联合声明[Совместное заявление Китая и АСЕАН об углублении сотрудничества в сфере гуманитарных обменов] // 中华人民共和国外交部[МИД КНР]. 10.10.2024. [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/ziliao_674904/1179_674909/202410/t20241010_11505039.shtml (дата обращения: 13.10.2025).

реализации цивилизационной повестки. Молодёжные платформы, сотрудничество в инновациях и предпринимательстве, а также диалог между общественными структурами обычно характеризуются сравнительно низкой политической чувствительностью. Их ядро — не абстрактные ценностные споры, а совместное решение конкретных задач. В процессе такого взаимодействия участники из разных социальных контекстов приобретают практическое понимание различий. Эти различия не воспринимаются как препятствие, которое необходимо устранить — они становятся естественной частью совместной деятельности. Благодаря практико-ориентированному характеру таких форматов норма «сосуществования различий» превращается в воспроизводимый социальный опыт и постепенно распространяется на уровне обществ региона.

В-третьих, туристические и гуманитарные обмены являются важным каналом общественного закрепления цивилизационной повестки. Регулярная и массовая мобильность способствует формированию повседневного доверия, основанного на непосредственном опыте взаимодействия. В отличие от официальных диалогов и политических заявлений такие контакты не нацелены на теоретические дискуссии. Их значение проявляется в постепенном ослаблении устойчивых представлений о «цивилизационном разломе» или «ценностном противостоянии». Туристические, деловые и академические обмены приносят не только экономический эффект; на социально-психологическом уровне они снижают склонность воспринимать партнёра как «чужого» или принципиально иного. По мере накопления неконфронтационного опыта регулярных взаимодействий цивилизационная повестка реже переосмысливается как символ конфликта идентичностей. Тем

самым формируется более устойчивая когнитивная база для регионального сотрудничества.

Наконец, сотрудничество между местными органами власти и на уровне городов обеспечивает практическую локализацию цивилизационной повестки. По сравнению с государственными макроинициативами такие форматы, будучи напрямую связанными с задачами местного развития и интересами сообществ, отличаются большей непрерывностью и конкретностью. Партнёрства городов, выставки, трансграничные индустриальные и культурные проекты связывают идею взаимного обучения цивилизаций с повседневными практиками экономического и социального управления. В результате цивилизационная повестка превращается в прикладной ресурс сотрудничества, который локальные акторы могут использовать в реальной деятельности. Это снижает уровень её политической абстрактности и повышает доверие к ней в региональном обществе. Когда соответствующие нормы устойчиво работают в локальных практиках, их воспроизводство уже не зависит исключительно от дипломатического продвижения и поддерживается многоуровневым взаимодействием.

В целом, значение цивилизационной проблематики в АСЕАН проявляется не столько в формировании ценностей или трансформации идентичности, сколько в её функциональной роли. Как неконфронтационный и неиерархический нарратив она создаёт нормативную опору для других направлений сотрудничества. В этом качестве цивилизационная повестка выполняет стабилизирующую функцию в региональной системе управления и образует связку с ИГР и ИГБ: ИГР формирует материальную основу взаимодействия, ИГБ поддерживает порядок через управление рисками и

механизмы включения, а цивилизационная повестка отвечает на вопрос легитимности и признания.

В сфере сотрудничества в целях развития её влияние носит косвенный характер: она не вмешивается в конкретные проекты или договорённости, но задаёт рамку их интерпретации. Инфраструктурная взаимосвязанность и промышленная кооперация сами по себе не обязательно вызывают споры – конфликтность возникает тогда, когда они помещаются в контекст геополитической конкуренции или трактуются как попытка навязывания модели развития.

Подчёркивая легитимность разнообразия путей развития, цивилизационная повестка снижает риск подобных интерпретаций и тем самым расширяет пространство для прагматического взаимодействия. Для АСЕАН такая рамка органично вписывается в региональный дискурс инклюзивности и консенсуса, что позволяет привлекать внешние ресурсы без пересмотра собственных нормативных ориентиров. В этом смысле цивилизационная повестка выступает не двигателем развития, а источником нормативной устойчивости и легитимности.

В сфере безопасности цивилизационная повестка также не предполагает прямого вмешательства в институциональный дизайн или конкретные договорённости. Её роль носит преимущественно нормативный характер и связана с корректировкой исходных представлений, на которых строится сотрудничество. АСЕАН крайне чувствительна к любым нарративам безопасности, способным спровоцировать «выбор стороны» или усилить блоковые линии; это проявляется и в общей настороженности региональных политических элит к давлению конкуренции великих держав: согласно

исследовательскому отчёту Института исследований Юго-Восточной Азии (ISEAS) за 2025 год, более половины респондентов подчёркивали необходимость укрепления устойчивости АСЕАН перед структурными потрясениями регионального порядка²⁶⁹.

На этом фоне цивилизационная повестка, отвергая логику «столкновения цивилизаций», ослабляет склонность к абсолютизации и «цивилизационизации» разногласий в сфере безопасности и их блоковому переопределению. Тем самым различия в сфере безопасности легче интерпретируются как риски, требующие механистического управления и диалоговой координации, а не как непримиримое цивилизационное или ценностное противостояние. В рамках такой когнитивной рамки нетрадиционная безопасность, управление рисками и институционализированный диалог получают основу для устойчивого функционирования.

При этом цивилизационная повестка не может заменить институциональные механизмы и не устраняет существующие противоречия интересов и проблемы безопасности. Она не предлагает готовых решений, а лишь создаёт более приемлемое основание для сотрудничества в условиях их длительного сохранения. Когда сотрудничество воспринимается как взаимодействие при наличии различий, а не как ценностное противостояние, существующие механизмы получают более устойчивую нормативную опору.

Одновременно следует видеть, что цивилизационный нарратив не застрахован от рисков политизации. Если в определённых обстоятельствах

²⁶⁹ The State of Southeast Asia: 2025 Survey Report // ISEAS - Yusof Ishak Institute. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2025/03/The-State-of-SEA-2025-1.pdf> (дата обращения: 13.10.2025).

соответствующие формулировки вновь будут встроены в дискурсы конкуренции великих держав или ценностного противостояния, их де-конфронтационный эффект может ослабеть и даже вызвать «откатную» реакцию членов АСЕАН в защиту нормативных границ. Поэтому способность цивилизационной повестки играть стабилизирующую роль во многом зависит от того, сохраняется ли её «охлаждение» и повторная интерпретация через процедурные платформы АСЕАН.

Анализ ИГБ в контексте АСЕАН показывает, что продвижение глобальных идей Китая в регионе не осуществляется через определенную повестку или отдельный инструмент, а приобретает поэтапный и взаимодополняющий характер. Сотрудничество в развитии формирует материальную основу регионального управления; безопасность поддерживает стабильность порядка через институциональные механизмы включения и управление рисками; цивилизационная повестка, в свою очередь, отвечает на центральный для региона вопрос легитимности и признания.

При этом роль АСЕАН не сводится к положению объекта сотрудничества или пассивного адресата внешней политики. Опираясь на свою центральную роль и процедурные нормы, АСЕАН оказывает устойчивое влияние на то, каким образом глобальные идеи Китая реализуются на региональном уровне. То, принимаются ли внешние инициативы в регионе, как правило, зависит не столько от их первоначальной формулировки, сколько от того, могут ли они быть переосмыслены в рамках механизмов АСЕАН и согласованы с уже существующими региональными правилами.

В этой связи значение АСЕАН во внешней политике Китая не следует оценивать лишь через призму двусторонней близости или масштабов

сотрудничества; его необходимо рассматривать в контексте регионального управления и трансформации норм. В этом смысле АСЕАН является не только приоритетным направлением периферийной дипломатии Китая, но и важной опорой, благодаря которой глобальные идеи Китая получают на региональном уровне реальную институциональную жизнеспособность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование рассматривает период после 2013 года как этап вступления китайской дипломатии в новую эпоху и сосредотачивается на ключевой проблеме — месте и роли АСЕАН во внешней политике Китая. В работе системно анализируются стратегическое позиционирование, политические инструменты и практика институционализации отношений Китая с АСЕАН в период руководства Си Цзиньпина. В отличие от ряда предыдущих исследований, которые преимущественно фокусировались на плотности двусторонних отношений или на оценке результатов сотрудничества, данная работа стремится объяснить структурный вопрос: почему АСЕАН занимает приоритетное место в китайской дипломатии, посредством каких механизмов закрепляется этот приоритет и в каком смысле он выходит за рамки обычных региональных отношений.

На основе анализа периферийной дипломатии Китая, инициативы «Пояс и путь», концепции Сообщества единой судьбы Китай—АСЕАН, а также практики реализации глобальных инициатив в сферах развития, безопасности и цивилизационного взаимодействия в асеановском направлении исследование показывает, что значение АСЕАН для китайской дипломатии определяется не столько успехом или неудачей отдельных политических курсов: гораздо важнее её функция институционально развитой, нормативно зрелой и инклюзивной региональной платформы. Такая платформа обеспечивает полный цикл внешнеполитической деятельности Китая — от выработки стратегических идей и концепций до их практической реализации. Иными словами, в китайской дипломатической практике АСЕАН выступает не

просто объектом сотрудничества, а особым региональным пространством со значимой структурной функцией.

Во-первых, в общей архитектуре внешней политики Китая специфика АСЕАН заключается в её способности одновременно способствовать выполнению нескольких стратегических задач: стабилизации периферийной среды безопасности, продвижению сотрудничества в области развития, расширению пространства институционального участия и снижению рисков блокирования в условиях междержавной конкуренции. Среди различных направлений периферийной дипломатии Китая Юго-Восточная Азия не является регионом с минимальными рисками, однако именно здесь риски в наибольшей степени поддаются управлению через многосторонние механизмы и процедурные формы взаимодействия. Это позволяет Китаю интегрировать вопросы безопасности, экономическое сотрудничество и институциональное партнёрство в относительно устойчивый и сбалансированный комплекс отношений.

Во-вторых, приоритетный статус АСЕАН не утверждается через эксклюзивный выбор, а проявляется в силу сравнительных преимуществ в условиях сосуществования множественных стратегических альтернатив. В сравнении с иными периферийными направлениями АСЕАН отличается более высокой степенью институциональной организации и стабильной операционной инерцией. Принцип «центральности» АСЕАН предоставляет внешним державам институциональный портал для участия в региональных делах, одновременно налагая процедурные ограничения на их деятельность. Именно в данной институциональной среде Китай демонстрирует склонность к продвижению сотрудничества через механизмы встраивания, а не к созданию

альтернативных, параллельных структур. Подобный выбор обусловлен не столько политическими предпочтениями, сколько рациональной реакцией на институциональные реалии региона.

В-третьих, продвижение инициативы «Пояс и путь» в АСЕАН постепенно вышло за пределы отдельных проектов и превратилось в региональную институциональную практику. Через развитие взаимосвязанности, согласование правил, промышленную кооперацию и финансовое взаимодействие сотрудничество Китая и АСЕАН эволюционировало от совокупности двусторонних проектов к более сложной сетевой структуре. Важность этого процесса заключается не столько в увеличении масштабов сотрудничества, сколько во внедрении партнёрских отношений в региональные нормы и механизмы, что обеспечивает их устойчивость в долгосрочной перспективе. В этом процессе АСЕАН выступает одновременно участником сотрудничества и носителем его институционализации.

На этой основе концепция СЕСЧ в асеановском направлении получила достаточно чёткую траекторию практической реализации. Она не осталась абстрактной ценностной декларацией, а постепенно воплотилась в устойчивой структуре регионального взаимодействия через экономическую взаимозависимость, диалог по вопросам безопасности и институционализированное сотрудничество. Для Китая важным является не достижение полного консенсуса, а способность поддерживать инерцию сотрудничества и снижать риски стратегических просчётов в условиях сохраняющихся разногласий. Многоуровневая институциональная сеть АСЕАН предоставляет данной концепции реальные точки приложения.

Именно на этой институциональной основе глобальные инициативы Китая получают возможность дальнейшего развёртывания в рамках АСЕАН. Анализ их реализации в асеановском направлении показывает, что данные инициативы не направлены на экспорт новых институциональных моделей или замену существующих региональных правил, а ориентированы на поиск практических форм реализации в рамках уже сложившегося порядка. В частности, Инициатива глобального развития выступает как ответ на региональные потребности, Инициатива глобальной безопасности реализуется преимущественно через сотрудничество в сфере нетрадиционных угроз и механизмов управления рисками, тогда как Глобальная цивилизационная инициатива затрагивает вопросы легитимности и идентичности. Несмотря на различие в акцентах, на практике они не развиваются изолированно, а формируют взаимосвязанную многоуровневую структуру взаимодействия.

С более широкой точки зрения это отражает базовую логику региональной политики Китая. Её ключевая особенность заключается не в стремлении к доминированию в рамках АСЕАН и перестройке регионального порядка, а в использовании существующих механизмов для расширения пространства сотрудничества и постепенного наращивания институционального влияния без подрыва действующих структур. Такая стратегия ориентирована не на быстрые изменения баланса сил, а на накопление устойчивости и предсказуемости за счёт долгосрочного функционирования институтов и согласования правил.

В то же время данная модель имеет и очевидные ограничения. Усиление внешней стратегической конкуренции, расхождения позиций внутри АСЕАН,

а также внешняя проекция чувствительных вопросов безопасности способны сдерживать темпы и глубину сотрудничества. Это означает, что приоритетное значение АСЕАН во внешней политике Китая не является неизменным, а поддерживается при условии сохранения способности сотрудничества приносить осязаемые общественные блага, а также при соблюдении принципов центральности и инклюзивности АСЕАН и обеспечении институциональной устойчивости.

Таким образом, оценка роли АСЕАН в китайской дипломатии не должна ограничиваться уровнем двусторонней близости или масштабами проектов, а требует учёта её структурной функции в региональном управлении и трансформации норм. В этом смысле АСЕАН выступает не только одним из приоритетных направлений периферийной дипломатии Китая, но и важнейшим условием институционального закрепления и практической реализации его глобальных инициатив на региональном уровне.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

На английском языке:

Нормативно-правовые:

1. Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea // ASEAN Secretariat. 14.05.2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://asean.org/declaration-on-the-conduct-of-parties-in-the-south-china-sea-2/> (дата обращения: 13.02.2024).

2. The ASEAN Charter // ASEAN Secretariat. 2008. [Электронный ресурс]. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/images/archive/publications/ASEAN-Charter.pdf> (дата обращения: 13.02.2024).

3. The Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia // ASEAN Secretariat. 1976. [Электронный ресурс]. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/01/20131230235433.pdf> (дата обращения: 13.02.2024).

Делопроизводственные:

4. ASEAN Community Vision 2045 // ASEAN Main Portal. 26.05.2025. [Электронный ресурс]. URL : <https://www.asean.org/wp-content/uploads/images/2015/November/aec-page/ASEAN-Community-Vision-2025.pdf> (дата обращения: 13.10.2025).

5. ASEAN Economic Community Blueprint 2025 // ASEAN Secretariat. 2015. [Электронный ресурс]. URL: https://www.miti.gov.my/miti/resources/AEC_Blueprint_2025.pdf (дата

обращения: 13.05.2025).

6. ASEAN Outlook on the Indo-Pacific // ASEAN Secretariat. 2019. [Электронный ресурс]. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/01/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf (дата обращения: 13.05.2025).

7. ASEAN Political-Security Community Blueprint 2025 // ASEAN Secretariat. 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.asean.org/wp-content/uploads/2012/05/ASEAN-APSC-Blueprint-2025.pdf> (дата обращения: 13.05.2025).

8. ASEAN Socio-Cultural Community Blueprint 2025 // ASEAN Secretariat. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.asean.org/wp-content/uploads/2012/05/8.-March-2016-ASCC-Blueprint-2025.pdf> (дата обращения: 13.05.2025).

9. Master Plan on ASEAN Connectivity 2025 // ASEAN Secretariat. 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/08/8_compressed.pdf (дата обращения: 13.05.2025).

Статистические:

10. International Institute for Strategic Studies. [Электронный ресурс]. URL: <https://chinaconnects.iiss.org/> (дата обращения: 24.02.2024).

На китайском языке:

Нормативно-правовые:

11. 中华人民共和国宪法[Конституция КНР] // 中华人民共和国中央人民政府 [Центральное народное правительство КНР]. В требованиях к

журналам ВАК точно не нужен. 22.03.2018. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm (дата обращения: 24.12.2023).

12. 中国共产党党章[Устав Коммунистической партии Китая] // 共产党员网 [Сайт члена Коммунистической партии]. 26.10.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.12371.cn/2022/10/26/ARTI1666788342244946.shtml> (дата обращения: 24.12.2023).

13. 中华人民共和国对外关系法[Закон КНР о внешних связях] // 中华人民共和国中央人民政府 [Центральное народное правительство КНР]. 28.06.2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202306/content_6888929.htm (дата обращения: 02.02.2025).

Делопроизводственные:

14. 《“一带一路”建设海上合作设想》[Сценарии морского сотрудничества в рамках строительства "ОПОП"] // 中华人民共和国国家发展和改革委员会 [Национальная комиссия по развитию и реформам КНР]. 19.06.2017. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/tz/201711/t20171116_962592_ext.html (дата обращения: 13.02.2024).

15. 《共建“一带一路”：构建人类命运共同体的重大实践》白皮书[Белая книга Строительство "ОПОП": основная практика построения сообщества человеческой судьбы] // 中华人民共和国国务院新闻办[Информационное бюро Государственного совета КНР]. 10.10.2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/zhengce/202310/content_6907994.htm (дата обращения:

13.02.2024).

16. 《推动共建丝绸之路经济带和 21 世纪海上丝绸之路的愿景与行动》[Видение и действия по продвижению строительства Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути 21 века] // 中华人民共和国外交部 [МИД КНР]. 28.03.2015. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/zyxw/201503/t20150328_332173.shtml (дата обращения: 13.10.2025).

17. 《携手构建人类命运共同体：中国的倡议与行动》白皮书[Белая книга Объединение усилий для создания сообщества единой человеческой судьбы: инициативы и действия Китая] // 中华人民共和国国务院新闻办 [Информационное бюро Государственного совета КНР]. 26.09.2023. [Электронный ресурс]. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/zfbps_2279/202309/t20230926_771203.html (дата обращения: 13.02.2024).

18. 新时代中国的周边外交政策展望 [Периферийные внешнеполитические перспективы Китая в новую эпоху] // 中华人民共和国外交部 [МИД КНР]. 24.10.2023. [Электронный ресурс]. URL: http://switzerlandemb.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/202310/t20231024_11167069.shtml (дата обращения: 13.02.2024).

19. 中国的和平发展白皮书[Белая книга по мирному развитию Китая] // 中华人民共和国国务院新闻办 [Информационное бюро Государственного совета КНР]. 06.09.2011. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/jrzg/2011-09/06/content_1941204.htm (дата обращения: 14.12.2023).

20. 中国—东盟关于“一带一路”倡议与《东盟互联互通总体规划 2025》

对接合作的联合声明 [Совместное заявление Китая и АСЕАН о сотрудничестве по сопряжению инициативы «Пояс и путь» с «Генеральным планом АСЕАН по взаимосвязанности до 2025 года»] // 中华人民共和国外交部 [МИД КНР]. 04.11.2019. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.cn/gjhdq_676201/gjhdqzz_681964/lhg_682518/zywj_682530/201911/t20191104_9386088.shtml (дата обращения: 13.10.2025).

21. 中国—东盟全面战略伙伴关系行动计划（2022-2025）[План действий всеобъемлющего стратегического партнерства между Китаем и АСЕАН (2022-2025 гг.)] // 中华人民共和国外交部[МИД КНР]. 11.11.2022. [Электронный ресурс]. URL: http://bbs.fmprc.gov.cn/ziliao_674904/1179_674909/202211/t20221111_10972996.shtml (дата обращения: 13.02.2024).

22. 中国—东盟战略伙伴关系 2030 年愿景[Стратегическое партнерство Китая и АСЕАН Видение 2030] // 中华人民共和国外交部[МИД КНР]. 15.11.2018. [Электронный ресурс]. URL: http://switzerlandemb.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gjhdqzz_681964/lhg_682518/zywj_682530/201811/t20181115_9386085.shtml (дата обращения: 13.02.2024).

23. 中国支持东盟中心地位的立场文件[Позиция Китая в поддержку центрального положения АСЕАН] // 中华人民共和国外交部[МИД КНР]. 04.08.2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.cn/wjb_673085/zfxxgk_674865/gknrlb/tywj/zcwj/202208/t20220804_10734026.shtml (дата обращения: 13.02.2024).

Публицистические:

24. 胡锦涛在中国共产党第十八次全国代表大会上的报告[Доклад Ху Цзиньтао на 18-м Всекитайском съезде КПК] // 人民网[Жэньминь жибао онлайн]. 08.11.2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://theory.people.com.cn/n/2012/1109/c40531-19530534-1.html> (дата обращения: 14.12.2023).

25. 李克强在第 21 次中国 – 东盟领导人会议上的讲话[Выступление Ли Кэцзяна на 21-й встрече лидеров Китая и стран АСЕАН] // 中华人民共和国外交部 [МИД КНР]. 14.11.2018. [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/yzs_673193/dqzz_673197/dnygjlm_673199/zywj_673211/201811/t20181115_7492254.shtml (дата обращения: 13.02.2024).

26. 习近平[Си Цзиньпин]. 论坚持推动构建人类命运共同体. [О настойчивом продвижении строительства сообщества единой судьбы человечества]. 北京: 中央文献出版社[Пекин: Центральное издательство литературы ЦК КПК], 2018. – 541с.

27. 习近平[Си Цзиньпин]. 习近平谈治国理政(第 1 卷)[Си Цзиньпин. О государственном управлении (том 1)]. 北京: 外文出版社[Пекин: Издательство иностранных языков], 2014. – 544 с.

28. 习近平[Си Цзиньпин]. 习近平谈治国理政(第 2 卷)[Си Цзиньпин. О государственном управлении (том 2)]. 北京: 外文出版社[Пекин: Издательство иностранных языков], 2017. – 569 с.

29. 习近平[Си Цзиньпин]. 习近平谈治国理政(第 3 卷)[Си Цзиньпин.

О государственном управлении (том 3)]. 北京：外文出版社 [Пекин: Издательство иностранных языков], 2020. – 570 с.

30. 习近平[Си Цзиньпин]. 习近平谈治国理政(第 4 卷)[Си Цзиньпин. О государственном управлении (том 4)]. 北京：外文出版社 [Пекин: Издательство иностранных языков], 2022. – 646 с.

31. 习近平[Си Цзиньпин]. 习近平谈治国理政(第 5 卷)[Си Цзиньпин. О государственном управлении (том 5)]. 北京：外文出版社 [Пекин: Издательство иностранных языков], 2025. – 556 с.

32. 习近平在第七十六届联合国大会一般性辩论上的讲话（全文） [Выступление Си Цзиньпина на общих прениях 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (полный текст)] // 中华人民共和国外交部[МИД КНР]. 22.09.2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/zyxw/202109/t20210922_9584017.shtml (дата обращения: 12.02.2025).

33. 习近平在中国 – 东盟建立对话关系 30 周年纪念峰会上的讲话（全文） [Выступление Си Цзиньпина на саммите, посвященном 30 – летию установления диалоговых отношений между Китаем и АСЕАН (полный текст)] // 中华人民共和国外交部[МИД КНР]. 22.11.2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/zyxw/202111/t20211122_10451226.shtml (дата обращения: 13.10.2025).

34. 习近平在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告[Доклад Си Цзиньпина на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая] // 中华人民共和国中央人民政府[Центральное народное правительство КНР]. 16.10.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.cn/xinwen/2022->

10/25/content_5721685.htm (дата обращения: 24.12.2023).

35. 习近平在中国共产党与世界政党领导人峰会上的主旨讲话 [Программная речь Си Цзиньпина на саммите Коммунистической партии Китая и лидеров политических партий мира] // 中华人民共和国中央人民政府 [Центральное народное правительство КНР]. 06.06.2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-07/06/content_5622851.htm?jump=false (дата обращения: 13.12.2023).

36. 习近平在中华人民共和国恢复联合国合法席位 50 周年纪念会议上的讲话 [Выступление Си Цзиньпина на юбилейном заседании, посвященном 50-летию восстановления юридического места Китайской Народной Республики в Организации Объединенных Наций] // 中华人民共和国中央人民政府 [Центральное народное правительство КНР]. 25.10.2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-10/25/content_5644755.htm (дата обращения: 24.12.2023).

Статистические:

37. 一带一路数据库 [База данных ОПОП]. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ydylcn.com/skwx_ydyl/sublibrary?SiteID=1&ID=8721 (дата обращения: 24.02.2024).

38. 中国一带一路网 [Портал «Пояс и путь» Китая]. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/> (дата обращения: 24.02.2024).

39. 中华人民共和国海关总署 [Главное таможенное управление КНР]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/zfxhgk/2799825/302274/302275/562>

4373/index.html (дата обращения: 15.12.2024).

40. 中华人民共和国商务部 [Министерство коммерции КНР]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/> (дата обращения: 24.02.2024).

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке:

1. АСЕАН - движущая сила региональной интеграции в Азии: монография / И.И. Шувалов, Т.Я. Хабриева, А.Я. Капустин [и др.]; отв. ред. Т.Я. Хабриева, зам. отв. ред. Н.М. Бевеликова. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. – 256 с.

2. АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дилеммы: Монография / Под ред. В.М.Мазырина, Е.В.Колдуновой / А.А.Байков, Д.Д.Бачило, Е.С.Бурова, В.В.Вершинина [и др.]. Предисловие академика А.В.Торкунова. 2-е изд., испр. — Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2025. –608 с.

3. Барский К.М., Виноградов А.В., Салицкий А.И. О диалектическом единстве внутренней и внешней политики Китая. К 100-летию образования Коммунистической партии Китая // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91. № 8. С. 703–712.

4. Бояркина А.В. Внешнеполитические концепции КНР: теоретический замысел и практическая реализация / монография / А.В.

Бояркина, науч. ред. В.Ф. Печерица; Дальневост. федерал. ун-т. – Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2023. – 342 с.

5. Бояркина А.В. К вопросу о дипломатии великой державы с китайской спецификой в "новую эпоху" // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*. 2022. № 1. С. 129–140.

6. Бояркина А.В., Печерица В. Ф., Мефодьева С. А. Традиционная культура Китая в контексте концепции «сообщества единой судьбы для человечества» // *Вестник ЗабГУ*. 2018. Т. 24. № 8. С. 56–64.

7. Бучкина А.А. Риски инициативы "Один пояс - Один путь"// *Горизонты гуманитарного знания*. 2020. № 1. С. 87–94.

8. Васильев Л.Е. "Некоторые аспекты политики Китая в Юго-Восточной Азии" Китай в мировой и региональной политике // *История и современность*. 2020. Т. 25. № 25. С. 212–225.

9. Виноградов А.В. Внешний мир в стратегии Китая после XX съезда КПК // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 5. С. 90–107.

10. Виноградов А.В. Внутриполитические вызовы Китаю в начале XXI века // *Сравнительная политика*. 2017. Т. 8. № 3. С. 131–145.

11. Виноградов А.В. Китай в современном глобальном противостоянии // *Полицентричный мир*. 2024. Т. 1. № 1-2. С. 77–82.

12. Виноградов А.В. Марксизм, КПК и новая эпоха Си Цзиньпина // *Ориенталистика*. 2022. Т. 5. С. 944–960.

13. Виноградов А.В. Однополярная Азия: китайский региональный порядок // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 3. С. 23–32.

14. Виноградов И.С. Инициатива «Пояс и путь» в странах АСЕАН:

особенности и успехи реализации // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2024. № 29. С.154–171.

15. Власов Н.В. Современная политика КНР в Юго-Восточной Азии // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 3(42). С. 60–67.

16. Гордиенко Д.В. Взгляды Китая на систему международных отношений в XXI веке: концепция сообщества единой судьбы человечества // Экономика и управление: проблемы, решения. 2021. Т. 1. № 3(111). С. 135–147.

17. Грачиков Е.Н. Внешняя политика Китая: стратегии в контексте идентичности и глобальной перспективы // Международные отношения. 2015. № 3. С. 290–306

18. Грачиков Е.Н. Дипломатия КНР: Контекст академического дискурса // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 3. С. 33–41.

19. Грачиков Е.Н., Исмагилова А.Т. КНР: многополярность, балансирование и новые подходы к глобальному управлению // Баланс сил в ключевых регионах мира: концептуализация и прикладной анализ. Под ред. Д.А. Дегтерева, М.А. Никулина, М.С. Рамича. М.: Российский университет дружбы народов, 2021. С. 57–68.

20. Грачиков Е.Н., Сюй Хайянь. КНР и международная система: формирование собственной модели мироустройства // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2022. Т.17. № 1. С. 7–24.

21. Грачиков Е.Н., Чжоу Сяюй. Национальные интересы Китая: коннотации, иерархия, балансирование // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 7. С. 70–83.

22. Денисов И.Е. Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине:

преemptивность и новаторство // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 10(5). С. 83–98.

23. Евразийский вектор китайской Инициативы «Пояс и Путь»: территориально-экономические и правовые аспекты: монография / П.В. Алексеев, А.Б. Гинойн, С.С. Дахненко [и др.]; под редакцией А.А. Ткаченко. Москва: КУРС, 2024. – 272 с.

24. Забелла А.А., Каткова Е.Ю. Об особенностях периферийной дипломатии КНР и отношениях со странами АСЕАН // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2020. Т. 1. № 1(46). С. 29–44.

25. Золотухин И.Н. АСЕАН как уникальная модель регионализма // Известия Восточного института. 2020. № 1(45). С.121–127.

26. Золотухин И.Н. Геополитические интересы Китая в Евразии. Новые партии на пространстве Великой шахматной доски // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 1(60). С.161–166.

27. Золотухин И.Н. Территориальные споры в Южно-Китайском море: современное состояние проблемы // Известия Восточного института. 2017. № 4(36). С.13–24.

28. Зуенко И.Ю., Осокин А.С. «Дипломатическая география» Си Цзиньпина: о чём говорит статистика зарубежных визитов китайского лидера // Вестник МГИМО-Университета. 2024. № 17(3). С. 100–116.

29. Игнатъев С.В. Юго-восточная Азия в проекте КНР "морской Шелковый путь XXI века": аспекты безопасности // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2018. № 2 (39). С. 40–49.

30. Канаев Е.А. АСЕАН и экономическое сотрудничество в юго-восточной Азии: тенденции и промежуточные итоги // ЮВА: актуальные

проблемы развития. 2021. №1 (50). С. 32–46.

31. Канаев Е.А. Китайское деловое присутствие в Юго-восточной Азии как фактор развития инициативы «пояс и путь» // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2022. № 1 (54). С. 30–43.

32. Канаев Е.А., Терских М.А. Перспективы вьетнамо-китайских отношений и «цифровой шёлковый путь» в юго-восточной Азии // Вьетнамские исследования. 2020. № 4. С. 5–15.

33. Киреева А.А. "Инициатива пояса и пути": содержание, цели и значение // Сравнительная политика. 2018. № 3. С.61–74.

34. Колганов А.И., Чэнь Айжу. О философских и культурных истоках и социально-экономическом значении концепции «сообщества единой судьбы человечества» // Российский экономический журнал. 2023. № 3. С. 38–53.

35. Колдунова Е.В. Динамика отношений в треугольнике Китай-США-Россия: вызовы для АСЕАН // Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы. 2021. С.198–200.

36. Колдунова Е.В. Юго-Восточная Азия между США, Китаем и Россией: в поисках ускользающего равновесия // Международные процессы. 2024. № 22(1). С.106–223.

37. Коробкова Д.В. Периферийная дипломатия как инструмент внешнеполитической коммуникации КНР // Международные коммуникации. 2019. № 2(11). С. 7.

38. Кочеров О.С. Вечное возрождение дракона: ловушка дискурсивной силы и деколониальная критика теории международных отношений // Мировая политика. 2023. № 4. С.1–20.

39. Лазарев А.А. Концепция "Сообщество единой судьбы человечества"

и её место в современной внешней политике Китая // Актуальные проблемы международных отношений, международного права и безопасности. –Москва: Информационно-внедренческий центр "Меридиан", Российское общество политологов, 2021. С. 438–441.

40. Летяев В.А., Ван Юй. Внешняя политика и "дипломатия мировой державы с китайской спецификой": по материалам доклада ЦК КПК XX съезду // Россия и мир: научный диалог. 2022. № 4(6). С. 186–209.

41. Локшин Г.М. Сотрудничество АСЕАН-Китай: ключ к миру в ЮВА // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 64 (6). С. 142–150.

42. Ломанов А.В. "Китайская мечта" как идеологический символ руководства Си Цзиньпина // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура: к 65-летию КНР. – Москва: Издательство "Форум", 2014. С. 40–56.

43. Лукин А.В. Дискуссия о развитии Китая и перспективы его внешней политики // Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 71– 89.

44. Мануйлова Ю.В. Особенности современной политики Китая в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР). Дисс. канд. полит. наук: 23.00.02: М.2023. 264 с.

45. Мацель В.М. Внешнеполитическая стратегия КНР эпохи Си Цзиньпина // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2023. № 1. С. 38–49.

46. Михневич С.В. «Мечтаем вместе»: экономическое измерение «умной силы» КНР в Юго-Восточной Азии // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. № 13(4). С. 237–255.

47. Мокрецкий А.Ч. Китайская дипломатия в "эпоху Си Цзиньпина" // Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК: Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН, Москва. – Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2018. С. 70–82.

48. Мосяков Д.В. Новый военный блок - новые угрозы миру и безопасности в Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. №. 3(52). С. 5–17.

49. Мосяков Д.В., Шпаковская М.А. Китай переигрывает США в отношениях с АСЕАН // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. №. 3 (40). С. 5–11.

50. Мосяков Д.В., Шпаковская М.А., Понька Т.И. Роль Мьянмы в китайской инициативе «Пояс и путь» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24. №. 3. С. 439–449.

51. Муратшина К.Г., Бородина Е.А. Культурная активность Китая в странах АСЕАН в условиях пандемии // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2022. № 4 (57). С. 213–204.

52. Нежданов В.Л. К вопросу о специфике внешнеполитических концепций "Идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи" // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 3. С. 47–57.

53. Оганесян А.Л. Эволюция внешнеполитической стратегии КНР на современном этапе / А. Л. Оганесян // СИНОЛОГИЯ В XXI в.: Материалы международной научной конференции, Улан-Удэ, 12 октября 2021 года. Том Выпуск 1. – Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи

Банзарова, 2021. С. 37–45.

54. Песцов С.К. Регионализм и новая периферийная политика Китая // Мировая политика. 2017. № 3. С. 103–118.

55. Петрунина Ж.В. Экономическое взаимодействие Китая и стран АСЕАН в XXI в. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 286–288.

56. Печерица В.Ф., Бояркина А.В. Концепция Си Цзиньпина "сообщества единой судьбы человечества": от идеи до практического воплощения. – Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2020. – 224 с.

57. Понька Т.И., Куклин Н.С., Дубровский И.Р. Формат "Китай-Вьетнам-Индия" в Южно-Китайском Море в контексте региональной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. №. 4. С. 354–371.

58. Понька Т.И., Чан Зуй Тхань. АСЕАН как ведущая интеграционная структура Юго-Восточной Азии // Казачество. 2022. № 64 (7). С. 127–140.

59. Портяков В.Я. О современной внешней политике КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 1. С. 13–21.

60. Пятачкова А.С. Концептуальная основа современной внешней политики КНР. Дисс... канд. полит. наук: 23.00.02: М. 2025. 319 с.

61. Рогожина Н.Г. Лаос и Китайская инициатива пояса и пути-приобретения и потери // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2021. № 2 (51). С. 166–173.

62. Семенов А.В., Цвык А.В. К вопросу о понятии и интерпретации концепции "сообщества единой судьбы человечества" // Общество и

государство в Китае. 2019. Т. 49. № 1. С. 547–554.

63. Сообщество АСЕАН в современном мире: монография / Г.М. Локшин, Е.В. Кобелев, В.М. Мазырин. М.: ИД «ФОРУМ», 2019. – 296 с.

64. Страны Юго-Восточной Азии и Южно-Тихоокеанского региона между Пекином и Вашингтоном / Е. М. Астафьева, Н. Н. Бектимирова, А. А. Гарин [и др.]. Москва : Институт востоковедения РАН, 2021. – 592 с.

65. Турицын И.В., Рау И. "Китайская мечта" о великом возрождении нации и внешняя политика КНР эпохи Си Цзиньпина (2012–2018 гг.) // Современная научная мысль. 2019. № 1. С. 135–159.

66. Тушков А.А., Федоренко У.В. Периферийная дипломатия Китая как драйвер концепции "Сообщества единой судьбы человечества" // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 3(67). С. 819–825.

67. Цветов П.Ю., Ван Вэй. Сотрудничество Китая и России с АСЕАН: основные формы, направления, результаты // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. 2021. №1 (372). С. 56–68.

68. Цуй Цзявэнь. Концепция сообщества единой судьбы человечества в контексте культурно-цивилизационной идентичности Китая // Общество: философия, история, культура. 2019. № 4(60). С. 87–91.

69. Чжан Маньци. Балансирование АСЕАН между инициативой «Пояс и путь» и Индо-Тихоокеанской стратегией: история вопроса и перспективы развития ситуации // Общество: философия, история, культура. №. 10. 2025. С. 313–319.

70. Чжан Маньци. Место Китая во внешней политике АСЕАН // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 6–2. С. 34–39.

71. Чжан Маньци. От регионального сотрудничества к глобальному управлению: географическая иерархия и приоритеты дипломатии Си Цзиньпина // Общество: философия, история, культура. 2025. № 6. С. 153–160.

72. Чэнь Айжу. О философском значении сообщества единой судьбы человечества // Проблемы цивилизационного развития. 2022. Т. 4. № 1. С. 160–168.

73. Чэнь Янань. О создании культурной идентичности в контексте концепции Си Цзиньпина "Сообщество единой судьбы человечества" // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2022. № 25. С. 77–80.

74. Шляпина А.О. Китай–страны АСЕАН: территориальные споры в Южно-Китайском море // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. № 2 (25). С. 38–45.

75. Шпаковская М.А., Левченко М.Н. Место стран индокитая в Китайской инициативе «Один пояс - Один путь» // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. Т. 1. № 1 (54). С. 44–52.

На английском языке:

76. Aiyara T. The long and winding railway: Domestic politics and the realization of China-initiated high-speed railway projects in Thailand // Chinese Political Science Review. 2019. Vol. 4. No 3. Pp. 327–348.

77. Arase D. China's Two Silk Roads Initiative: What It Means for Southeast Asia // Southeast Asian Affairs. 2015. No 1. Pp. 25–45.

78. Azis I.J. ASEAN economic integration: quo vadis? // Journal of Southeast Asian Economies. 2018. Vol. 35. No 1. Pp. 2–12.

79. Banlaoi R.C. Counterterrorism Cooperation between China, ASEAN, and Southeast Asian Countries: Current Status, Challenges, and Future Direction // China Review. 2021. Vol. 21. No 4. Pp. 141–170.
80. Baviera Aileen S.P. China's strategic foreign initiatives under Xi Jinping: An ASEAN perspective // China Quarterly of International Strategic Studies. 2016. Vol. 2. No 1. Pp. 57–79.
81. Bhattacharya A. Conceptualizing the Silk Road initiative in China's periphery policy // East Asia. 2016. Vol. 33. No 4. Pp. 309–328.
82. Bi Shihong. Cooperation between China and ASEAN under the building of ASEAN Economic Community // Journal of Contemporary East Asia Studies. 2021. Vol. 10. No 1. Pp. 83–107.
83. Chan I. Current Trends in Southeast Asian Responses to the Belt and the Road Initiative // ASEAN and the Indian Ocean: The Key Maritime Links, edited by Sam Bateman et al., S. Rajaratnam School of International Studies, 2017. Pp. 42–51.
84. Chheang V. Cambodia's Embrace of China's Belt and Road Initiative: Managing Asymmetries, Maximizing Authority // Asian Perspective. 2021. Vol. 45. No 2. Pp. 375–396.
85. Chirathivat S., Rutchatorn B., Devendrakumar A. China's Belt and Road Initiative in ASEAN: Growing Presence, Recent Progress and Future Challenges. Singapore: World Scientific, 2021. – 432p.
86. Chung C.P., Voon T.J. China's Maritime Silk Road initiative: political-economic calculations of Southeast Asian states // Asian Survey. 2017. Vol. 57. No 3. Pp. 416–449.
87. Clarke M. The belt and road initiative: China's new grand strategy? //

Asia Policy. 2017. Vol. 24. Pp. 71–79.

88. De Vienne M.S., Jammes J. China's Maritime Nexus in Southeast Asia: Economic and Geostrategic Challenges of the Belt and Road Initiative in Brunei // Asian Survey. 2020. Vol. 60. No 5. Pp. 905–927.

89. Emmerson D.k. The Deer and the Dragon: Southeast Asia and China in the 21st Century. California: Walter H. Shorenstein Asia-Pacific Research Center, 2020. –394p.

90. Ferchen M. The Two Faces of the China Model: The BRI in Southeast Asia // Global Perspectives on China's Belt and Road Initiative: Asserting Agency through Regional Connectivity. 2021. Pp. 245–264.

91. Flint C., Zhu Cuiping. The geopolitics of connectivity, cooperation, and hegemonic competition: The Belt and Road Initiative // Geoforu. 2019. Vol. 99. Pp. 95–101.

92. Ha H.T. Understanding China's proposal for an ASEAN-China community of common destiny and ASEAN's ambivalent response // Contemporary Southeast Asia. 2019. Vol. 41. No 2. Pp. 223–254.

93. Hao Qi. China debates the 'new type of great power relations' // The Chinese Journal of International Politics. 2015. Vol. 8. No 4. Pp. 349–370.

94. Huang C.H. China's Role in Southeast Asia in 2021: Reassurance, Resolve, and Resurging Competition // Southeast Asian Affairs. 2022. No 1. Pp. 60–72.

95. Huxley T. ASEAN Security Co-operation—Past, Present and Future // ASEAN into the 1990s. 1990. Pp. 83–111.

96. Iida M. Xi Jinping's diplomacy and the rise of his political authority // Journal of Contemporary East Asia Studies. 2020. Vol. 9. No 2. Pp. 127–143.

97. Jetin B. The Belt and Road Initiative and ASEAN Connectivity: Synergy Issues and Potentialities // China's Belt and Road Initiative and Building the Community of Common Destiny. 2019. Pp. 245–253.
98. Jones D.M., Mei S.C.E. ASEAN's Economic Community: ASEAN Way or Beijing's Way? // Southeast Asia and the ASEAN Economic Community. 2019. Pp. 421–453.
99. Katsumata H., Nagata S. ASEAN and the BRI: the utility of equidistant diplomacy with China and the US // Asian Journal of Peacebuilding. 2019. Vol. 7. No 2. Pp. 333–348.
100. Kuik C.C. Asymmetry and Authority: Theorizing Southeast Asian Responses to China's Belt and Road Initiative // Asian Perspective. 2021. Vol. 45. No 2. Pp. 255–276.
101. Leverett F., Wu Bingbing. The New Silk Road and China's evolving grand strategy // The China Journal. 2017. Vol. 77. No 1. Pp. 110–132.
102. Lim Alvin Cheng-Hin, Frank Cibulka. China and Southeast Asia in the Xi Jinping Era. Lanham, Maryland: Lexington Books, 2019. – 242p.
103. McConnell F., Woon C.Y. Mapping Chinese Diplomacy: Relational contradictions and spatial tensions // Geopolitics. 2023. Vol. 28. No 2. Pp. 593–618.
104. Natalegawa M. Does ASEAN matter? a view from within. Singapore: ISEAS–Yusof Ishak Institute, 2018. – 258p.
105. Nathan A.J., Zhang B. 'A shared future for mankind': Rhetoric and reality in Chinese foreign policy under Xi Jinping // Journal of Contemporary China. 2022. No 31(133). Pp. 57–71.
106. Park S. C. The roles and strategies of ASEAN in the Belt and Road Initiative (BRI) // Cuadernos Europeos de Deusto. 2022. No 03. Pp. 115–148.

107. Peng N., Ngeow C.B. Managing the South China Sea dispute: Multilateral and bilateral approaches // *Ocean Development & International Law*. 2022. No 53(1). Pp. 37–59.
108. Rana K.S. China's foreign ministry: fit for purpose in the era of Xi Jinping, BRI and 'Major Country Diplomacy with Chinese Characteristics'? // *China Report*. 2019. Vol. 55. No 3. Pp. 193–218.
109. Reeves J. Imperialism and the Middle Kingdom: The Xi Jinping administration's peripheral diplomacy with developing states // *Third World Quarterly*. 2018. Vol. 39. No 5. Pp. 976–998.
110. Sevilla Jr. H.A. China's New Silk Route Strategy and the Association of the Southeast Asian Nations (ASEAN) // *Indian Journal of Asian Affairs*. 2017. Vol. 30. No 1/2. Pp. 85–91.
111. Smith S.N. Community of common destiny: China's "new assertiveness" and the changing Asian order // *International Journal*. 2018. Vol. 73. No 3. Pp. 449–463.
112. Smith S.N. Harmonizing the periphery: China's neighborhood strategy under Xi Jinping // *The Pacific Review*. 2021. Vol. 34. No 1. Pp. 56–84.
113. Stokes J. China's Periphery Diplomacy: Implications for Peace and Security in Asia. Washington D.C.: United States Institute of Peace, 2020. No 467. – 23p.
114. Wade G., Chin J.K. China and Southeast Asia: historical interactions. NY.: Routledge, 2019. – 398p.
115. Wang Zhaohui, Fu Yuheng. Local politics and fluctuating engagement with China: Analysing the belt and road initiative in maritime Southeast Asia // *The Chinese Journal of International Politics*. 2022. Vol. 15. No 2. Pp. 163–182.

116. Wu S.S., Chong A. Developmental Railpolitics: The political economy of China's high-speed rail projects in Thailand and Indonesia // Contemporary Southeast Asia. 2018. Vol. 40. No 3. Pp. 503–526.

117. Xue Gong. China's Belt and Road initiative financing in Southeast Asia // Southeast Asian Affairs. 2020. Pp. 77–95.

118. Yu Hong. China's Belt and Road Initiative and its implications for Southeast Asia // Asia Policy. 2017. Vol. 24. No 1. Pp. 117–122.

119. Yu Hong. Understanding China's belt and road initiative. Singapore: Springer Nature Singapore, 2024. – 210 p.

120. Zhang Yunling. China and its neighbourhood: transformation, challenges and grand strategy // International Affairs. 2016. Vol. 92. No 4. Pp. 835–848.

121. Zeng Jinghan, Breslin S. China's 'new type of Great Power relations': a G2 with Chinese characteristics? // International Affairs. 2016. Vol. 92. No 4. Pp. 773–794.

122. Zhang Denghua. The concept of 'community of common destiny' in China's diplomacy: Meaning, motives and implications // Asia & the Pacific Policy Studies. 2018. Vol. 5. No 2. Pp. 196–207.

На китайском языке:

123. 曹开臣,胡伟,葛岳静[Цао Кайчэнь, Ху Вэй, Гэ Юэцзин]. “21 世纪海上丝绸之路”沿线地缘环境及其对中国的影响[Геосреда вдоль "Морского шелкового пути XXI века" и ее влияние на Китай] // 世界地理研究[Исследования мировой географии]. 2023. № 32(06). С. 39–50.

124. 曹群,丁天笑[Цао Цюнь, Дин Тяньсяо].新形势下中国与东盟国家共建“蓝色伙伴关系”:基础、挑战和路径[Создание "голубого партнерства" между

Китаем и странами АСЕАН в новых условиях: основы, вызовы и пути] // 南海学刊[Вестник Южно-Китайского моря]. 2024. № 10(01). С. 44–55.

125. 曹云华,李均锁[Цао Юньхуа, Ли Цзюньсо]. 东盟经济共同体与“21世纪海上丝绸之路”:竞争与合作[Экономическое сообщество АСЕАН и "Морской шелковый путь 21 века": конкуренция и сотрудничество] //广东社会科学[Социальные науки Гуандуна]. 2020. № 2. С. 37–44.

126. 陈邦瑜,韦红[Чэнь Баньюй, Вэй Хун]. 周边外交视角下构建中国-东盟命运共同体[Создание сообщества судьбы Китай-АСЕАН с точки зрения периферийной дипломатии] // 社会科学家[общественных наук]. 2016. № 4. С. 41–45.

127. 陈和香[Чэнь Хэсян]. 习近平外交思想的理论逻辑、历史逻辑与实践逻辑[Теоретическая логика, историческая логика и практическая логика внешнеполитической мысли Си Цзиньпина] // 延安大学学报[Вестник Яньаньского университета]. 2023. № 45(01). С. 5–10.

128. 仇华飞,方雅静[Цю Хуафэй, Фан Яцзин]. 中国周边外交中的软实力战略[Стратегия мягкой силы в периферийной дипломатии Китая] // 国际观察[Международные наблюдения]. 2015. № 3. С. 55–69.

129. 冯悦[Фэн Юе]. 东盟社会文化共同体与中国—东盟社会文化合作[Социально-культурное сообщество АСЕАН и социально-культурное сотрудничество между Китаем и АСЕАН] // 东南亚纵横[Юго-Восточная Азия Вертикаль]. 2017. № 6. С. 21–26.

130. 郭锐,王雪松[Го жуй, Ван Сюэсун]. 主场外交:国家治理与全球治理互动的中国探索[Дипломатия главной сцены: исследование Китая взаимодействия национального и глобального управления] // 学术探索[Академическая разведка]. 2024. № 1. С. 128–134.

131. 郭秀清[Го Сюэцин]. 全球治理倡议引领全球治理体系改革

[Инициатива по глобальному управлению направляет реформу системы глобального управления] // 当代世界[Современный мир]. 2025. № (10). С.18–25.

132. 黄冰[Хуан Бин]. 伙伴关系:构建新型国际关系的新路径——以中国与东南亚国家的伙伴关系实践为例[Партнерство: новый путь к построению международных отношений нового типа - на примере практики партнерства Китая со странами Юго-Восточной Азии] // 外交评论 [Дипломатическое обозрение]. 2023. № 40(05). С. 48–72.

133. 黄李莉,陆永玖,黄婕[Хуан Лили, Лу Юнцзю, Хуан Цзе]. 共建“一带一路”十周年: 中国—东盟人文交流合作的成果、挑战与对策建议[Десятая годовщина строительства "Пояса и пути": достижения, проблемы и контрмеры в области гуманитарных обменов и сотрудничества между Китаем и АСЕАН] // 南宁职业技术学院学报 [Вестник Наньнинского института профессиональных и технических наук]. 2023. № 31(06). С. 79–87.

134. 李文,蔡建红[Ли Вэнь, Цай Цзяньхун]. “一带一路”对中国外交新理念的实践意义[Практическое значение "Одного пояса, одного пути" для новой концепции дипломатии Китая] // 东南亚研究[Исследования Юго-Восточной Азии]. 2015. № 3. С. 4–9.

135. 李文[Ли Вэнь]. “一带一路”与中国-东盟命运共同体建设["Пояс и путь" и строительство сообщества судьбы Китай-АСЕАН] // 东南亚纵横 [Юго-Восточная Азия Вертикаль]. 2015. № 10. С. 9–14.

136. 李向阳[Ли Сянъян]. 中国周边环境的发展趋势 [Тенденции в соседстве с Китаем] // 现代国际关系 [Современные международные отношения]. 2015. № 1. С. 12–14.

137. 李兴[Ли Син]. 中国特色大国外交视域下的周边外交与全球治理 [Периферийная дипломатия и глобальное управление с точки зрения дипломатии великих держав с китайской спецификой] // 人民论坛[Народный

форум]. 2023. № 13. С. 72–77.

138. 李兴 [Ли Синь]. 论中国睦邻外交：理论构建与实践创新 [О китайской добрососедской дипломатии: теоретические построения и практические инновации] // 国际观察 [Международное наблюдение]. 2024. № 1. С. 48–66.

139. 梁运文, 崔潇 [Лян Юньвэнь, Цуй Сяо]. 新时代十年中国—东盟命运共同体研究：脉络与前瞻 [Исследование сообщества судьба Китая и АСЕАН за десять лет новой эры: контекст и виды на будущее] // 广西大学学报 [Вестник Гуансийского университета]. 2022. № 44(04). С. 140–147.

140. 刘樊德, 欧裕美, 周子伦 [Лю Фандэ, Оу Юймэй, Чжоу Цзылунь]. 习近平外交思想对马克思主义国际关系理论的新发展 [Новое развитие внешнеполитической мысли Си Цзиньпина на основе марксистской теории международных отношений] // 现代国际关系 [Современные международные отношения]. 2023. № 8. С. 39–49.

141. 刘乐 [Лю Лэ]. 共建“一带一路”十周年与中国特色外交创新 [Десятая годовщина "Одного пояса, одного пути" и дипломатические инновации с китайской спецификой] // 国际论坛 [Международный форум]. 2023. № 25(03). С. 3–21.

142. 卢光盛 [Лу Гуаншэн]. 中国—东盟命运共同体构建与区域秩序重塑 [Создание сообщества судьбы Китая и АСЕАН и перестройка регионального порядка] // 当代世界 [современный мир]. 2023. № 6. С. 24–29.

143. 陆广济 [Лу Гуанцзи]. 中国-东盟命运共同体构建：基于“身份政治”理论的分析 [Сообщество судьбы Китая и АСЕАН: анализ на основе теории "политики идентичности"] // 边界与海洋研究 [Пограничные и морские исследования]. 2021. № 2. С. 94–112.

144. 陆建人 [Лу Цзяньжэнь]. “一带一路”倡议与中国—东盟命运共同体建设 [Инициатива "Пояс и путь" и строительство сообщества судьбы Китай-

АСЕАН] // 创新[Инновации]. 2015. № 9(05). С. 44–50.

145. 罗亮[Ло Лян]. 从南海争端视角看中国-东盟共建 21 世纪海上丝绸之路[Совместное строительство Китаем и АСЕАН морского Шелкового пути 21-го века с точки зрения спора в Южно-Китайском море] // 广西师范大学学报[Вестник Гуансийского нормального университета]. 2016. № 52(06). С. 8–13.

146. 马俊峰, 马乔恩[Ма Цзюньфэн, Ма Цзяоэнь]. 构建人类命运共同体的历史性研究 [Историческое исследование создания сообщества единой судьбы человечества]. 北京: 人民出版社[Пекин: Народное издательство], 2019. – 230 с.

147. 祁怀高[Ци Хуайгао]. 中国崛起背景下的周边安全与周边外交 [Безопасность соседства и дипломатия соседства в контексте подъема Китая]. 北京:中华书局出版社[Пекин: Чжунхуа Шуцзюй], 2014. – 398 с.

148. 任远喆[Жэнь Юаньчжэ]. “一带一路”与中国在东南亚的“高铁外交”实践 ["Один пояс, один путь" и "высокоскоростная железнодорожная дипломатия" Китая в Юго-Восточной Азии] // 东南学术 [Юго-восточная академия]. 2019. № 3. С. 140–148.

149. 石源华[Ши Юаньхуа]. 近代中国周边外交史论[История китайской дипломатии соседства в современную эпоху]. 上海:上海辞书出版社[Шанхай: Шанхайское издательство "Риторика"], 2006. – 581 с.

150. 孙伟平, 贺敏[Сунь Вэйпин, Хэ Минь]. 人类命运共同体的理论内蕴、双重内涵与实践路向 [Теоретическое значение, двойное значение и практическое направление сообщества общего будущего человечества] // 马克思主义哲学[марксистская философия]. 2023. № (06). С. 87–94.

151. 孙壮志 [Сунь Чжуанчжи]. 在多极化进程中构建新型国际关系 [Построение международных отношений нового типа в процессе многополярности] // 世界知识[Мировые знания]. 2023. № (07). С. 24–26.

152. 汤德森,杨邦,张晨[Тан Дэсэнь, Ян Бан, Чжан Чэнь]. 习近平人类命运共同体理念的丰富内涵与时代价值[Богатый подтекст и современное значение концепции Си Цзиньпина о сообществе единой судьбы человечества] // 社会主义研究[Социалистические исследования]. 2023. № 2. С. 71–78.

153. 陶斌智[Тао Бинчжи]. “一带一路”倡议背景下中国与东盟贸易发展研究[Исследование развития торговли между Китаем и АСЕАН в контексте инициативы "Пояс и путь"] // 河南社会科学[Социальные науки Хэнань]. 2019. № 27(04). С. 28–34.

154. 王春英,仇佳璐[Ван Чуньин, Чжан Цзялу]. 人类命运共同体理念:时代背景、理论创新与实践路径[Концепция сообщества единой судьбы человечества: предпосылки, теоретические новации и практические пути] // 江西社会科学[Социальные науки Цзянси]. 2023. № 43(07). С. 13–20.

155. 王赓武[Ван Гунъу]. 新“海上丝绸之路”: 中国与东盟[Новый "Морской шелковый путь": Китай и АСЕАН] // 南洋问题研究[Наньянские исследования]. 2022. № 2. С. 1–11.

156. 王虎学,何潇潇[Ван Хуосюэ, Хэ Сяосяо]. “人类命运共同体”理念的历史、现实与价值[История, реальность и ценность концепции "Сообщество единой судьбы человечества"] // 新视野 [новые горизонты]. 2022. № 1. С. 29–34.

157. 王俊生[Ван Цзюньшэн]. 重塑战略重心: 十八大以来的中国周边外交[Изменение стратегического фокуса: периферийная дипломатия Китая после 18-го Национального конгресса] // 当代世界与社会主义[Современный мир и социализм]. 2017. № 2. С. 167–173.

158. 王俊生,田德荣[Ван Цзюньшэн, Тянь Дэжун]. 以正确义利观指导周边命运共同体构建[Правильные концепции справедливости и интересов направляют прилегающие территории к построению сообщества с общим

будущим] // 中国发展观察[Монитор развития Китая]. 2023. № 2. С. 46–50.

159. 王明国[Ван Минго]. 全球发展倡议与全球发展治理体系变革[Инициативы глобального развития и изменения в системе управления глобальным развитием] // 当代世界[Современный мир]. 2024. № 8. С. 28–33.

160. 王巧荣[Ван Цяожун]. 新中国周边外交的历史逻辑[Историческая логика периферийной дипломатии Китая] // 中国与周边国家关系研究[Исследование взаимоотношений между Китаем и соседними странами]. 2022. № 1. С. 77–104.

161. 魏志江[Вэй Чжицзян]. 习近平外交思想的天下情怀[Мировые настроения дипломатической мысли Си Цзиньпина] // 国际问题研究[Исследования по международным проблемам]. 2023. № 6. С. 1–14.

162. 吴志成,刘培东[У Чжичэн, Лю Пэйдун]. 习近平外交思想中的新型国际关系观[О принципе международных отношений нового типа в дипломатической мысли Си Цзиньпина] // 东北亚论坛[Форум Северо-Восточной Азии]. 2022. № 31(02). С. 3–18.

163. 习近平[Си Цзиньпин]. 习近平谈“一带一路”[Си Цзиньпин: "Один пояс, один путь"]. 北京: 中央文献出版社[Пекин: Центральное издательство литературы ЦК КПК], 2018. – 359 с.

164. 习近平[Си Цзиньпин]. 习近平总书记系列重要讲话读本[Зачитывание серии важных речей Генерального секретаря Си Цзиньпина]. 北京: 中央文献出版社[Пекин: Центральное издательство литературы ЦК КПК], 2016. – 194 с.

165. 习近平关于中国特色大国外交论述摘编[Сборник выдержек из высказываний Си Цзиньпина о дипломатии великой державы с китайской спецификой] // Сост. Институт истории партии и документации ЦК КПК. 北京: 中央文献出版社[Пекин: Центральное издательство литературы ЦК КПК],

2020. – 282 с.

166. 习近平外交思想学习纲要[Программа изучения внешней мысли Си Цзиньпина] // Сост. Отдел пропаганды ЦК КПК, МИД. 北京: 人民出版社, 学习出版社[Пекин: Народное издательство, Учебное издательство], 2021. – 217 с.

167. 向芳青,王友云[Сян Фанцин, Ван Юйюнь]. 中国-东盟构建更加紧密命运共同体路径探讨[Исследование пути создания более тесного сообщества судьбы между Китаем и АСЕАН] // 时代经贸[Таймс Экономика и торговля]. 2023. Т. 20. № 6. С. 85–88.

168. 邢瑞利[Синь Жуйли]. 美国“印太经济框架”对中国—东盟关系的影响及应对[Влияние "Индо-Тихоокеанских экономических рамок" США на отношения Китая и АСЕАН и их реакция] // 和平与发展[Мир и развитие]. 2023. № 6. С. 105–133.

169. 徐步 [Сюй Бу]. 构建新型国际关系的理论内涵及时代意义 [Теоретическое содержание и современное значение построения международных отношений нового типа] // 国际问题研究 [Исследования по международным проблемам]. 2021. № (03). С. 1–22.

170. 徐进[Сюй Цзинь]. 新时代中国特色大国外交与习近平外交思想的相互成就[Взаимное достижение великодержавной дипломатии с китайской спецификой и дипломатической мысли Си Цзиньпина в новую эпоху] // 东方学刊[Вестник востоковедения]. 2023. № 4. С. 3–8.

171. 杨洁勉[Ян Цземьянь]. 习近平外交思想指导构建大国关系新格局 [Дипломатическая мысль Си Цзиньпина направляет строительство новой модели отношений между великими державами] // 国际问题研究 [Международные исследования]. 2023. № 5. С. 1–18.

172. 杨悦,李正阳[Ян Юэ, Ли Чжэньян]. “一带一路”在东南亚的十年共建

与高质量发展的方向[Десять лет "Пояса и пути" в Юго-Восточной Азии и дальнейший путь к качественному развитию] // 国际论坛[Международные форумы]. 2023. № 25(06). С. 53–71.

173. 叶海林,李铭恩[Е Хайлинь, Ли Минъинь]. 美国“印太战略”的调整与中国周边外交的因应[Корректировка "Индо-Тихоокеанской стратегии" США и ответная реакция китайской дипломатии соседства] // 拉丁美洲研究[Латиноамериканские исследования]. 2023. № 45(01). С. 28–49.

174. 于洋[Юй Ян]. 人类命运共同体理念的建构历程及理论价值[История создания и теоретическая ценность концепции сообщества единой судьбы человечества] // 西北师大学报[Вестник Северо-Западного педагогического университета]. 2024. № 61(02). С. 14–22.

175. 于游,高飞[Юй Ю, Гао Фэй]. 构建新型大国关系:中俄伙伴关系外交的经验与启示[Построение нового типа крупных властных отношений: опыт и знания китайско-российской дипломатии партнерства] // 太平洋学报[Тихоокеанский журнал]. 2021. № 29(01). С. 51–61.

176. 袁堂军[Юань Таньцзюнь]. 亚洲的挑战-迈向命运共同体 [Вызов Азии - на пути к сообществу судьбы]. 上海: 复旦大学[Шанхай: Издательство Фуданьского университета], 2018. – 262 с.

177. 张建[Чжан Цзянь]. 中国周边外交再思考 [Новое осмысление периферийной дипломатии Китая] // 世界纵横[Аспекты мира]. 2013. № 6. С. 41–43.

178. 张洁,梁鸿[Чжан Цзе, Лян Хун]. 中国—东南亚共建“一带一路”高质量发展: 地区经验、秩序重构与战略再定位[Качественное развитие совместного строительства "Пояса и пути" между Китаем и Юго-Восточной Азией: региональный опыт, реконструкция порядка и стратегическое позиционирование] // 南洋问题研究[Наньянские исследования]. 2023. № 2. С.

2–13.

179. 张宇燕[Чжан Юйянь]. 习近平新时代中国特色社会主义思想外交思想研究[Исследование внешнеполитической мысли Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху]. 北京: 中国社会科学出版社[Пекин: Издательство общественных наук Китая], 2019. – 100 с.

180. 周士新[Чжоу Шисинь]. 中国与东南亚国家外交关系 70 年: 经验、反思及展望[Семьдесят лет дипломатических отношений между Китаем и странами Юго-Восточной Азии: опыт, размышления и перспективы] // 南洋问题研究[Исследование Южных морей]. 2020. № 1. С. 2–13.

181. 朱中博[Чжу Чжунбо]. 推动构建新型国际关系: 理念发展、历史动因与理论地位[Содействие строительству международных отношений нового типа: развитие концепции, исторические причины и теоретическое положение]. 国际观察[Международные наблюдения]. 2022. № (05). С. 1–25.

182. 左凤荣[Цзо Фэнжун]. 习近平关于构建新型国际关系的重要论述及其重大意义 [Важные рассуждения Си Цзиньпина о построении международных отношений нового типа и их значимость] // 理论视野[теоретический горизонт]. 2023. № 10. С. 17–24.